

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

174

АНТИЧНАЯ АРХЕОЛОГИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

174

АНТИЧНАЯ АРХЕОЛОГИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА 1983

Редакционная коллегия:

О. С. ГАДЗЯЦКАЯ (ответственный секретарь), Н. Н. ГУРИНА,
А. Н. КИРПИЧНИКОВ (зам. ответственного редактора), Ю. А. КРАСНОВ,
В. В. КРОПОТКИН, И. Т. КРУГЛИКОВА (ответственный редактор),
В. П. ЛЮБИН, В. М. МАССОН, Н. Я. МЕРПЕРТ, Р. М. МУНЧАЕВ,
В. В. СЕДОВ (зам. ответственного редактора), Д. Б. ШЕЛОВ

СТАТЬИ

Б. Н. ФЕДОРОВ

ДОРИЧЕСКАЯ АРХИТЕКТУРА ХЕРСОНЕСА ТАВРИЧЕСКОГО IV—III ВВ. ДО Н. Э.

Неоднократные перестройки Херсонеса Таврического в различные периоды его существования полностью уничтожили греческие ордерные постройки. Однако факт их существования подтверждают многочисленные архитектурные фрагменты, найденные там в разное время.

В данной статье рассматриваются памятники дорического ордера IV—III вв. до н. э.

Находки, послужившие исходным материалом для изучения утраченных дорических построек, следует разделить на пять групп: 1) барабаны стволов колонн, 2) капители, 3) антаблементы и их части (архитравы, мутулы, метоны и пр.), 4) стилобаты со следами колонн, 5) фрагменты дорических надгробий.

Анализ этих элементов дорических сооружений показал, что они: а) наглядно фиксируют временные этапы трактовки частей ордера в зависимости от степени освоения мастерами свойств обрабатываемого камня; б) позволяют выяснить сферу применения ордера в архитектуре Херсонеса; в) дают возможность установить ориентировочные высоты дорических построек, что может дать реальное представление о силуэте застройки города; г) свидетельствуют о композиционных и художественно-пластических качествах дорической архитектуры города и некрополя; д) помогают выявить как традиционные черты в херсонесской дорике, характерные для греческого античного мира, так и самобытные ее черты.

Обратимся к определяющим элементам ордера — колоннам. Целых дорических колонн в Херсонесе не обнаружено. Найденны их барабаны диаметром от 0,2 до 1 м и 27 хорошо сохранившихся капителей от 26 различных построек.

Капители можно разделить на две одновременные группы, определяющиеся характером обработки поверхностей: 1 — упрощенная по форме, грубая по моделировке профилей, иногда с припухлыми эхинами, завершающаяся внизу обломом в виде одного или двух валиков. Известно 4 экз. (рис. 1). Судя по тому, как робко обработаны капители и как многочисленны исправления криволинейных обломов в процессе рубки, можно заключить, что мастера работали еще скованно, неуверенно; херсонесский известняк являлся для них непривычным — он был слишком мягок и легко скалывался при малейшем ударе. Чувствовалось, что каменотесы пытаются понять возможность нового материала и найти способ, позволяющий выполнять тонкие детали. 2 — силуэты капителей отличаются выразительностью форм и правильной геометрией профилей. По четкости рисунка, упругим линиям эхинов они приближаются к классическим образцам, характерным для Греции V—IV вв. до н. э. (рис. 2). Вторую группу дорических капителей следует считать более поздней. Она свидетельствует о том, что мастера уже обрели уверенность в освоении непокорного камня и выработали новые приемы его обработки, основанные на технике резьбы. Диаметры гипотрахелионов, одновременно являющихся и верхними

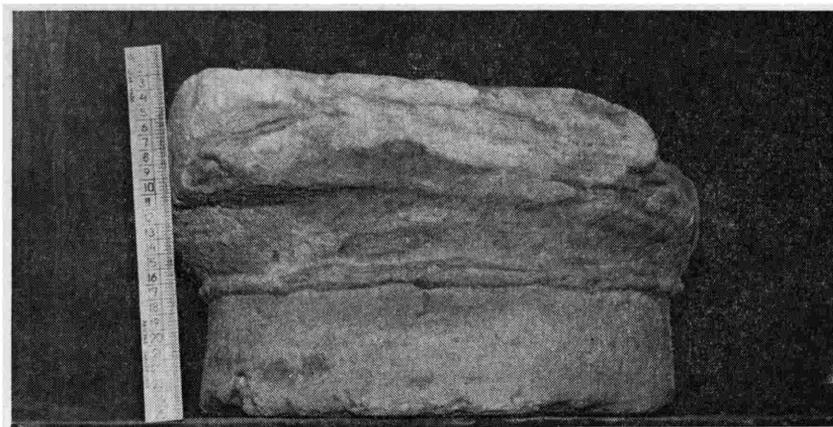

Рис. 1. Дорическая ранняя капитель (усл. № 130)

Рис. 2. Дорическая капитель (усл. № 68)

диаметрами стволов колонн, в обеих группах колеблются в следующих пределах: 0,185—0,270 м; 0,320—0,390 м; 0,400—0,475 м.

По этим данным, исходя из средних соотношений, характерных для архитектуры греческого мира конца V—IV в., можно вычислить примерные высоты колонн, которым принадлежали рассматриваемые капители.

Следует иметь в виду, что к середине V в. до н. э. в Греции отношение диаметров колонн монументальных зданий (верхнего к нижнему) составляло 7 : 9, а высота колонн исчислялась в среднем 6,5—7 верхними диаметрами (Парфенон, Пропилеи афинского Акрополя, храм Аполлона в Бассах и др.). Для построек конца V—IV в. высоты колонн несколько увеличились и стали уже определяться величиной, приближающейся к 6,5—7 нижним диаметрам (храмы: Зевса в Немее, Артемиды в Эпидавре, Афины Алеи в Тегее, Филиппейон на острове Делос и др.), а отношение диаметров стало в пределах, близких к 4 : 5—5 : 6¹. Поэтому без значительной доли погрешности мы можем вычислить примерные высоты херсонесских дорических колонн, имеющих капители первой группы, исходя из семи верхних диаметров, а с капителями второй группы — из семи нижних. Результаты расчета сведены в таблицу 1.

Данные таблицы 1 показывают, что высоты колонн делятся на две категории: от 1,62 до 3 м — у 17 капителей и от 3 до 4,1 м — у девяти капителей². Отсюда мы можем предположить, что колонны высотой до 3 м, вероятно, принадлежали жилой архитектуре, а выше — 3 м — монументальным общественным зданиям. Нашу версию подтверждают археологи-

Таблица 1

№ пп	Усл. № паспорта капители	Диаметр гипотрахеона (верхн. диаметр колонны), м	Нижний диаметр колонны	Высота колонны (с капителью)	Примечания
1	126	0,460	0,591	3,220	Ранние ** капители
2	6/№*	0,395	0,508	2,765	
3	129	0,370	0,476	2,590	
4	130	0,360	0,463	2,520	Капители одинаковые
5	6/№	0,475	0,594	4,156	
6	6/№	0,475	0,594	4,156	
7	10	0,445	0,556	3,894	
8	6/№	0,400	0,500	3,500	
9	125	0,390	0,487	3,412	
10	68	0,355	0,444	3,106	
11	6/№	0,355	0,444	3,106	В экспозиции
12	6/№	0,350	0,437	3,062	
13	354	0,330	0,412	2,887	
14	6/№	0,320	0,400	2,800	
15	314	0,270	0,337	2,362	
16	6/№	0,270	0,337	2,362	
17	363	0,260	0,325	2,275	
18	6/№	0,255	0,319	2,231	Фрагмент
19	364	0,240	0,300	2,100	
20	101	0,240	0,300	2,100	
21	6/№	0,230	0,287	2,012	
22	313	0,227	0,284	1,986	
23	6/№	0,223	0,279	1,951	
24	181	0,215	0,269	1,883	
25	365	0,210	0,262	1,837	
26	6/№	0,185	0,231	1,620	
27	6/№	0,160	0,200	1,400	

* Капители инвентарных номеров не имеют.

** Расчет ранних капителей проведен из соотношения 7:9, остальные — 4:5.

ческие материалы: большинство рассматриваемых капителей небольших диаметров найдены именно в жилых кварталах. К последним относятся четыре капители (см. табл. 1, № 19, 21—23), найденные на северном берегу Г. Д. Беловым в кварталах XIX и XXVIII; фрагмент капители (табл. 1, № 20), обнаруженной Р. Х. Лепером в северо-восточной части городища и др. Это же подтверждают и следы дорических колонн на камнях основания портика греческого жилого дома, открытого в 1913 г. Р. Х. Лепером в VII квартале. Диаметр следа равен 0,4—0,41 м, что соответствует высоте колонны в 2,835 м (исходя из семи нижних диаметров) ³.

Высоты монументальных ордерных построек нетрудно определить по размерам отдельных деталей, зная закономерность их соизмерения между собой, присущую для архитектуры рассматриваемого времени. Для Херсонеса IV—III вв. такое определение оказалось затруднительным, так как до сих пор археологи не обнаружили значительных фрагментов монументальных дорических зданий (хотя бы, как минимум, двух), которые позволили бы путем сопоставления их частей выявить наличие взаимосвязей отношений ордера.

Найденные в 1969 г. И. А. Антоновой в куртине № 20 оборонительных стен города два больших блока дорического архитрава с регулами, датированные IV—III вв. до н. э., также не дают возможности представить весь антаблемент ввиду отсутствия фриза и карниза.

Для решения этой задачи обратимся к надгробиям IV—III вв. до н. э., найденным в 1960—1961 гг. С. Ф. Стржелецким в башне XVII. Пять фрагментов памятников, выполненных в дорике, имеют сохранившиеся полные антаблемнты (рис. 3, 1). Данные о них сведены в таблицу 2. Из последней видно, что все пять антаблементов надгробий имеют близкие соотношения частей. Высоту фриза вместе с карнизом определяет двойная ширина триглифа (Т), а высота архитрава соответствует $1\frac{1}{3}$ триглифа ($1\frac{1}{3}$ Т). Следовательно, полный антаблемент составит $3\frac{1}{3}$ Т. Отсюда можно сделать вывод, что пропорциональный строй всех рассмотренных

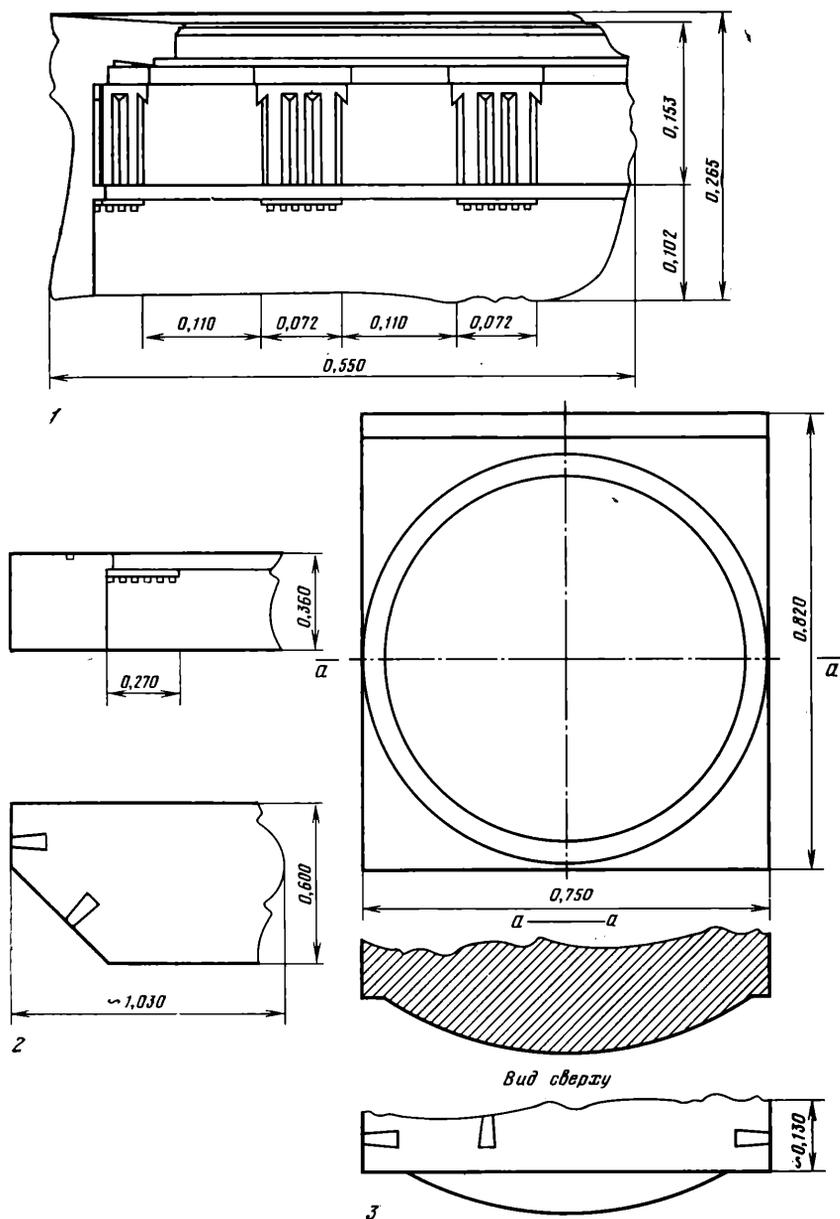

Рис. 3. Архитектурные детали (размеры даны в метрах)

1 — антаблемент надгробия (инв. № 74/36847); 2 — архитрав из куртины № 20; 3 — метопа из цитадели

дорических памятников Херсонеса соответствует нормам дорического зодчества греческого мира позднеклассического-эллинистического времени. Такие же соотношения частей антаблемента наблюдаются в храмах Зевса в Немее, Кабиров на острове Самофрака и др.

Если теперь снова вернуться к архитраву, обнаруженному в куртине № 20 (рис. 3, 2), то при измерении его высоты окажется, что длина регулы (a она всегда равна ширине триглифа) уложится в ней $1\frac{1}{3}$ раза, т. е. при длине регулы 0,270 м высота будет равна 0,360 м, что также соответствует пропорциям дорики IV—III вв. до н. э.

Таким образом, теперь можно уверенно определить полную высоту антаблемента по его части (по архитраву), она будет равна сумме высот архитравной балки и двойной ширины регулы, т. е. 0,900 м.

Убедившись на примере антаблементных частей в точности модуль-

Таблица 2

Часть антаблемента	Антаблемент над- гробия, инв. № 76/36847, полевой № 4/61	Антаблемент над- гробия, инв. № 123/36847, полевой № 4-а/61	Антаблемент над- гробия, инв. № 74/36847, полевой № 4-б/61		Антаблемент над- гробия с цветн. кесс. инв. № 99/36847, полевой б/л/61	Антаблемент. Блок надгробия, инв. № 12/36847, полевой № 394 и 415	Примечания
			лицевая сторона	оборотная сторона			
Ширина триглифа, мм	79	73	72	75	22	37	—
Высота карниза, мм	47	30	27	32	20	21	—
Высота фриза, мм	103	122	126	121	30	55	—
Высота карниза + + фриза, мм	150	152	153	153	50	76	2 ¹ / ₃ T ** для 4
Высота карниза + + фриза, соответст- вующая 2 T, мм	158	146	144	150	44	74	—
Отступление от 2T, %	-5,0*	4,1	6,2	2,0	13,6	2,6	Среднее отступл. 3,6%
Высота архитрава, мм	110	98	102	98	29	48	—
Высота архитрава, соответствующая 1 ¹ / ₃ T, мм	105	97	96	100	28	49	—
Отступление от 1 ¹ / ₃ T, %	4,7	1,0	6,2	-2,0	0,0	-2,0	Среднее отступл. 1,3%

* Со знаком — (тире) данные берутся в случае, когда размер элемента меньше нормы.

** За модуль принята ширина триглифа — T.

ной системы херсонесской дорики IV—III вв. до н. э., можно с достаточной степенью уверенности утверждать, что и полный ордер (от стилобата до карниза) также будет соответствовать принятым для этого времени нормам, т. е. $13\frac{1}{4}$ —14 T (высота колонны)⁴ + $3\frac{1}{3}$ T (высота антаблемента, что даст 17 T)⁵. Следовательно, в случае архитрава из куртины № 20 полный ордер составит 4,59 м.

Определение полной высоты здания от поверхности земли до конька кровли представляет определенную трудность, и прежде всего потому, что высоты стереобатов различных построек, даже в пределах одного отрезка времени, имеют значительные колебания, не подчиняясь никаким закономерностям. И все же для большинства дорических, особенно храмовых, зданий IV—III вв. до н. э. можно принять без значительной доли погрешности соотношение высоты колонны к полной высоте здания как 1 : 1,7—1 : 1,8, что составит 23,8 T⁶. Таким образом, легко установить порядок высот монументальных дорических построек Херсонеса, пользуясь сохранившимися деталями ордера данного времени.

Так, архитрав куртины № 20 дает полную высоту здания в 6,425 м, два полихромных фрагмента мутул при ширине 0,42 м = T определяют полную высоту постройки в пределах 10 м. Метопы с круглым щитом (рис. 3, 3), найденная в цитадели, при ее ширине 0,75 м⁷ дает высоту здания порядка 41,9 м.

Обнаруженный еще К. К. Косцюшко-Валюжиничем каннелированный дорический барабан колонны, диаметр которого 0,96 : 1 м, фиксирует высоту здания 12,25 м (по соотношению высоты колонны)⁸. Что же касается определения высот построек по девяти наибольшим дорическим капителям, рассмотренным в настоящей статье, то их можно также вычислить по соотношению высоты колонны. Они составят от 7,26 м до 5,34 м.

Таким образом, следует отметить.

1. Дорический ордер в Херсонесе Таврическом получил значительное распространение уже с первых лет основания города, когда еще только ос-

ваивался мастерами-колонистами непривычный хрупкий строительный камень, не позволивший им долго выполнять архитектурные детали сложной формы с тонкими орнаментальными порезками. Именно поэтому, как нам кажется, в конце V в. до н. э. (а возможно, и в самом начале IV в. до н. э.) не могли создаваться постройки в ионическом ордере.

2. С освоением пластических возможностей камня дорический ордер стал совершеннее, приобрел сложную по геометрии профилировку.

3. В архитектуре Херсонеса дорический ордер широко применялся не только для общественных и культовых зданий, но также для жилых домов и надгробий.

4. В пропорциональном строе херсонесская монументальная дорическая архитектура следовала нормам, характерным для греческого мира IV—III вв. до н. э., и видимого отставания, как это можно было бы ожидать от периферии, не наблюдается.

5. Высоты дорического ордера в жилых домах города рассматриваемого времени также не выходили за пределы тех норм, по которым строили в Афинах, Олинфе, Ольвии и других городах греческого мира.

6. Монументальная дорическая архитектура Херсонеса, формировавшая силуэт города, определялась общественными и культовыми зданиями, достигавшими высоты 6—10 м, а порой даже 12 м и более, т. е. не уступала таким греческим постройкам, как Гефестейон в Афинах, высота которого равна 10,5 м, или храм Аполлона в Бассах высотой 11 м.

7. Художественная сторона дорического зодчества Херсонеса отличается чрезвычайно высокими композиционными и пластическими качествами, ибо здесь работали мастера и зодчие высочайшей культуры и большого художественного таланта.

¹ Хазанов Д. Б. Модуль и масштаб в греческой архитектуре. — В кн.: Вопросы теории архитектурной композиции. М., 1958, вып. 4, с. 37.

² Капитель малых размеров (порядковый № 27, табл. 1), вероятно, принадлежала отделке интерьера жилого дома.

³ Федоров Б. Н. О композиции и реконструкции жилого дома конца IV—III вв. до н. э. в VII квартале Херсонеса. — В кн.: Проблемы развития зарубежного искусства. Л., 1975, вып. 1, с. 18—25.

⁴ Высоты колонн соответствовали: в храме Афины Алеи в Тегее — $13\frac{1}{4}$ Т;

в храме Зевса в Немее — $13\frac{3}{4}$ Т; в храме Афины Никефоры в Пергаме — 14Т; в храме Кабирос на острове Самофрака — 14Т и т. д.

⁵ $(13\frac{1}{4}Т + 14Т): 2 + 3\frac{1}{3}Т = 16,9Т - 17Т.$

⁶ $[(13\frac{1}{4}Т + 14Т): 2] \times 1,75 = 23,84375Т - 23,8Т.$

⁷ Ширина метопы обычно в греческих зданиях равна $1\frac{1}{2}Т.$

⁸ При условии, если на нижний диаметр колонны взять больший диаметр блока. Однако не исключено, что нижний диаметр этой колонны был больше.

И. Б. БРАШИНСКИЙ

К ПРОБЛЕМЕ ЛОКАЛИЗАЦИИ ГРУППЫ АМФОР С ТАК НАЗЫВАЕМЫМИ СТАКАНООБРАЗНЫМИ ДОНЬЯМИ

В настоящее время основной массив керамической тары, импортировавшейся в Причерноморье в VI—II вв. до н. э., достаточно твердо и убедительно локализован по различным средиземноморским и черноморским центрам¹, однако сохраняется значительная группа разнотипных амфор различных центров производства, которые пока не могут быть достаточно обоснованно локализованы по конкретным центрам. Они причисляются к амфорам неизвестного происхождения и фигурируют в научной литературе под различными описательными наименованиями.

К такого рода амфорам принадлежит группа тары, известная в настоящее время под описательным названием амфор со «стаканообразными

доньями (рис. 1) ². Проблема локализации этой группы керамической тары представляет большой интерес прежде всего потому, что амфоры со «стаканообразными доньями» были одной из наиболее широко распространенных групп керамической тары в Причерноморье в V в. до н. э. Материалы раскопок последних лет на Березани позволяют предполагать начало импорта подобных амфор еще во 2-й половине — конце VI в. до н. э.

И. Б. Зеест дала подробное описание их морфологических особенностей и глиняного теста, из которого они сформованы, и пришла к выводу, что центр их производства неизвестен.

В связи с этим вызывает удивление категорическое объявление некоторыми археологами (прежде всего В. В. Рубаном) амфор со «стаканообразными доньями» аттическими: их без всяких сомнений и какого бы то ни было обоснования именуют «афинскими амфорами» ³. Эта совершенно произвольная и бездоказательная локализация рассматриваемой группы керамической тары, по-видимому, связана с вольным и некритическим толкованием замечания И. Б. Зеест, которая, достаточно определенно подчеркнув, что «центр производства этих амфор неизвестен», вместе с тем заметила: «Вероятно, их форма возникла под воздействием аттических амфор, о которых дают представление многочисленные рисунки на краснофигурных вазах» ⁴. Правда, в другом месте своего труда И. Б. Зеест писала, что рассматриваемые амфоры она предположительно относит к изделиям Афин, вместе с тем, однако, подчеркнув, что «амфоры аттического производства пока еще не выделены». Усматриваемое И. Б. Зеест сходство формы амфор со «стаканообразными доньями» с изображениями амфор на аттических краснофигурных вазах выражено ею здесь во мнении, что «керамическая тара этого типа была в Афинах широко известна и могла быть местного производства или изделием одного из центров, находившихся в тесном общении с Афинами» ⁵.

Как видим, суждения И. Б. Зеест о рассматриваемых амфорах весьма неуверенны и отчасти противоречивы, ни в коей мере не дают оснований для безапелляционных выводов, об их якобы афинском происхождении.

Следует, однако, отметить, что сама предполагаемая И. Б. Зеест связь формы амфор со «стаканообразными доньями» с изображениями амфор на аттических краснофигурных вазах представляется недостаточно убедительной, а тем более доказанной. Действительно, на некоторых краснофигурных рисунках остродонных амфор можно усмотреть некоторые, чаще всего довольно отдаленные, черты сходства с интересующими нас сосудами. Это сходство ограничивается в основном тем, что у амфор на рисунках в некоторых случаях нарисовано острое дно и прямое горло. Однако на подавляющем большинстве аттических краснофигурных рисунков изображения остродонных амфор совершенно отличны от амфор со «стаканообразными доньями» ⁶ и могут, при желании, привести к выводу о совершенно иных их прототипах. Следует к тому же иметь в виду (это отчетливо видно даже при беглом рассмотрении изображений амфор на краснофигурных сосудах), что обычно художник передавал форму амфоры в достаточно общих чертах, не ставя перед собой задачи (а, возможно, в силу самого характера и техники рисунка и не будучи в состоянии) точного воспроизведения всех морфологических особенностей и деталей изображаемого сосуда. Поэтому у меня вообще вызывает сомнение плодотворность попыток лока-

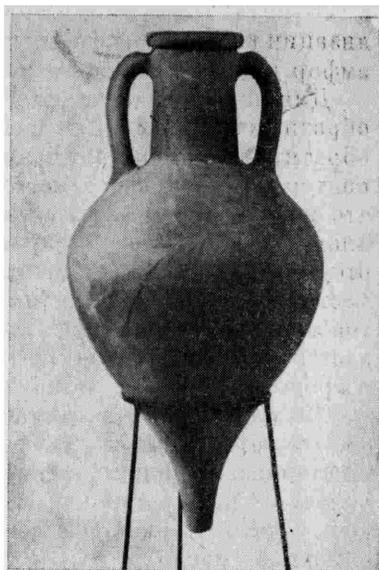

Рис. 1. Амфора со стаканообразной ножкой

лизации конкретных групп керамической тары на основании изображений амфор в вазовой живописи.

Для подтверждения или отрицания определения амфор со «стаканообразными доньями» как аттических (или афинских) следует, как кажется, обратить серьезное внимание и на некоторые соображения и иного характера. Прежде всего, нельзя не учитывать того примечательного факта, что среди весьма обширного амфорного комплекса из самих Афин, судя по многочисленным публикациям, амфоры со «стаканообразными доньями» отсутствуют или, во всяком случае, не занимают достойного упоминания места. В. Грэйс не случайно отмечает, что, несмотря на наличие фрагментов заведомо аттических амфор, бесспорная атрибуция которых подтверждается содержащимися на них афинскими клеймами, форму афинской остродонной амфоры установить пока не удастся⁷.

Следует обратить внимание и еще на один момент при изучении амфор со «стаканообразными доньями»: судя по сохранившимся в ряде случаев на стенках и днищах амфор органическим остаткам, в них транспортировалось и хранилось вино. Между тем хорошо известно, что Афины в V в. до н. э. не были экспортером вина, а широко вывозили на внешние рынки оливковое масло.

Все сказанное заставляет решительно воздержаться от принятия ничем не обоснованного определения В. В. Рубана амфор со «стаканообразными доньями» как афинских (аттических) и считать проблему их локализации в полной мере открытой.

¹ *Зеест И. Б.* Керамическая тара Боспора.— МИА, 1960, № 83.

² *Зеест И. Б.* Керамическая тара..., с. 74, табл. III, 9.

³ *Рубан В. В., Отрешко В. М.* Раскопки поселения Чертоватое II.— АО 1975 г. М., 1976, с. 387; *Рубан В. В., Рычка В. М.* Исследование античных памятников близ Ольвии.— АО 1976 г. М., 1977, с. 362; и особенно: *Рубан В. В.* О датировке Ягорлыкского поселения.— В кн.: Исследования по античной археологии Северного Причерноморья. Киев, 1980, с. 108.

⁴ *Зеест И. Б.* Керамическая тара..., с. 74.

⁵ Там же, с. 18.

⁶ См., например: *Pottier E.* Vases antiques du Louvre. Paris, 1922, pl. 119, G 150; *Richter G. M. A.* Red-Figured Athenian Vases in the Metropolitan Museum of Art. New Haven, 1936, Pl. 23, 21; 72, 69; *Boardman J.* Athenian Red Figure Vases, The Archaic Period. London, 1975, fig. 32, 1; 35, 69, 73, 129; 304, 1, etc.

⁷ *Grace V. R.* Exceptional Amphora Stamps.— In: PHOROS. Studies in classical Art and Archaeology. Published J. J. Augustin. Locust Valley. N. Y., 1979, p. 122.

Т. В. МИРОШИНА

ГРЕЧЕСКИЕ ГОЛОВНЫЕ УКРАШЕНИЯ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

М. И. Ростовцев приводит ряд диадем, стленгид, калафов и повязок с бляшками из греческих некрополей Северного Причерноморья¹. Он соединяет калаф и стленгиду в один убор. Однако не все упоминаемые им бляшки от суживающихся головных повязок относятся к головным уборам, да и нельзя считать такие повязки только таманскими. Основной задачей М. И. Ростовцева была реконструкция скифского головного убора. Задачей нашей работы является описание пяти типов греческих головных украшений — диадем, стленгид, калафов, повязок с бляшками и стефан. Все они сделаны из золота. Наиболее распространены диадемы (37,5%). Видимо, из женских погребений происходят две диадемы (№ 1, 2), случайно найденные в Ольвии в 1897 г.² Обе в середине расширяются, у второй в верхней части — подтреугольный выступ (рис. 1 а, б). Аналогии двойным сфинксам в профиль диадемы № 1 есть среди украшений скиф-

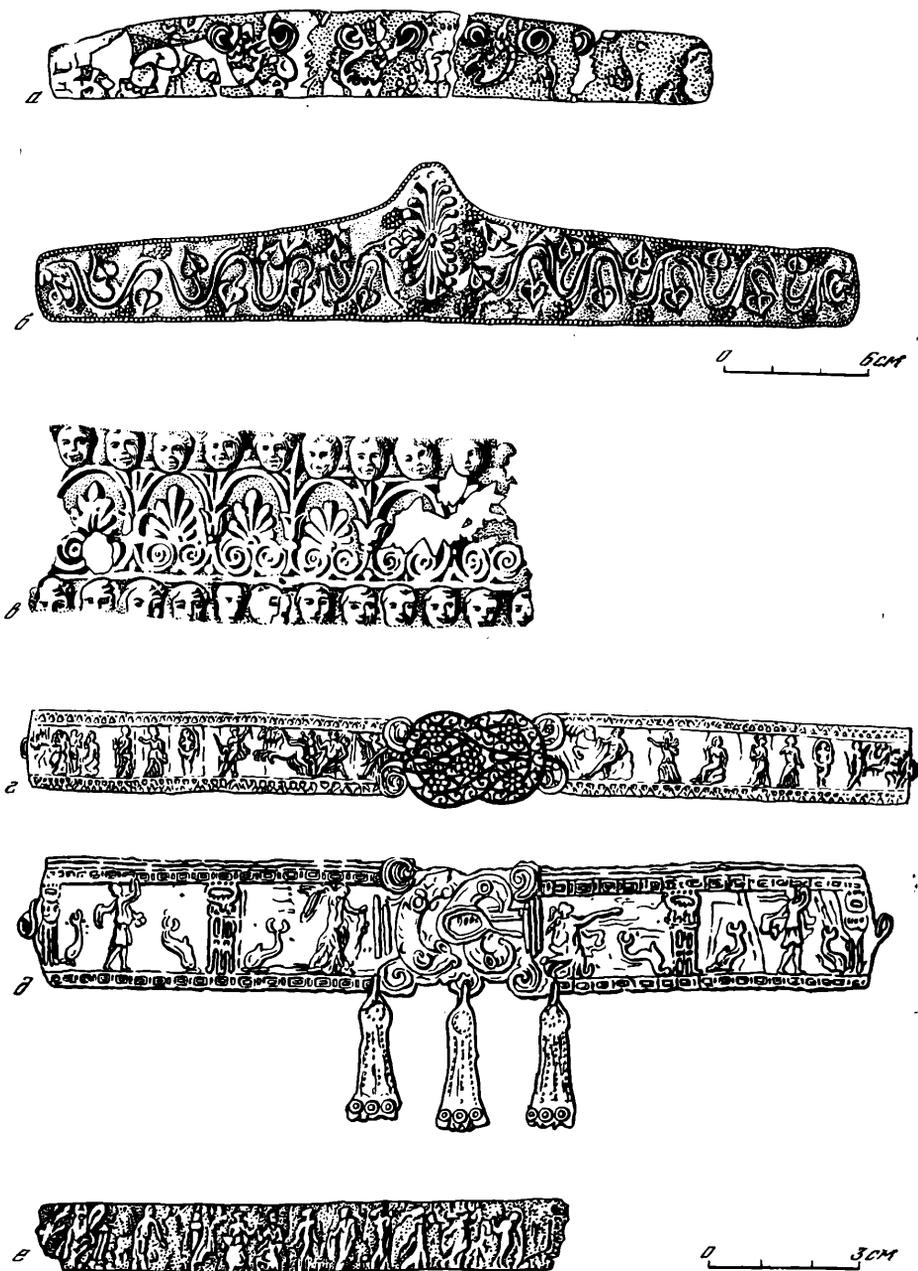

Рис. 4. Диадемы

а — Ольвия — 1897 г. № 1; б — Ольвия — 1897 г. № 2; в — Малая Близница, погребение 7; г — Пантикапей, курган 1835 г.; д — Пантикапей, курган 1838 г.; е — Анапа, курган 1881 г. погребение 2

ского калафа II из Чертомлыка ³. Точных аналогий диадеме № 2, на которой от центральной пальметки отходят побеги вьюнка с цветами, нет, но стиль соответствует золотым украшениям скифских головных уборов второй половины IV в. до н. э. ⁴ Этим временем можно датировать обе находки из Ольвии. В Малой Близнице в погребении 7 1882 г. с сожжением (конец III в. до н. э.) ⁵ найдены обломки золотой диадемы (№ 3) ⁶. На ней чередуются пальметки и лотосы, сверху — ряд комических масок, снизу — головки негров (рис. 1, в). Видимо, это мужское или парное погребение, так как наряду с украшениями там обнаружены фрагменты удия и копья,

а также оселок. Из женских погребений некрополя Пантикапея происходят две диадемы с геракловым узлом в центре. Одна из них (№ 4) (рис. 1, *з*) с воспроизведением сюжета гомеровского гимна Деметре (похищения Персефоны и поиски ее Деметрой) происходит из кургана 1835 г. (урна с сожжением) ⁷. Терракоты на сюжет гимна Деметре были найдены в погребении жрицы Деметры в Большой Близице (вторая половина IV в. до н. э.) ⁸. Узел в центре украшен филигранными розетками, подобными украшениям серег из Куль-Обы и поясных изделий из Курджипса ⁹. Вероятно, можно датировать диадему второй половиной IV в. до н. э. Диадема из кургана 1838 г. (№ 5) ¹⁰ была обнаружена на лбу женского костяка. На ней изображены менады, между ними — треножники и дельфины (рис. 1, *д*). Серебряная монета Левкона II датирует этот комплекс третьей четвертью III в. до н. э. Фрагмент золотой ленты неясного штампа (№ 6) (менады в вакхической пляске) (рис. 1, *е*) происходит из кургана 1881 г. (погребение 2) ¹¹, который М. И. Ростовцев датирует III в. до н. э. ¹² Диадемы № 5 и 6 украшены менадами, которые часто изображались на пластинках скифских (например, из Деева и Рыжановского курганов) ¹³ и греческих (погребение 4 Большой Близицы) ¹⁴ калафов, т. е. они типичны для головных уборов. Изготовлены диадемы из тонких листков золота тиснением. Видимо, их наклеивали, так как отверстий на них, кроме диадемы 3, нет, подобно некоторым скифским бляшкам, в том числе от головных уборов. Основой диадемы, вероятно, была кожаная или матерчатая лента, которую завязывали на затылке. Носили их на середине лба. У диадемы № 4 и 5 по бокам есть петли. Видимо, через них продевали шнуры и завязывали сзади. Возможно, эти диадемы изготавливались специально для погребения, так как золото тонкое. Погребальные диадемы IV в. до н. э. известны, например, из некрополя Тарента ¹⁵.

Изображения диадемы у женщин и мужчин часто встречаются в греческой скульптуре, вазописи (рис. 3, *е*) и монетах ¹⁶. В основном повязки были, конечно, из материи. В Греции найдены и золотые диадемы микенского времени из Трои, Микен и Кипра ¹⁷, а также VIII—VII вв. до н. э. из Аттики и Родоса ¹⁸. Украшены они спиральями, цветами, сфинксами, лотосами, сценами терзания и т. д. Более поздние золотые диадемы с территории Греции нам неизвестны ¹⁹.

Л. Ф. Силантьева предположила, что диадемами могли служить пронизи из двух типов плоских корбочек (например, овальных или крестообразных) ²⁰. Они не имеют аграфов, форма не подходит для изгиба дугой, они короче обычных ожерелий. Длина пронизей 20 см (достоверна длина их из Ольвии ²¹ и кургана 17 Нимфея ²², где сохранились особые окончания — пальметки). Но в Деевом и Рыжановском курганах они найдены вместе с метоидой, а в Чмыревой могиле — сразу два экземпляра пронизей ²³, поэтому вряд ли они могли быть диадемой. Звенья пронизей имеют по два горизонтальных отверстия, т. е. надевались на две нитки, что придавало большую подвижность. Например, их можно надеть на руку в качестве браслета. Длина пронизей вполне соответствует охвату руки, не нужны аграфы, так как концы соединялись друг с другом теми же нитками, на которые надевали пронизи. Аналогии — браслет из Кипра из овалов и розеток ²⁴ и стеклянный браслет из пронизей с двумя отверстиями из Херсонеса ²⁵. Более длинные пронизи (сохранившаяся часть из Деева кургана — 27 см) могли служить ожерельем, плотно охватывающим шею.

Начельники, имитирующие в золоте локоны волос с пробором посредине, назывались ампики или стленгиды (их 25%). Известны они только в женских погребениях. Стленгида из Павловского кургана у Керчи (№ 1) ²⁶ (конец IV в. до н. э.) подражает волнистым локонам волос (рис. 2, *а*). В погребении жрицы Деметры кургана Большая Близица (вторая половина IV в. до н. э.) найдена стленгида в виде слегка волнистых волос, с фигурками сидящей Ники на каждом конце (№ 2) ²⁷. Стленгида из погребения 4 того же кургана (№ 3) выполнена в виде завитков волос с розетками в каждом завитке. С боков к ней были прикреплены две треугольные пластинки, также имитирующие ряды завитых локонов ²⁸

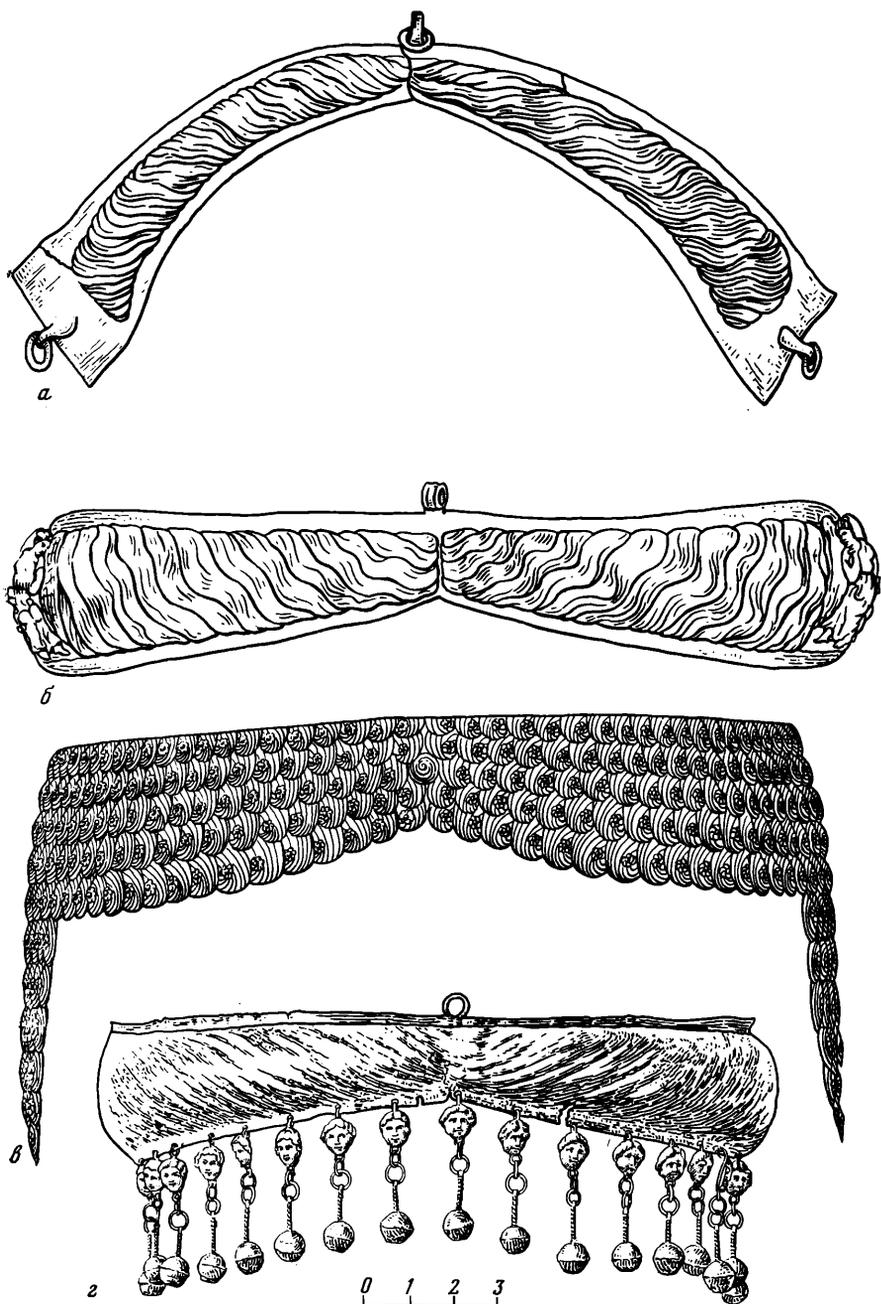

Рис. 2. Стленгиды

а — Павловский курган; б — Большая Ёлзница, погребение жрицы Деметры; в — Большая Ёлзница, погребение 4; г — Анапа, курган 1881 г., погребение 1

(рис. 2, б, в). Наиболее поздняя стленгида (№ 4) известна из погребения 1 кургана 1881 г. у Анапы (III в. до н. э.). Она подражает почти прямым волосам, зачесанным назад. На концах ее изображены львиные морды, а к нижней части прикреплены 17 (было 19) подвесок с женской маской (Медуза?) и круглой золотой бусиной²⁹ (рис. 2, г).

Сверху в центре и по бокам (на висках) у стленгид припаяны петли, к которым, видимо, прикрепляли шнуры, все три шнура завязывали на затылке. Носили ее на верхней части лба, по краю волос, и завязки не давали стленгиде скатываться ниже. К боковым петлям могли привешивать

Рис. 3. Изображение греческих головных уборов, стефана, калафа

а — бляшка из кургана 1867 г. в Нимфее; б — калаф из погребения жрицы Деметры кургана Большая Близица; в — диадема на вазовой росписи, по Г. А. Цветаевой; г — стленгида на вазовой росписи, по М. И. Ростовцеву и П. К. Степанову; д — калаф на золотой подвеске из погребения жрицы Деметры кургана Большая Близица; е — суживающаяся повязка с бляшками на золотой бляшке из кургана 1852 г. у Фанагории; ж — стефана на фигурном сосуде из кургана 1869 г. у Фанагории

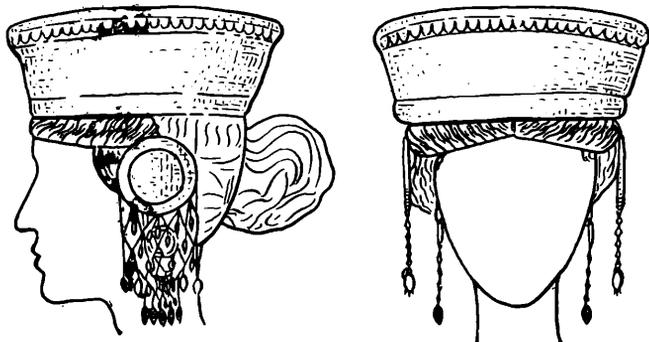

Рис. 4. Жреческий головной убор из Большой Близицы. Реконструкция автора

подвески в виде диска с петелькой наверху и амфоровидными привесками на цепочках. На височных подвесках из погребения жрицы Деметры Большой Близицы изображены Нереиды на гиппокампе, везущие оружие Ахиллу, а на подвесках из погребения 1 кургана 1881 г. у Анапы — Скилла с веслом и трезубцем. В стленгиде из погребения 4 Большой Близицы височные подвески заменяли привески с локонами.

Только стленгиду № 4, вероятно, сделали специально для погребения, так как работа небрежная.

Рельеф стленгид заполняла черная масса, чтобы он не деформировался³⁰, и, видимо, с обратной стороны приклеивалась материя. Изображения стленгид встречаются на краснофигурных вазах (рис. 3, з)³¹, а сами они из золота известны только в Южной России.

Часто со стленгидой сочетались греческие калафы — головные уборы в виде расширяющейся кверху корзинки (составляют 12% всех головных уборов). Целым сохранился калаф из погребения жрицы Деметры в кургане Большая Близица (№ 1) с изображением аримаспа, борющегося с грифоном (рис. 3, б). Длина нижней окружности 62 см. Видимо, золотая пластинка была нашита (есть отверстия) на кожаную основу, которая плотно прилегала к голове. По верху калафа идет полоса ов, по нижней краю — меандр, на который насажены золотые розетки с голубой эмалью³². В погребении 4 Большой Близицы найдено 11 чеканных фигурок (парящая Ника с лентой, 2 менады — на пантере и грифоне, по 2 менады и по 2 сатира вправо и влево), видимо, от калафа (№ 2)³³, чему не противоречат размеры фигурок. В центре три фигурки шириной по 8 см (Ника, менады на пантере и грифоне), остальные по 4 см. Они вполне могли украшать среднюю часть круглого калафа со всех сторон. Сверху убор, вероятно, украшали полоски с овами (общая длина ≈ 60 см), также найденные в погребении.

Калаф широко представлен в греческой вазописи, терракотах, скульптуре, на предметах торевтики (рис. 3, д)³⁴, особенно в архаическое время. Находок золотых калафов, кроме Северного Причерноморья, нет. В калафе изображались Зевс, Гера, Аполлон, Афродита, Эрот, Силен, но чаще всего — Деметра и Кора, т. е. это священный головной убор. Вероятно калаф служил символом идеи плодородия. Происходит он от круглой, плетеной из ивовых ветвей священной корзины с атрибутами культа, которую везли на колеснице четыре белых коня в священной процессии в элевсинских мистериях³⁵. Видимо, женщины из погребений 4 и жрицы Деметры Большой Близицы были жрицами в одном из таманских храмов, посвященных богине-матери, культ которой слился с элевсинскими мистериями³⁶. Л. Стефани и М. И. Артамонов³⁷ считали калаф и височные подвески, стленгиду и серьги из этих погребений двумя отдельными уборами. Нам кажется более верным мнение М. И. Ростовцева, что калаф и стленгиду носили одновременно (рис. 4)³⁸. Ведь встречаются терракотовые изображения богинь, у которых, например, стефана сочетается с лентой по краю волос³⁹. Вместе с диадемой № 3 и стленгидой № 4 найдены золотые венки.

В ряде женских погребений греческих некрополей известны бляшки от головных уборов, сочетающиеся со спиралевидными височными подвесками с пирамидками зерни на концах. М. И. Ростовцев предполагал, что они могут относиться к головной повязке, форма которой восстанавливается по золотой бляшке⁴⁰ (рис. 3, е). Она суживалась надо лбом и расширялась к затылку. Такие повязки известны по изображениям на вазах и скульптурах⁴¹. М. И. Ростовцев приводит несколько таких находок (Фанагория — курганы 1852 и 1869 гг.; Гермонасса — курганы 1868 и 1874 гг.)⁴². Но, к сожалению, местоположение бляшек из кургана 1852 г. у Фанагории неизвестно, а в кургане 1869 г. у Фанагории и в кургане 1868 г. у Гермонассы они происходят, видимо, от одежды. К головному убору можно отнести только бляшки из кургана 1874 г. у Гермонассы (№ 1) (12 экз. — голова Силена, 16 экз. — голова Медузы?), а также из Ольвии (№ 2) (некрополь — 100 могил, могила 2/1912) (10 экз. — женская

голова в покрывале вправо (Кора?), 8 экз. — голова Медузы, 7 экз. — полуэллиптической формы с пальметкой) и Мирмекия (№ 3) (могила 109/94) (3 экз. — полуэллиптической формы с пальметкой)⁴³ с аналогичными спиралевидными подвесками. Их всего 19%. Таким образом, повязки с бляшками типичны не только для Тамани, как полагал М. И. Ростовцев, но встречаются в различных местах. Не исключено, что это были обычные ленты, завязывающиеся сзади, с нашитыми бляшками, которые мы видим в вазовых росписях⁴⁴. К повязкам на висках прикреплялись спиралевидные височные подвески. Бляшками могли обшивать и головные уборы скифских типов, например башлыки, так как вообще скифские уборы известны в греческих некрополях⁴⁵. Все эти погребения датируются первой половиной IV в. до н. э. (по типу височных подвесок)⁴⁶.

В Северном Причерноморье также известна стэфана — широкий полумесяц, суживающийся к концам. Ее носили на середине головы отступая ото лба, так что видны передние локоны волос. На вазовых рисунках стэфана доходит до ушей и заканчивается височными подвесками, или ее длинные заостренные концы идут над ушами назад под прическу⁴⁷. Вероятно, к стэфане можно отнести восемь розеток с голубоватой эмалью и филигранью из кургана 1867 г. в Нимфее (середина V в. до н. э.) (рис. 3, а)⁴⁸ по аналогии со стэфаной на фигурном сосуде-сфинксе из кургана 1869 г. у Фанагории (рис. 3, ж), где также прикреплено восемь золотых розеток. Основа стэфаны, видимо, была кожаной.

В стэфане часто изображалась Гера, иногда Деметра (терракоты) или Афина (скульптура, височная подвеска из Куль-Обы)⁴⁹. Женские головки в стэфанах известны в терракотах и ювелирных изделиях — привесках к ожерельям и серьгам⁵⁰. Сфинксы на серьгах из Старшего Трехбратнего кургана и Феодосии также представлены в стэфанах⁵¹.

Выделяются набором инвентаря и богатством погребения с калафами и стленгидами. Видимо, к жреческим можно отнести и захоронения с одними стленгидами (Павловский курган и погребение 1 из кургана 1881 г. у Анапы). Остальные головные украшения происходят из средних и рядовых погребений и, как кажется, не имели ритуального назначения.

Таким образом, в Северном Причерноморье к V—III вв. до н. э. известно 16 золотых головных украшений — шесть диадем, четыре стленгиды, два калафа, три повязки с бляшками и одна стэфана. Большая часть их (81%) найдена на Боспоре (в некрополях Пантикапей, Анапы, Гермонассы, Мирмекия, Нимфея, а также на Тамани), 19% — в Ольвии. Возможно, головные украшения были сделаны в Пантикапее. Размеры диадем (длина 18—30 см, ширина 1,6—3,8 см) и стленгид (длина 20—30 см, ширина 2—3,5) примерно одинаковы и соответствуют размерам передней части головы (ото лба до верхней части ушей). Длина нижней окружности калафа соответствует охвату головы. Сюжеты изображений на головных уборах (двойные сфинксы, менады, сатиры, Медуза, Кора, гимн Деметре, борьба аримаспов с грифонами) связаны с погребальным культом или имели апотропеическое значение.

Все рассматриваемые головные уборы характерны только для конца V—III в. до н. э. Позже продолжают бытовать только диадемы, но с другой системой декора (со вставками из драгоценных камней), и широко распространяются золотые венки и тэнии, известные в Северном Причерноморье с конца IV в. до н. э.⁵² Нам известна только одна мужская диадема из золота, т. е. женские головные украшения более разнообразны по форме и чаще украшались золотом.

¹ Ростовцев М. И., Степанов П. К. Эллино-скифский головной убор. — ИАК, 1917, вып. 63, с. 74, 75; Ростовцев М. И., Степанов П. К. Скифия и Боспор. Л., 1925, с. 267—288.

² ОПК за 1897 г. СПб., 1900, с. 79, рис. 191; с. 80, рис. 192.

³ ДГС, 1866, вып. II, табл. XXXVI, 1.

⁴ Онайко Н. А. Античный импорт в Приднепровье и Побужье в IV—II вв. до н. э. — САИ, 1970, вып. Д1—27, табл. XXXIV, з, XXXV, з, ж, з.

⁵ Ростовцев М. И. Скифия и Боспор, с. 375.

⁶ ОАК за 1882—1888 гг. СПб., 1891, табл. VII, 2, 13.

- ⁷ ДБК, 1854, табл. VI, 3.
- ⁸ *Передольская А. А.* Терракоты из кургана Большая Близица и гомеровский гимн Деметре.— ТГЭ, 1962, т. 7.
- ⁹ ДБК, табл. XIX, 1, 4, 5; *Галанина Л. К.* Курджипский курган. Л., 1980, рис. 19.
- ¹⁰ ДБК, табл. VI, 4.
- ¹¹ ОАК за 1882—1888 гг., табл. I, 10.
- ¹² *Ростовцев М. И., Степанов П. К.* Эллино-скифский..., с. 75. Там ошибочно указано, что диадема найдена вместе со стелгидой из погребения 1 того же кургана.
- ¹³ *Спицын А. А.* Серогозские курганы.— ИАК, 1917, вып. 63, табл. XV, 10; *Ростовцев М. И., Степанов П. К.* Эллино-скифский..., с. 77, табл. VI.
- ¹⁴ *Артамонов М. И.* Сокровища скифских курганов. Прага, Ленинград, 1966, табл. 286—290, 310; 311, 315.
- ¹⁵ *Сидорова Н. А.* Выставка «Золото и серебро античной Италии».— СА, 1963, № 3, с. 302.
- ¹⁶ *Виллер Б. Р.* Искусство древней Греции. М., 1972, рис. 74—86; *Abrahams E.* Greek dress. London, 1908, p. 46, fig. 29; *Казаменова Л. Н.* Введение в античную нумизматику. М., 1969, табл. XLII, 4; табл. I, V, 10.
- ¹⁷ *Сидорова Н. А.* Новые открытия в области античного искусства. М., 1965, с. 31, рис. 18; с. 165, рис. 176; *Marshall F. H.* Catalogue of the Jewellery Greek, Etruscan and Roman in the British Museum. London, 1911, tabl. I—IV.
- ¹⁸ *Perrot G. et Chipiez Ch.* Histoire de l'art dans l'antiquité. Paris, 1898, vol. VII, p. 246, fig. 113, 114; Древнее искусство греческих островов Эгейского моря.— Каталог выставки. М., 1981, № 49—53.
- ¹⁹ Если не считать двух золотых диадем сомнительного происхождения «с южного берега Черного моря» из коллекции Ханенко (*Ханенко Б. И. и В. Н.* Древности Приднепровья. Киев, 1907, вып. VI, табл. X, 643, 644).
- ²⁰ *Силантьева Л. Ф.* Некрополь Нимфея.— МИА, 1959, № 69, с. 74.
- ²¹ ОАК за 1903 г. СПб., 1906, с. 149, рис. 295.
- ²² *Силантьева Л. Ф.* Некрополь Нимфея, рис. 38, 1.
- ²³ *Онайко Н. А.* Античный импорт..., табл. XXXIV, 447; табл. XXXVI, 457; табл. XXXVII, 787, 792; ОАК за 1909—1910 гг. СПб., 1913, с. 130.
- ²⁴ *Perrot G. et Chipiez Ch.* Histoire de l'art... 1885, vol. III, p. 835, fig. 601.
- ²⁵ *Косцюшко-Валюжинич К. К.* О раскопках в Херсонесе в 1912 г.— ИАК, 1904, вып. 9, с. 27, рис. 41.
- ²⁶ ОАК за 1859 г. СПб., 1868, Атлас, табл. I, 4.
- ²⁷ ОАК за 1865 г. СПб., 1866, Атлас, табл. I, 4.
- ²⁸ ОАК за 1869 г. СПб., 1871, табл. I, 11.
- ²⁹ ОАК за 1881 г. СПб., 1883, табл. I, 1.
- ³⁰ ОАК за 1865 г., с. 35.
- ³¹ *Ростовцев М. И., Степанов П. К.* Эллино-скифский..., табл. V, 4, 5 (слева).
- ³² ОАК за 1865 г., Атлас, табл. I, 1, 2.
- ³³ ОАК за 1869 г., Атлас, табл. I, 1—10.
- ³⁴ *Abrahams E.* Greek dress, p. 112, fig. 45a; ТСП, табл. 35, 2; табл. 17, 18, 20 и т. д.; *Farnell L. R.* The Cults of Greek States. Oxford, 1907, t. III, p. 227, tabl. XXX; ОАК за 1865 г., Атлас, табл. III, 27.
- ³⁵ ОАК за 1865 г., с. 26.
- ³⁶ *Ростовцев М. И.* Представление о монархической власти в Скифии и на Боспоре.— ИАК, 1913, вып. 49, с. 194.
- ³⁷ ОАК за 1865 г., с. 35; *Артамонов М. И.* Сокровища скифских курганов, с. 68.
- ³⁸ *Ростовцев М. И., Степанов П. К.* Эллино-скифский..., с. 72.
- ³⁹ ТСП, табл. 10, 1.
- ⁴⁰ *Ростовцев М. И.* Скифия и Боспор, с. 267—288; ДБК, табл. XXI, 5.
- ⁴¹ *Abrahams E.* Greek dress, p. 112, 113, fig. 45, k; *Farnell L. R.* The cults... 1896, t. II, p. 530, fig. XXII, a.
- ⁴² ДБК, табл. XXI, 5, 14, 17; ОАК за 1869 г., с. V—VI; ОАК за 1868 г. СПб., 1870, с. X; ОАК за 1874 г. СПб., 1877, с. XV.
- ⁴³ ОАК за 1912 г. СПб., 1916, с. 33; *Шкорпил В.* Отчет о раскопках, произведенных в 1906 г. в г. Керчь и его окрестностях.— ИАК, 1909, вып. 30, с. 86, рис. 24.
- ⁴⁴ *Виллер Б. Р.* Искусство древней Греции, рис. 136.
- ⁴⁵ Скифский калаф известен в некрополе Пантикаея в гробнице 1840 г. (*Мирошина Т. В.* Скифские калафы.— СА, 1980, № 1, с. 36) и, может быть, в Зеленском кургане, где найдены «три полоски с зерновидными подвесками» (*Шкорпил В. В.* Отчет о раскопках в Керчи, на Таманском полуострове и в Алуште в 1912 г.— ИАК, 1916, вып. 60, с. 29).
- ⁴⁶ *Силантьева Л. Ф.* Спиралевидные подвески Боспора.— ТГЭ, 1976, т. XVII, с. 136, примеч. 38.
- ⁴⁷ *Abrahams E.* Greek dresses, fig. 45, 45e.
- ⁴⁸ *Силантьева Л. Ф.* Некрополь Нимфея, с. 6, 7, рис. 2.
- ⁴⁹ ДБК, с. 54; *Farnell L. R.* The cults..., 1896, t. I, p. 213, fig. VI, p. 240, fig. XII; ТСП, табл. 32, 1, 2; *Farnell L. R.* The cults..., t. I, p. 347, fig. XIV; ДБК, табл. XIX, 1.
- ⁵⁰ ТСП, табл. 10, 1, 2; табл. 15, 3; табл. 29, 1; ДБК, табл. VII, 10, 11.
- ⁵¹ *Кирилл Д. С.* Трехбратние курганы в районе Тобечкинского озера.— АИКСП, с. 184, рис. 5; *Галанина Л. К.* и др. Ювелирные изделия в Эрмитаже. Л., 1967, рис. 23.
- ⁵² Венки использовались долгое время, поэтому их рассмотрение выходит за рамки данной работы.

ВИНОДЕЛЬНЯ НА ПОСЕЛЕНИИ ЧАЙКА

В 1978—1979 гг. на городище Чайка в окрестностях Евпатории в многокомнатном доме конца IV — начала III в. до н. э. был исследован интересный комплекс, трактованный как винодельня¹. Он занимал две комнаты, расположенные в северо-восточной части дома. В восточной части одной из комнат (4,50 × 4 м) находились две каменные площадки, имеющие ступенчатое расположение и два каменных ящика трапецевидной формы в плане (рис. 1). В западной половине комнаты находилась печь. Площадки составлены из хорошо обработанных и плотно пригнанных друг к другу плит. По краям площадок проходили невысокие бортики. Верхняя площадка (1,50 × 1,50 м) имела длинный слив, сужающийся к концу носика и нависающий над нижней площадкой. Верхняя площадка находилась выше пола помещения на 0,30—0,50 м и нижней площадки на 0,20—0,28 м.

Нижняя площадка (1,50 × 1 м) имела сток в каменный желоб, пересекавший западную половину комнаты и выходящий под западной стеной помещения во двор к цистерне. Первоначально длина стока составляла 9 м. Сохранился же он на протяжении 6,20 м (рис. 2).

Как уже говорилось, в комнате между северной стеной и нижней площадкой находились два каменных ящика трапецевидной формы, высеченные в монолите (рис. 1). Оба ящика одинаковы по форме, деталям устройства и размерам. Длина их 1,10 м, ширина 0,82 м (по северной стене) и 0,65 м (по южной), высота 0,30 м. Глубина ванночек 0,25 м. У широкой северной стены ванночек сделано по ступеньке шириною 0,27 м, поверхность которой была ниже верхнего края монолита на 0,10 м. В дне у южных стенок ванночек имелись углубления диаметром около 0,30 м и глубиной 0,15 м. Ванночки поставлены с уклоном к югу (40°) и плотно примыкают друг к другу. «Ванночки» не имели никаких стоков.

На восточном бортике восточной ванночки поставлены две прекрасно обработанные плиты, плотно подогнанные друг к другу и к бортику резервуара. Плиты увеличивали глубину ванночек до 0,75 м. Такие же две другие плиты были положены во вторую ванночку.

Еще одна площадка из известняковых плит была устроена в комнате, расположенной к северу (рис. 3). Площадка отличается от описанных более широкими (от 0,10 до 0,30 м) и вместе с этим более низкими бортиками (0,02 м). Пять плит этой площадки составляют фигуру, близкую к квадрату (2,10 × 1,90 м). Шестая плита выступает к востоку в южном ряде плит. Длина площадки с выступающей плитой 3,10 м. У средней части западного бортика площадки заметно полукруглое в плане возвышение. Поверхность его на 1 см выше поверхности площадки. В юго-западном углу площадки был устроен желобок слива. От площадки начинается сток, сложенный из прекрасно обработанных камней (0,50—0,70 × 0,22 м), с мелким и нешироким продольным желобком глубиной 0,03—0,04 м, шириной 0,06 м. Этот сток протяженностью 4,80 м соединяется с глубоким стоком, отходящим от площадок со ступенчатым расположением.

Цистерна диаметром 1 м и такой же глубины находилась во дворе дома на расстоянии 9 м от начала главного каменного стока. Она была вырыта в земляном грунте и углублена в скалу. Земляная часть стенок была обложена камнем, но большая часть ее камней обрушилась в цистерну. На дне цистерны устроено небольшое круглое углубление глубиной 0,15 м, диаметром 0,50 м сверху и 0,30 м по дну.

При обсуждении моего сообщения о раскопках винодельни на античной секции Всесоюзной археологической сессии 1979 г. в Ленинграде И. Т. Кругликовой, И. Б. Брашинским и С. Д. Крыжицким высказано предположение, что раскопанный комплекс следует трактовать как баню или водолечебницу. Высказанное предположение заслуживает серьезного

обсуждения и заставляет обратиться к сравнению чайкинского комплекса с изученными ванными комнатами греческого мира. Следует отметить, что такого рода расхождения в понимании подобных археологических памятников возникли не в первый раз. Примером могут служить площадки и цистерны, открытые в Исфмии около Коринфа. Бронир, исследователь этого памятника, трактует их как сооружения для сбора и хранения воды. При этом исследователь отмечает и возможность понимания раскрытых сооружений и как виноделен. Однако он высказывается против этого предположения в связи с тем, что не было разумным поднимать виноград, выращиваемый в долине, специально для его обработки высоко на скалу, где были обнаружены площадки и цистерны². Рене Жинуве рассматривает исфмийский комплекс как банный³, Х. Кадара считает его красильней для окраски шерстяных или льняных тканей⁴.

Вторым примером может служить комплекс, открытый на Афинской агоре, который Дерпфельдом и В. Ф. Гайдукевичем трактуется в качестве винодельни. Однако другие авторы рассматривают его как культовый⁵.

По характеру очень близкий комплекс обнаружен Т. М. Томпсоном за портиком Зевса опять-таки на Афинской агоре. Р. Жинуве объясняет его как ванную комнату⁶.

Возникновение подобных «разночтений» в определении археологических памятников такого характера не является случайным. Оно объясняется тем, что и бани и винодельни имеют дело с большим количеством жидкости, и именно этим объясняется наличие одинаковых элементов, водонепроницаемых полов, стоков, резервуаров.

Стоит обратить внимание на абсолютное сходство между ванночками чайкинского комплекса и вместилищами, открытыми на Афинской агоре⁷. Они монолитны, в основном близки по размеру, трапециевидные в плане, имеют «ступеньку-сиденье» в широкой части и чашевидное углубление для сбора жидкости в узкой (рис. 4, а). «Ванночки» с Афинской агоры рассматриваются исследователями как гигиенические ванны для мытья.

Такая трактовка не может быть признана совершенно беспорной по следующим причинам: ванночки типа вместилищ, обнаруженных на Афинской агоре, пока еще не найдены *in situ* в банном комплексе или ванной комнате, в назначении которых нет сомнения. Они найдены на агоре поблизости от плохо сохранившегося сооружения, трактуемого как баня⁸. Прямолинейность плана этих ванночек противоречит трактовке их в качестве гигиенических, так как античные ванны подобно современным характеризуются некоторой округленностью очертаний. В качестве примеров могут быть приведены ванны, происходящие из Олинфа, Смирны, Сиракуз, эллинистических Микен и т. д.⁹ (рис. 4, б — д). Такая же округленность характеризует и миниатюрные ванночки с терракто-

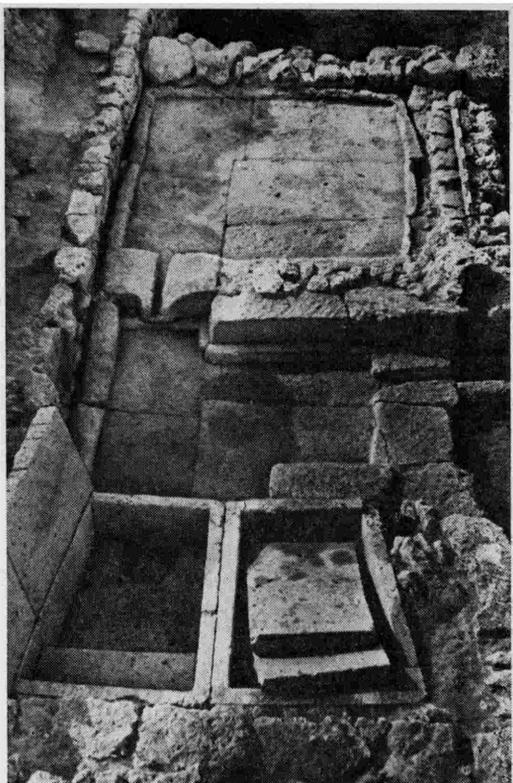

Рис. 1. Восточная часть комнаты винодельни с площадками из плит и трапециевидными «ванночками». Вид с севера

Рис. 2. Длинный виносток винодельни. Вид с запада

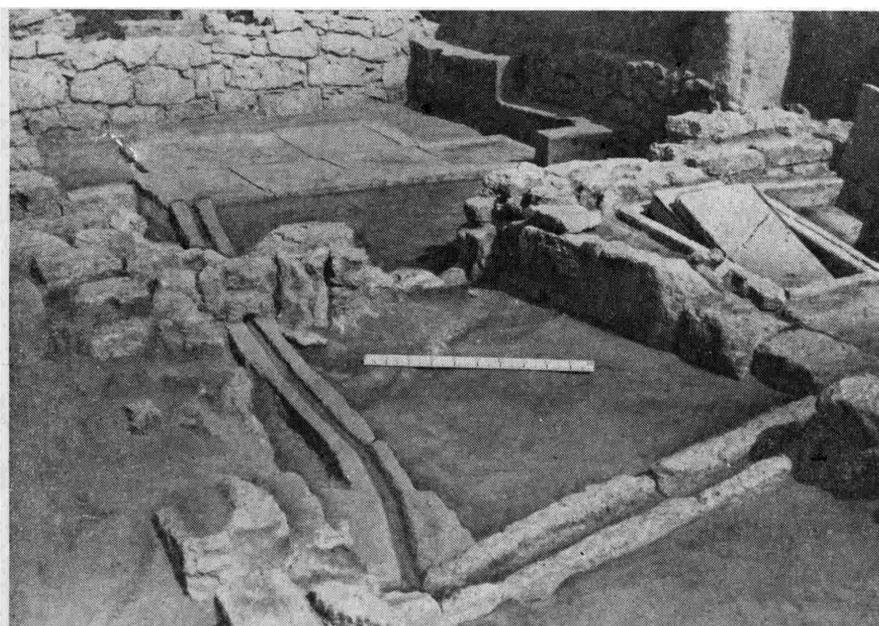

Рис. 3. Площадка из плит в северной комнате винодельни с отходящим от нее стоком

выми фигурками людей, представляющих сцену купанья¹⁰ (рис. 4, e).

Следует отметить, что находка ванны на городище Чайка вносит и некоторые новые моменты в понимание устройства вместилищ этого типа. Совершенно очевидно, что ванночки дополнялись в высоту плитами, поставленными на стенке ванны из монолита. Об этом свидетельствует сохранившаяся надстройка стенки восточной ванночки (рис. 1 и 2). Она состоит из двух плит идеально подогнанных друг к другу и прекрасно отполированных по внутренней поверхности. Поставлены они на длинную стенку ванночки, примыкающую к восточной стене помещения. Внутри второй

Рис. 4. Ванны, ванная комната и терракота с изображением человека, сидящего в ванне

а — трапециевидный каменный ящик с Афинской агоры; б — ванная комната в доме Олифа; в — ванна из Олифа; г — ванна из Смирны; д — ванна из музея в Стамбуле; е — терракотовая фигурка мужчины в ванне. Все рисунки из книги Р. Жинуве

ванночки лежали две такие же плиты, свидетельствующие, что и эта ванночка должна была быть дополнена плитами. Может быть, оборудование комплекса ванночками не было закончено к моменту катастрофы или, наоборот, они были демонтированы. По аналогии с восточной ванночкой эти плиты скорее всего могли быть поставлены также на длинную западную стенку западной ванночки, примыкающую к западной перегородке, отделяющей комплекс с ванночками и площадками из плит от остальной комнаты.

Таким образом, возникает первый вариант реконструкции «ванночек». Плиты находились у восточной и западной стен отделения с ванночками. Но такой вариант не представляется достаточно хорошо обоснованным. Во-первых, потому, что остается неизвестным, дошли ли до наших дней все плиты, какие по мысли строителей должны были наращивать высоту стенок ванночек. Предположение о незавершенности постройки комплекса позволяет думать, что не все плиты могли быть принесены на место к моменту катастрофы. Нахождение же плит у восточной стены помещения позволяет думать, что у ванночек должны были наращиваться те бортики, которые примыкали к стенам и перегородке этого отделения. Другими словами, плиты должны были ставиться по восточной стене восточной ванночки (они и были уже поставлены), затем они должны были находиться и на северных стенках восточной и западной ванночек и, наконец, на западной стене западной ванночки. Не исключено, что плиты должны были находиться и на длинных сторонах ванночек, соприкасавшихся друг с другом. Южные бортики скорее всего не наращивались, так как в случае их такого значительного поднятия ванночки становились неудобными для употребления в любых целях. В них неудобно было бы как залезать для купания, так и вычерпывать из них жидкость.

Предложенный вариант наращивания высоты стен ванночек не делал их более глубокими. Все же следует отметить, что увеличение высоты стенок ни в коей мере не противоречит банному назначению ванночек. По мысли Рене Жинуве, подобные ванночки могли использоваться для мытья способом обливания, так как при сидении в таком резервуаре весь корпус человека был над водой и только концы ног оказывались погруженными в воду¹¹. Высокие борта ванночек около стен могли защищать их от забрызгивания.

Если же надстраивались все четыре стороны ванночек, ступенька позволяла окончательно вычерпывать из них жидкость.

Следует отметить, что ванны в доантичное и античное время не всегда употреблялись по своему прямому назначению. Р. Жинуве отмечает использование их в качестве саркофагов, интересно, что и греческое слово, означающее ванну, иногда также заменяло слово саркофаг¹².

Все сказанное позволяет сделать следующие выводы:

1. Чайкинские «ванночки» совершенно аналогичны «ванночкам», происходящим с Афинской агоры и трактованным в качестве гигиенических или банных. 2. Эта трактовка не может быть совершенно бесспорной, так как афинские резервуары пока не найдены в банном комплексе. 3. Гигиенические ванночки в ряде случаев использовались и для других целей. Данные соображения не позволяют трактовать чайкинский комплекс в качестве банного только потому, что в нем найдены ванночки типа Афинской агоры.

Обратимся к сравнению чайкинского комплекса с известными греческими ванными комнатами или ванными комплексами античного времени.

По наблюдениям Р. Жинуве, ванные комнаты частных домов представляют собою четырехугольные помещения (1,50—1,80 × 2,25—2,50 м) с полом из терракотовых пластинок или мозаичных вымосток, в который была впущена терракотовая ванна, расположенная в углу помещения. Вода удалялась по стоку наружу. Иногда же вода отправлялась в углубление типа колодца, находящееся в соседней комнате¹³. Ванные комнаты располагаются рядом с кухнями, имеющими отопительные сооружения.

Интересные ванные помещения открыты и в Северном Причерноморье.

К IV—II вв. до н. э. относится пять банных помещений гимнасия, построенного на Ольвийской агоре. Эти помещения имели замощенные камнем или черепицей полы и различные приспособления для отвода воды. Обнаружены также остатки водопровода и очаги для отопления¹⁴. В Херсонесе выявлена банная комната с мозаичным полом I в. до н. э.¹⁵

Чайкинский комплекс имеет с этими ванными комнатами некоторые общие элементы: наличие ванн, пол выложен из каменных плит (так можно рассматривать нижнюю площадку), сток, ведущий в резервуар, рядом с ванным отделением находится очаг. Но при этом сходстве, объясненном в большинстве случаев спецификой связи этих комплексов с обилием жидкости, наблюдаются и существенные отличия. Ни в одной ванной комнате нет площадки, поднятой над полом. Не находит никаких аналогий с банными комнатами и вторая большая комната (размер 4,5 × 4 м), содержащая площадку из плит, занимающую значительную часть комнаты, но все же не полностью покрывающую ее пол, тогда как в ванных комнатах полы обычно полностью покрываются водонепроницаемым или черепичным покрытием.

Обращает на себя внимание наличие дверного проема между комнатой с ванночкой и северной комнатой с большой площадкой. Мелкий сток от площадки северной комнаты соединяется с глубоким стоком, отходящим от площадок второй, что свидетельствует о причастности этих двух комнат к каким-то разным ступеням единого процесса.

Считать северную комнату банной очень трудно. Большой размер комнаты и отсутствие в ней специальных нагревательных приспособлений не позволяют ее считать парильней. (Известные предполагаемые греческие парильни имеют маленькие размеры.) Также трудно предполагать, что площадка в ней служила для мытья. Прежде всего потому, что известняковая площадка не покрывала весь пол полностью. Вода разбрызгивалась бы по всему полу, и при этом теряется всякий смысл устройства подобной площадки. Исключение банного характера северной комнаты влечет за собой и отказ от определения банного назначения комнаты с площадками и ванночками, так как они составляют известную систему. Кроме того, как уже говорилось, не находит аналогий и объяснения в банном комплексе и приподнятая площадка в комнате с ванными.

При сравнении чайкинского комплекса с винодельнями, хорошо изученными в Северном Причерноморье, обращает на себя внимание нахождение на них площадок со сливами и невысокими бортиками, являющихся обязательной принадлежностью северопричерноморских виноделен¹⁶, в то время как для ванных комнат античного мира они не были характерны и совсем в них не представлены. Вторым общим элементом для сравниваемых объектов является присутствие резервуаров-цистерн, куда сливалось сусло с площадок. Таким образом, основные элементы чайкинского комплекса находят аналогии не в ванных комнатах греческого мира, а в древних винодельнях Северного Причерноморья.

При более детальном сравнении чайкинского комплекса с известными винодельнями выясняется и ряд специфических деталей, присущих рассматриваемому комплексу. Прежде всего чайкинские площадки отличаются от почти всех известных тем, что они составлены из отдельных плит. Из большого количества давяльных площадок, изученных на территории Боспорского царства В. Ф. Гайдукевичем, только одна (в винодельне Т₄) была сделана из известняковых плит, покрытых водонепроницаемым раствором¹⁷.

В боспорских и херсонесских винодельнях III—II вв. до н. э. представлены большие давяльные площадки с бортиками и сливами, сделанные из монолита. Такие монолитные четырехугольные площадки обнаружены в Мирмекии¹⁸ и на Гераклеяском полуострове усадьбы 26, 39а (40)¹⁹.

Чайкинскую винодельню отличает расположение цистерны на большом расстоянии от давяльных площадок — около 9 м. Довольно длинный сток среди виноделен Северного Причерноморья имеет одна из нимфейских. Однако Н. Л. Грач полагает, что длинный сток возник уже после

прекращения функционирования винодельни²⁰. Таким образом, длинный сток чайкинской винодельни пока не находит аналогий в винодельческих комплексах Северного Причерноморья.

Обращает на себя внимание и округлая в плане форма цистерны чайкинской винодельни. Для боспорских виноделен характерны цистерны, имеющие в плане прямоугольную форму²¹. Среди цистерн херсонесских давлений встречены круглые, например давальня № 2 в Стрелецкой балке, № 3, 4, 6 в Карантинной балке Гераклеяского полуострова²². Винодельня надела 26 также имела округлые ямы для чанов, в которые вливалось сусло²³. Интересно, что круглые в плане цистерны связаны в основном с ранним временем, IV—II вв. до н. э., в это время они преобладают. В конце этого периода и особенно в следующий на Гераклеяском полуострове преобладают, как и на Боспоре, четырехугольные в плане цистерны, например, винодельня № 8 в Карантинной балке и винодельни в Херсонесе²⁴.

От севернопричерноморских виноделен чайкинская отличается присутствием в южной комнате двух площадок, имеющих ступенчатое расположение. Подобный прием имеет место в античных маслодельнях на территории Сирии и Палестины²⁵.

Таким образом, при сравнении чайкинского комплекса с винодельнями и ванными комнатами замечаются черты сходства и с теми и с другими (стоки, резервуары). При этом площадки со сливами чайкинского комплекса находят аналогии в винодельнях античного времени на территории Северного Причерноморья. Правильность определения этих остатков пока еще ни у кого не вызвала сомнений. В банных комплексах такие площадки, как уже говорилось выше, не находят ни аналогий, ни объяснений. Поэтому наличие этих площадок прежде всего связывает рассматриваемый комплекс с винодельнями.

С ванными комплексами чайкинский объединяет нахождение в нем ванночек, почти абсолютно сходных с ванночками, найденными на Афинской агоре. Но 1) указанная выше не абсолютная бесспорность определения их гигиенического назначения и 2) возможность употребления их для других надобностей в сочетании с нахождением их в чайкинском комплексе вместе с площадками, имеющими наиболее близкие аналогии только в винодельнях, не позволяют комплекс считать банным. О связи комплекса с виноделием говорят и находки большого количества виноградных косточек, кожуры и фрагментов стеблей лозы в колодце, расположенном рядом с комнатами с площадками. Процесс работы в винодельне восстанавливается на основе сделанной В. Ф. Гайдукевичем и С. Ф. Стржелецким реконструкции работы боспорских и херсонесских давлений.

По-видимому, верхняя площадка в восточной комнате служила для первичного давления винограда ногами. Низкие ее бортики позволяют думать, что на нее ставился ящик без дна и крышки. Нижняя площадка, не имеющая аналогий в причерноморских давальнях, была сделана для очищения (осветления) стекавшего на нее сусла через слив верхней площадки²⁶. Затем сусло по виностоку поступало в цистерну. Площадка в северной комнате с отходящим от нее очень мелким стоком служила для прессования мезги под грузом. Пока ничего нельзя сказать об устройстве пресса. Зачистки пола и стен не выявили никаких следов его установки. Не было также в помещении находок каменных гирь или больших камней, свидетельствующих о прессовании мезги под грузом. Однако мелкий сток, отходящий от площадки, свидетельствует, что на этой площадке имело место выжимание уже мезги и что строители не рассчитывали на значительный поток жидкости, сливавшейся с этой площадки. Сусло с этой площадки поступало в ту же цистерну, куда шел сок, выдавливаемый ногами на рабочей площадке первой комнаты. Такое смешение сусла первого и второго отжима не было характерным для боспорских виноделен и редко встречается в херсонесских комплексах, имеющих отдельные площадки для давления ногами и под прессом. Такое смешение мы наблюдаем в винодельне № 8 в Карантинной балке²⁷.

О назначении «ванночек» пока можно говорить только предположительно. Вполне вероятно, что в ванночках собирался самотек — сок, вытекающий под давлением собственной массы положенного в большую кучу винограда²⁸. В таком случае ступенька в северном конце этих вместилищ могла использоваться для установки горизонтально положенной деревянной решетки, на которую и складывалась куча винограда. Не исключено также, что в ящики-резервуары закладывался красный виноград для первоначального брожения перед выжиманием из него сока. Такой способ изготовления красного вина был известен в древности. При такой функции ванночек необходимо было поднятие стенок на одинаковую высоту (вариант 2 реконструкции ванночек). Таким образом, открытие ванночек в винодельческом комплексе ставит под сомнение принятую в настоящее время трактовку аналогичных трапецевидных вместилищ с Афинской агоры в качестве гигиенических ванн.

- ¹ Яценко И. В., Попова Е. А. Раскопки греческих и скифских слоев на городище у санатория «Чайка». — АО 1978 г. М., 1979, с. 428; На участке работами руководила студентка исторического факультета МГУ Н. Г. Новиченкова, в настоящее время научный сотрудник Ялтинского краеведческого музея.
- ² Bronner O. Excavations at Isthmia 1954. *Hesperia* 24, 1955. Princeton, p. 110—142. Описание площадок, цистерн и ванн на с. 124—128.
- ³ Ginouvès R. *ΒΑΛΑΝΕΥΤΙΚΗ* Paris, 1962, p. 181.
- ⁴ Kardara Ch. Dyeing and Weaving Works at Isthmia. — *AJA*, 1961, vol. 65, N 3.
- ⁵ Гайдукевич В. Ф. Виноделие на Боспоре. — МИА, 1958, № 85, с. 381—388, рис. 27, с. 382, примеч. 1.
- ⁶ Ginouvès R. *ΒΑΛΑΝΕΥΤΙΚΗ*, p. 175, 176.
- ⁷ Ginouvès R. *ΒΑΛΑΝΕΥΤΙΚΗ*, p. 42; Lang M. Waterworks in the Athenian Agora. — In: *Excavations of the Athenian Agora. Picture Book. Princeton — New Jersey, 1968*, vol. XI. Buck Cover; Leslie T. *The Athenian Agora: excavations 1968*. — «*Hesperia*», 1969, vol. 38, N 3, p. 396—397, Pl. 108, e.
- ⁸ Leslie T. *Athenian Agora*..., p. 397.
- ⁹ Ginouvès R. *ΒΑΛΑΝΕΥΤΙΚΗ*, Pl. V, 12, 13, 14; VI, 15; III, 9.
- ¹⁰ Ginouvès R. *ΒΑΛΑΝΕΥΤΙΚΗ*, Pl. III, 8; IV, 10, 11.
- ¹¹ Ginouvès R. *ΒΑΛΑΝΕΥΤΙΚΗ*, p. 40.
- ¹² Ginouvès R. *ΒΑΛΑΝΕΥΤΙΚΗ*, p. 31, 33, 35, 47.
- ¹³ Ginouvès R. *ΒΑΛΑΝΕΥΤΙΚΗ*, p. 176.
- ¹⁴ Karaceđ A. H., Levi E. I. Исследования Ольвии после Б. В. Фармаковского (1927—1950 гг.). — В кн.: *Художественная культура и археология античного мира*. М., 1976, с. 41, 42, рис. 13 и 14.
- ¹⁵ Белов Г. Д. Новая херсонесская мозаика. — ВДИ, 1938, № 3, с. 238 и сл., рис. 1; *Он же*. Эллинистическая мозаика. — МИА, 1953, № 34, с. 279 и сл.
- ¹⁶ Гайдукевич В. Ф. Виноделие на Боспоре. — МИА, 1958, № 85, с. 352—457; *Он же*. Мирмеский город виноделов. — In: *Mélan ges offerts a K. Michalowski*. Warszawa, 1966, s. 397—408; *Стржелецкий С. Ф.* Виноделие в Херсонесе Таврическом античной эпохи. — ХС, 1959, вып. 5, с. 124; *Он же*. Клеры Херсонеса Таврического. — ХС, 1961, вып. 6; *Грач Н. Л.* Древнейшие винодельческие сооружения на Боспоре. — В кн.: *Из истории Северного Причерноморья в античную эпоху*. Л., 1979.
- ¹⁷ Гайдукевич В. Ф. Виноделие на Боспоре..., с. 439, 440.
- ¹⁸ Гайдукевич В. Ф. Виноделие на Боспоре..., с. 377—379, рис. 21 и 22.
- ¹⁹ *Стржелецкий С. Ф.* Клеры Херсонеса Таврического, с. 123, 124, рис. 130; *Николаенко Г. М., Викторова М. А., Козловская В. И.* Исследования на городской хоре Херсонеса. — АО 1978 г. М., 1979, с. 337.
- ²⁰ *Грач Н. Л.* Древнейшие винодельческие сооружения..., с. 93—97.
- ²¹ Гайдукевич В. Ф. Виноделие на Боспоре, с. 397, рис. 42, а, б, с. 408, рис. 53, с. 409—411, рис. 54, 55, 56; с. 416—417, рис. 61 и 62, 63; с. 423—425, рис. 68—71 и т. д.
- ²² *Стржелецкий С. Ф.* Виноделие в Херсонесе..., с. 129, 130, рис. 8; с. 130, 131, рис. 9; с. 131, рис. 10; с. 132—134, рис. 12.
- ²³ *Стржелецкий С. Ф.* Виноделие в Херсонесе..., с. 141—146, рис. 15.
- ²⁴ *Стржелецкий С. Ф.* Виноделие в Херсонесе..., с. 154—157, рис. 22, 23; *Он же*. Клеры Херсонеса Таврического, с. 137—140; *Белов Г. Д.* Херсонесские винодельни. — ВДИ, 1952, № 2, с. 225—230; *Белов Г. Д., Стржелецкий С. В., Яковсон А. Л.* Квартал XVIII. — МИА, 1953, № 34, с. 197—199, рис. 47.
- ²⁵ *Dalman G.* Arbeit und Sitte in Palastina. IV. Brot Öl und Wein. Gustesloh, 1935.
- ²⁶ Эта мысль подсказана современными виноделами, знающими о раскопках, например, П. Ф. Кузьминым, виноделом Инкерманского винного завода.
- ²⁷ *Стржелецкий С. Ф.* Виноделие в Херсонесе..., с. 137, рис. 14.
- ²⁸ Об использовании «самотека» говорится у Катона (Земледелие, глава 23). См.: *Сергеевко М. С.* Ученые земледельцы древней Италии. Л., 1970, с. 34. На особенную ценность такого сока в древности обращают внимание современные исследователи: *Forbes K.* *Studies in Ancient Technology*, 1955, p. 110.

МОНЕТЫ САВРОМАТА IV (275 Г. Н. Э.)

В истории Боспора 572 г. боспорской эры (275 г. н. э.) был необычным. В этот год Боспором управляли три царя: Рискупорид V, Савромат IV и Тейран. Но этот факт в истории престолонаследия на Боспоре признавался не всегда и не всеми. До появления труда А. Н. Зографа, давшего детальный анализ монетного дела царей Боспора, подлинность статеров Рискупорида V 572 г. б. э. = 275 г. н. э. не вызвала сомнений¹. Но А. Н. Зограф отнес статеры Рискупорида V 572 г. б. э., хранившиеся в Эрмитаже (4 экз.), к разряду литых подделок. Он считал, что они представляют собой гибриды, лицевая сторона которых отлита с модели статера Рискупорида V 561 г. б. э. (264 г. н. э.), а обратная — с формы реверса статера Тейрана — 572 г. б. э. (275 г. н. э.)². В своем заключении об этих статерах Рискупорида V А. Н. Зограф опирался на состав Тиритакского клада 1937 г.³, в котором монетная чеканка на Боспоре в 572 г. б. э. = 275 г. н. э. представлена девятью статерами Савромата IV и семью статерами Тейрана, но нет ни одного статера Рискупорида 572 г. б. э. С тех пор последним годом правления Рискупорида V было принято вслед за А. Н. Зографом считать 564 г. б. э. = 267 г. н. э.⁴ Даже после выхода в свет в 1971 г. нового издания книги В. Ф. Гайдукевича «Боспорское царство», в которой он обращал внимание на находку в составе Судакского клада 1959 г. статера Рискупорида V 572 б. э. = 275 г. н. э.⁵, продолжали считать статеры Рискупорида этого года поддельными и датировать правление этого царя концом 267 г. н. э.⁶

Располагая в настоящее время уже несколькими статерами с именем Рискупорида V 572 г. б. э. (статеры из ГИМ, ГЭ и Судакского клада 1959 г.) (рис. 2, 22), можно с уверенностью утверждать, что в 572 г. б. э. на Боспоре правили три царя: Рискупорид V, Савромат IV и Тейран (рис. 2, 23). О правлении Савромата IV на Боспоре известно только благодаря дошедшим до нас статерам с его именем. Монеты Савромата IV известны давно, но сведения воедино всех не только типов его монет, но и весовых данных и данных химического анализа статеров делается впервые.

Статеры Савромата IV распределяются по четырем типам. Лицевая сторона статеров всех типов одинакова: бюст Савромата и круговая легенда: ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΣΑΥΡΟΜΑΤΟΥ, иногда перед бюстом дифферент в виде трезубца. Обратные стороны различаются дифферентами, помещенными перед бюстом императора. На всех монетах дата 572 г. б. э. = 275 г. н. э.

I тип — л. с.: бюст царя, иногда перед ним трезубец; о. с. — бюст императора, перед ним орел, держащий в клюве венок, стоит на сфере — 12 экз. Наибольший вес 7,93 г, наименьший — 6,68 г. Диаметр 19—20 мм (рис. 1, 1—8).

II тип — л. с.: бюст царя; о. с. — бюст императора, перед ним орел на колонне с венком в клюве — 19 экз. Наибольший вес 8,02 г, наименьший — 6,70 г. Диаметр 19—21 мм (рис. 1, 9—20).

III тип — л. с.: бюст царя, перед ним трезубец, о. с. — бюст императора, без дифферента — 50 экз. Наибольший вес 8,16 г, наименьший — 6,68 и 4,06 г (рис. 1, 22—24; рис. 2, 1—20).

IV тип — л. с.; бюст царя; о. с. — бюст императора, без дифферента — 1 экз., вес — 8,17 г. Судакский клад (рис. 2, 21).

Средний вес статеров Савромата (82 экз.) 7,60 г (табл.). Он немного выше среднего веса статеров Рискупорида V — 7,50 г. Спектральный анализ двух статеров Савромата IV показал, что содержание серебра в некоторых из них составляло более 50%, в то время как чеканились и статеры из сплава на медной основе, содержащие только 3,5% серебра. Золото входило в эти сплавы в минимальных количествах — от 0,1 до 0,003%.

Таблица

Химический состав	Савромат IV		Рискупорид V ГИМ, № 5260	Тейран	
	ГИМ, № 8839	ГИМ, № 5259		ГИМ, № 5265	ГИМ, № 5266
Серебро	50	3,5	0,005	50	0,002
Золото	0,01—0,03	0,1—0,03	0,001	0,01—0,03	0,001—0,003
Медь	50	Основа	Основа	50	Основа
Олово	0,02	0,2	7,0	0,75	2,0
Свинец	0,07	0,07	10,0	0,1	15,0
Цинк	0,002	?	0,009	0,001	0,007
Висмут	0,001	0,003	0,0003	0,005	0,05
Сурьма	0,03	0,05	0,025	0,05	0,06
Мышьяк	0,08	0,1	0,009	0,03	0,35
Железо	0,001	0,02	0,09	0,001	0,05
Никель	0,02	0,03	0,02	0,03	0,08
Кобальт	0,005	?	0,002	0,02	0,009

Приводим результаты анализа двух статеров Савромата IV, статера Рискупорида V и двух статеров Тейрана 572 г. б. э. ⁷

Из приведенных данных ясно видно, что статеры Савромата IV чеканились из металла лучшего качества, нежели одновременные им статеры Рискупорида V и Тейрана. Интересно отметить, что в металле статеров Рискупорида и Тейрана содержится значительно больше олова (до 7%) и свинца (до 10—15%). Возможно, что коррозией именно этих металлов объясняется их «оплывший» внешний вид, приведший А. Н. Зографа к мысли об изготовлении статеров Рискупорида V 572 г. б. э. путем отливки.

За недостаточностью сведений трудно объяснить причину одновременного существования на Боспоре трех правителей. Но данные монетного дела Рискупорида V, Савромата IV и Тейрана свидетельствуют против предположения о социальной и внутриусобной борьбе на Боспоре в 572 г. б. э. = 275 г. н. э. ⁸ Скорее всего, столь необычное положение следует объяснять внешнеполитическими событиями. Известно, что в 275 г. варварские племена Меотиды предприняли новый поход на малоазийские провинции Рима. Именно в этом году умер император Аврелиан, управлявший империей пять лет и сумевший за это время отстоять Галлию, вновь присоединить Сирию, укрепить границы на Дунае ⁹, попытавшийся стабилизировать денежное обращение империи ¹⁰. Выступивший против герулов и готов император Тацит вынужден был передать командование войсками своему брату Флориану. Но и тот и другой пали в борьбе за императорскую власть. В. Ф. Гайдукевич считал, что обстановка, сложившаяся в третьей четверти III в. н. э. в бассейне Черного моря, не могла не отразиться на экономическом и внутривполитическом состоянии Боспора ¹¹. Этим, может быть, и следует объяснить факт присутствия на боспорском престоле в 275 г. н. э. одновременно трех царей.

Тип I

- Л. с.:
 ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΣΑΥΡΟΜΑΤΟΥ.
 Бюст Савромата IV вправо, иногда перед ним — трезубец. Точечный ободок
- О. с.:
 Бюст императора вправо, перед ним орел на сфере с венком в клюве внизу дата ВОФ. Точечный ободок.
Кене Б. В. Описание музея кн. В. В. Кочубея. СПб., 1857, II, 242, № 2. А—а
- 1) 7,93 г, 20 мм, Судак¹², 896 (рис. 1, 1)
- 2) 7,60 г, 20 мм, Судак, 897
- 3) 7,60 г, 20 мм, Судак, 898
- 4) 7,81 г, 20 мм, Керчь¹³, 2358 (рис. 1, 2)
- 5) 7,48 г, 19 мм, ГИМ 8839 (рис. 1, 3)
- 6) 7,51 г, 20 мм, Керчь 2356 (рис. 1, 4)
- 7) 6,80 г, 20 мм, ГЭ 29603 (рис. 1, 21)
- 8) 7,10 г, 20 мм, ГЭ 29602 (рис. 1, 5)
- На л. с. перед бюстом — трезубец.
- Б-б
- 1) 6,69 г, 19 мм, Керчь 2357 (рис. 1, 6)
- 2) 7,64 г, 19 мм, ГИМ 5258 (рис. 1, 7)
- В—в
- 1) 7,70 г, 20 мм, Судак, 899 (рис. 1, 8)
- 2) 7,81 г, 20 мм, Судак, 900

Тип II

- Л. с.:
 ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΣΑΥΡΟΜΑΤΟΥ.
 Бюст царя вправо. Точечный ободок.
- О. с.:
 Бюст императора вправо, перед ним орел на колонне с венком в клюве, внизу дата ВОФ. Точечный ободок.
Брабич В. М. Клад боспорских статеров III в. н. э. Из Тиритаки.— ТГЭ, 1967, IX, табл. XXI, № 2048—2050.
- А—а
- 1) 7,56 г, 20 мм, Судак, 901 (рис. 1, 10)
- Б-б
- 1) 6,70 г, 20 мм, Судак 902 (рис. 1, 11)
- 2) 7,46 г, 20 мм, Судак 903
- 3) 7,38 г, 20 мм, Судак, 904
- 4) 7,22 г, 20 мм, Судак, 905
- 5) 7,32 г, 20 мм, Тиритака, 1937, 2049. ТГЭ, IX, табл. XXI, 2049
- В—в
- 1) 7,51 г, 20 мм, Судак, 906 (рис. 1, 12)
- 2) 8,02 г, 19 мм, Керчь, 2359 (рис. 1, 13)
- Б—в
- 1) 6,70 г, 19 мм, Тиритака, 1937.— ТГЭ, IX, 2050, табл. XXI, 2050
- В—г
- 1) 7,72 г, 20 мм, Керчь, 2361 (рис. 1, 14)
- Г—д
- 1) 7,50 г, 20 мм, Судак, 907 (рис. 1, 15)
- 2) 7,77 г, 20 мм, Судак, 908
- 3) 7,59 г, 20 мм, Тиритака, 1937, № 2048.—ТГЭ, IX, табл. XXI, 2049
- 4) 6,68 г, 19 мм ГИМ 5660 (рис. 1, 9)
- Д—ж
- 1) 7,65 г, 20 мм, Судак, 909 (рис. 1, 16)
- Г—з
- 1) 7,69 г, 20 мм, Керчь, 2360 (рис. 1, 17)
- Ж—м
- 1) 6,80 г, 21 мм, ГЭ 29600 (рис. 1, 18)
- Ж—к
- 1) 7,03 г, 21 мм, ГЭ 29599 (рис. 1, 19)
- З—л
- 1) 7,95 г, 21,5 мм. ГЭ 29601 (рис. 1, 20)

Рис. 1. Статеры Савромата IV, 572 г.б.э. = 275 г.н.э. 1—24

Тип III

Л. с.:

ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΣΑΥΡΟΜΑΤΟΥ.

Бюст царя вправо, справа трезубец
Точечный ободок.

О. с.: Бюст императора вправо,

внизу дата ΒΟΦ. Точечный ободок.
ΒΜΣ, 1889, табл. XVIII, 7

Κ — м

1) 7,84 г, 20 мм, Судак, 864
(рис. 1, 22)

2) 7,95 г, 20 мм, Судак, 865

3) 7,86 г, 20 мм, Судак, 866

4) 7,74 г, 20 мм, Судак, 867

5) 6,47 г, 20 мм, Судак, 868

6) 7,68 г, 20 мм, Судак, 869

Μ — е

1) 7,90 г, 19 мм, Судак, 871 (рис. 1,
23)

Η — п

1) 7,56 г, 20 мм, Судак, 872 (рис. 1,
24)

2) 7,46 г, 20 мм, Судак, 873

3) 8,16 г, 20 мм, Судак, 874

4) 7,41 г, 20 мм, Судак, 875

5) 7,21 г, 19 мм, ГИМ 5262 (рис. 2,
1)

Ο — ρ

1) 8,07 г, 19 мм, Тиритака, 1937,
2042.— ТГЭ, IX табл. XXI, 2042

2) 7,45 г, 19 мм, Судак, 876 (рис. 2,
2)

3) 7,49 г, 19 мм, Судак, 877

4) 8,02 г, 19 мм, Судак, 878

5) 7,62 г, 20 мм, Судак, 879

6) 7,33 г, 20 мм, Судак, 880

7) 7,48 г, 21 мм, ГЭ 29594 (рис. 2, 3)

8) 7,42 г, 20 мм, Судак, 889

9) 7,83 г, 20 мм, Судак, 890

Ο — с

1) 7,70 г, 21 мм, Керчь, 2353 (рис. 2,
4)

2) 7,38 г, Тиритака, 1937.— ТГЭ,
IX, № 2044

3) 4,06 г, Тиритака, 1937.— ТГЭ,
IX, № 2045

4) 6,76 г, 20 мм, ГЭ 29595 (рис. 2, 5)

Ο — сс

1) 7,15 г, 20 мм, ГЭ, 29596 (рис. 2, 6)

2) 6,83 г, 20 мм, Тиритака,

1937, № 2043.— ТГЭ, IX табл.
XXI, 2043

Ο — τ

1) 7,64 г, 20 мм, Судак, 881 (рис. 2, 7)

2) 7,80 г, 20 мм, Судак, 882

Ρ — у

1) 6,68 г, 20 мм, Тиритака, 1937,
№ 2046.— ТГЭ, IX, табл. XXI,
2046

2) 7,45 г, 20 мм, Судак, 883

3) 7,90 г, 21 мм, Судак, 884 (рис. 2,
8)

4) 7,92 г, 21 мм, Судак, 885

5) 7,56 г, 20 мм, Патрэй, 1951, НЭ,
1, № 1, табл. II, 1 (рис. 2, 9)

6) 7,67 г, 21 мм, ГИМ 5259 (рис. 2,
10)

7) 7,63 г, 20 мм, Керчь, 2355 (рис. 2
11)

Ρ — у

1) 7,40 г, 21,5 мм, ГЭ 29597 (рис. 2,
12); плох. сохр.

Ρ — φ

1) 7,58 г, 20,5 мм, ГЭ 29598 (рис. 2,
13)

2) 6,98 г, 21 мм, ГИМ 5263 (рис. 2,
14)

С — χ

1) 6,72 г, 20 мм, ГИМ 5261 (рис. 2,
15); плох. сохр.

Ο — αα

1) 7,62 г, 20 мм, Судак, 886 (рис. 2,
16)

2) 7,32 г, 21 мм, Судак, 887

3) 7,37 г, 21 мм, Судак, 888

Ρ — χ

1) 7,84 г, 22 мм, Судак, 891 (рис. 2,
17)

Ρ — ββ

1) 7,61 г, 21 мм, Судак, 892 (рис. 2,
18)

Ρ — ΣΣ

1) 6,95 г, 21 мм, ГИМ, 5264

2) 7,83 г, 21,5 мм, Судак, 893 (рис. 2,
19)

3) 8,03 г, 21,5 мм, Судак, 894

4) 7,70 г, 21 мм, Судак, 895

Α — ββ

1) 7,54 г, 20 мм, Керчь, 2354
(рис. 2, 20)

Тип IV

Л. с.: ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΣΑΥΡΟΜΑΤΟΥ.
Бюст царя вправо. Точечный обо-
док.

О. с.:

Бюст императора вправо, внизу

дата ΒΟΦ. Точечный ободок.

Л — η

1) 8,17 г, 20 мм, Судак, 870 (рис. 2,
21).

Рис. 2. Статеры

1—21 — Савромата IV, 572 г.б.э.; 22 — Рискупорида V, 572 г.б.э.; 23 — Тейрана 572 г.б.э.

- ¹ *Podschivalov A. M.* Beschreibung der unedirten und wenig bekannten Münzen von Sarmatia Europaea, Chersonesus Taurica und Bosporus Cimmerius. Moskau, 1882, S. 23, N 73, Taf. II, 39. *Орешиников А. В.* Каталог собрания древностей графа А. С. Уварова. М., 1887, вып. 7, с. 116; *Латышев В. В.* ПОНТИКА. СПб., 1909, с. 120; *Minns E.* Scythians and Greeks. Cambridge, 1913, с. 607.
- ² *Зограф А. Н.* Античные монеты.— МИА, 1951, № 16, с. 211.
- ³ *Зограф А. Н.* Тиритакский клад.— КСИИМК, 1940, VI, с. 58—60; *Брабич В. М.* Клад боспорских статеров III в. н. э. из Тиритаки.— ТГЭ, 1967, IX, с. 5 и сл.
- ⁴ *Блаватский В. Д.* Пантикапей: Очерки истории столицы Боспора. М., 1964, с. 205; *Кругликова И. Т.* Боспор в позднеантичное время. М., 1966, с. 17, 195, 196; *Голенко К. В.* Монеты, найденные при раскопках в Керчи.— ВДИ, 1970, № 2, с. 89.
- ⁵ *Gajdukevič V. F.* Das Bosporanische Reich. Berlin, 1971, S. 240, Anm. 4, S. 470.
- ⁶ *Голенко К. В.* Таманский клад монет 1970 г.— Кlio, 1972, 54, S. 240; *Он же.* Nördliches Schwazameergebiet.— Chiron, 1975, сS. 632.
- ⁷ Анализы произведены в лаборатории ИА АН СССР в 1979 г. научным сотрудником Т. А. Барцевой, за что приносим ей глубокую благодарность.
- ⁸ *Gajdukevič V. F.* Das Bosporanische Reich, S. 470.
- ⁹ *Rostovtzeff M.* Gesellschaft und Wirtschaft im Römischen Kaiserreich. Leipzig, II, S. 154, 155; *Alpödi A.* Studien zur Geschichte der Weltkrise des 3. Jahrhunderts nach Christus. Darmstadt, 1967, S. 329; *Wolffram H.* Geschichte der Goten. München, 1979, S. 54—59.
- ¹⁰ *Mickwitz G.* Geld und Wirtschaft im Römischen Reich des vierten Jahrhunderts n. Chr. Helsingfors, 1932, S. 59—60.
- ¹¹ *Гайдукевич В. Ф.* Боспорское царство. М.; Л., 1949, с. 449; *Он же.* Das Bosporanische Reich, S. 469, 470.
- ¹² Судакский клад 1959 г.
- ¹³ Керчь. Таманский клад монет 1958 г. Хранится в Керченском археологическом музее.

ПУБЛИКАЦИИ

Г. К. ШАМБА

ПОГРЕБЕНИЕ VI В. ДО Н.Э. БЛИЗ СУХУМИ

Весной 1977 г. западнее г. Сухуми, на высоте 61 м от уровня моря, близ Эшерского городища¹ было доследовано грунтовое захоронение. Могильная яма округло-четырёхугольной формы (3 × 4 м) глубиной 0,80—1,20 м (с учетом склона). Примерно в середине ямы прослежены остатки человеческих костей. Среди них находилась одна золотая и две серебряные привески, обломки черепков из местной глины; обломки от кинжала или ножа и др. Костяк был ориентирован на северо-восток. Справа от него в 0,80 м стояла раздавленная чернофигурная амфора. В 1,50 м к югу от амфоры лежала крышка от нее (следы ограбления?). Слева от центрального захоронения лежал мужской костяк хорошей сохранности головой к северо-западу. Слегка согнутые руки были положены на животе. К востоку от него, вплотную примыкая один к другому, лежали костяки лошадей, ориентированные головами к северо-востоку, и другие остатки животных, а также многочисленные украшения.

Мы заложили шесть шурфов вокруг могилы с целью установления характера памятника. В 35 м к югу от основного раскопа, на глубине 0,40—0,45 м была найдена бронзовая пластинка с четырьмя стреловидными узорами, VI в. до н. э. Профессор Н. И. Бурчак-Абрамович, изучавший кости животных, дал о них следующее заключение. «К животным костякам относятся три лошади (одна мелкая, ослиного типа, возможно, мул; две другие — лошади среднего размера, тонконогие, верховые, т. е. нерабочие; один молодой бычок и одна свинья»².

Переходим к характеристике погребального инвентаря.

Уздечный набор (рис. 1, 1—3, 21). Три железных удила с петлевидными концами, каждое из которых снабжено парными трехпетельчатыми железными псалиями. Два аналогичных железных псалия с бронзовыми удилами найдены на Куланурхвском могильнике VI в. до н. э. с конским захоронением³. Такой же псалий найден в Карачаево-Черкесской АО в могильнике VI в. до н. э. Кызыл-Калине⁴. Весьма сходные железные удила зафиксированы в Кармир-Блуре, где они находились вместе со скифскими предметами, в развале оборонительной стены VI в. до н. э.⁵ Удила эшерского типа известны также в хорошо датированных комплексах VI в. до н. э. Поднепровья⁶.

Вместе с удилами и псалиями найден массивный кабаньей клык с отверстием в головной части (рис. 1, 21). Его поверхность хорошо отполирована, на одной стороне изображение хищного животного, выполненное в скифском зверином стиле. По определению проф. Н. И. Бурчак-Абрамовича, «это несомненно по общей фигуре зверь кошачьей породы вроде льва. Мощная голова, широко раскрытая пасть, хвост и т. д. говорят в пользу этого. Вместе с тем изображение сильно стилизовано, скорее собачьего типа. Зверь готовится к прыжку на добычу». Длина клыка 9 см, при максимальной ширине 1,8 см. Места соединения передних ног с туловом и конец хвоста переданы в виде головы грифона. Очень близкие изображения встречаются среди памятников искусства скифо-савроматского

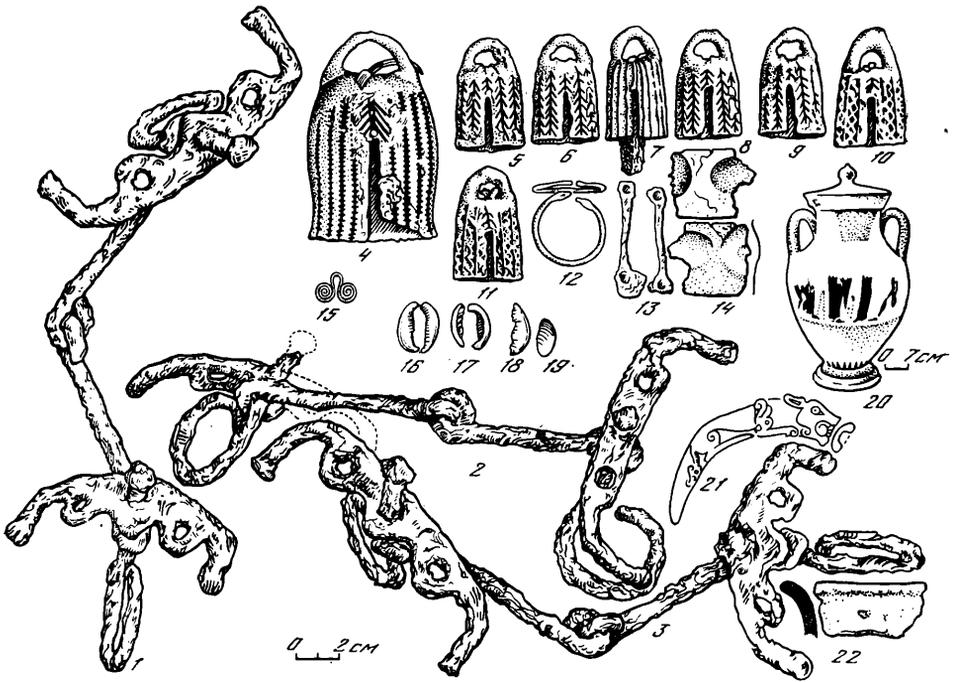

Рис. 1. Находки из погребения

1—3 — железо; 4—11, 13, 14 — бронза; 12 — серебро; 15 — золото.

1 — 3 конские удила; 4 — 11 — колокольчики; 12, 15 — подвески; 13, 14 — обломки кольчуги; 16—19 — подвески из ракушек; 20 — амфора; 21 — кобаный клык-подвеска; 22 — венчик местного горшка

мира, например на клыках из Поволжья (Блюменфельдский курган А 12), датированных концом VI в. до н. э.⁷ Говоря о смысловой стороне изображения хищного животного на клыке, интересно вспомнить некоторые высказывания скифологов о том, что краеугольным камнем космогонии и мифологии скифов являлось представление о многочисленных перевоплощениях, в которых предстает каждое божество. Давно установлено, что, пытаясь изобразить одно из божеств своего пантеона, скифский мастер был вынужден снабжать свое изделие атрибутами различных существ, в которые последовательно воплощалось это божество. Поскольку было распространено представление о том, что часть выражает целое, то нередко мы встречаем изображение лишь образа (например, вместо птицы — ее голова, клюв или когти, вместо лошади — ее копыта и т. д.).⁸ Это положение хорошо прослеживается на нашем экземпляре, в частности, вместо грифа дважды нанесены его крылья. Но эта деталь подчиняется общей конфигурации композиции.

Вместе с удилами найдены девять бронзовых колокольчиков (рис. 1, 4—11), из них один круглый (рис. 1, 4). Большой колокольчик (высотой 9 см с устьем 4×6 см) снабжен петлей для подвешивания и имеет боковые прорезы, форма цилиндрическая с округлыми плечиками и резко согнутыми краями. Поверхность украшена горизонтальными полосками с поперечными швами. Остальные восемь колокольчиков лежали среди черепных и шейных позвонков лошадей. Они цилиндрической формы с петельками для подвешивания и боковыми прорезами, украшены рельефно выступающими елочными узорами, внутри имеют железные язычки. По-видимому, они служили украшениями голов и шей лошадей.

Прямые аналогии мы встречаем среди материалов Сухумской горы⁹, Красного маяка¹⁰, Ткварчели и многих памятников Закавказья, Передней Азии¹¹ и южнорусских степей эпохи раннего железа¹².

Представление о месте колокольчиков на сбруе коня дают изображения всадников с копьями на ассирийских и урартских каменных изваяниях. Так, на рельефе царя Ашшурбанипала (668—631 гг. до н. э.) конская упряжь состояла из уздечки, кожаного ремня, охватывающего шею лошади в виде ошейника, и подпруги. На нем хорошо видны колокольчики типа эперских. Большой колокольчик подвешен на месте соединения головы и шеи коня, а маленькие (их около 14 экз.) украшали ленты уздечного набора.

Примерно в 0,6 м к востоку от колокольчиков были найдены две серебряные подвески и одно очкообразное украшение из золота.

Две серебряные подвески. Одна из них фрагментирована. Другая диаметром 2,8 см из круглой проволоки толщиной 1,5 мм. Концы проволоки сплющены и отдаленно напоминают схематично выполненные головки животного (лебедь, змея?). На одной из подвесок была подвешена очкообразная привеска шириной 1,8 см из золотой круглой проволоки (рис. 1, 15).

В могильной яме найдено несколько обломков глиняных изделий, среди них венчик от лепного горшка темно-бурого цвета с мелкими блестящими включениями (рис. 1, 22). Отсюда же извлечено шесть обломков от железных полос, возможно фрагменты кинжалов и наконечников копий.

Чернофигурная амфора (рис. 1, 20; 2а, б)¹³. Высота ее вместе с крышкой 0,70 м, диаметр 0,265 м, диаметр дна 0,22 м. Нижняя часть амфоры украшена лучеобразно расходящимися узкими листьями («корзина»). Над ними полоса черного лака шириной 0,14 м. С двух противоположных сторон тулова светлое поле с сюжетной чернофигурной росписью.

Следуя уже разработанной классификации, данную амфору следует отнести к типу А чернофигурных амфор¹⁴. На одной стороне (А) изображен Дионис в длинном хитоне в сопровождении двух менад и двух сатиров,двигающихся навстречу друг другу (рис. 2, а). Пространство между фигурами заполняют свободно разбросанные ветки плюща — один из атрибутов Диониса. Этот же растительный орнамент в виде побега с листьями нанесен на ручках амфоры. На противоположной стороне (Б) древний вазописец изобразил сцену подготовки воинов к сражению (рис. 2, Б).

С большим мастерством здесь показаны четыре коня, впряженные в боевую колесницу. Впереди лошадей — четыре тяжело вооруженных воина в коринфских шлемах с длинными копьями. Во главе колесницы стоит фигура учителя-наставника в длинном хитоне с подчеркнутыми складками. Обращен он лицом к стоящим перед ним воинам. Сверху между лошадьми и колесницей надпись черным лаком ΝΙΚΟΝ, очевидно, имя мастера-гончара или живописца (рис. 3). Амфора изготовлена в Аттике в конце третьей четверти VI в. до н. э.¹⁵ Это наиболее ранняя из известных нам чернофигурных ваз, найденных на Кавказе.

Итак, перед нами сложный погребальный обряд, когда вместе с умершим господином погребались слуги, кони и другие животные. Место могилы и отсутствие поблизости некрополя позволяет предполагать, что интересующий нас памятник относится к кладбищам усадебного типа (термин, введенный еще Б. А. Куфтиным более 40 лет тому назад применительно к аборигенному населению Колхиды, в частности абхазам¹⁶). Обилие ценных вещей говорит о том, что могила принадлежала представителю имущественной верхушки общества, возможно, племенному вождю или, следуя терминологии Страбона, — скептуху (скипетродержцу) — представителю социальной верхушки генихойских племен, известной на Кавказском Причерноморье со второй половины I тысячелетия до н. э. (*Ps.-Scyl. Periopl.* 76, 77; *Strabo*, XI, II, 13).

Погребенный в могиле человек был хорошо знаком с эллинской и скифской культурами. На соседнем холме в 800 м к западу от погребения с середины VI в. до н. э. существовало небольшое греческое поселение¹⁷. Археологические раскопки там показали, что в свою очередь это поселение возникло на земле, где ранее проживали племена аборигенов¹⁸.

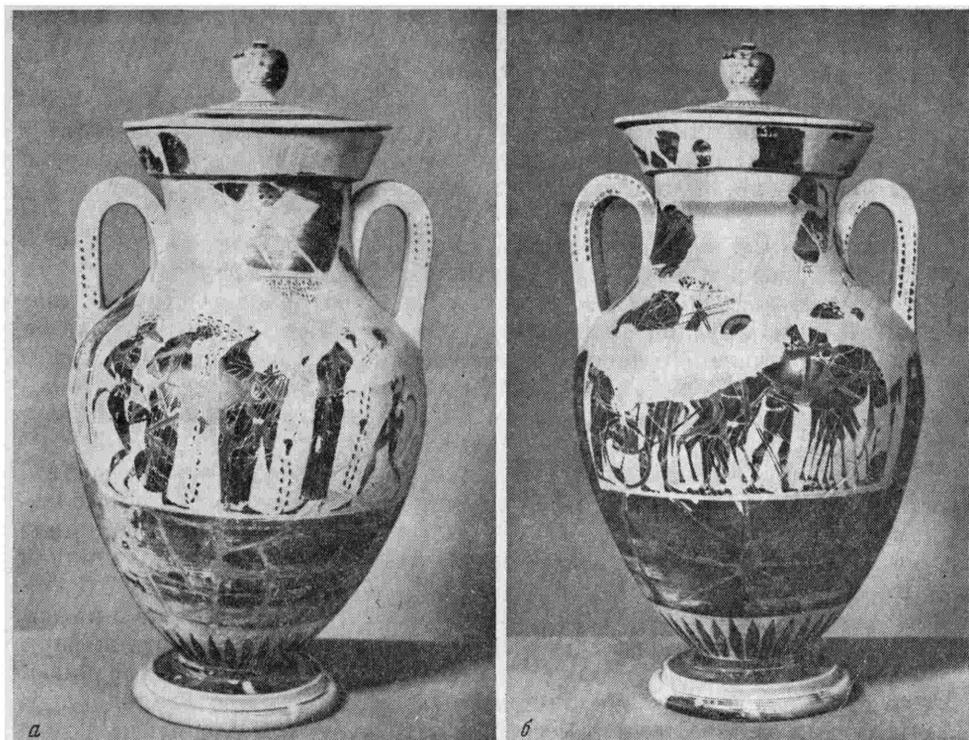

Рис. 2. Чернофигурная амфора
 а — Дионис с менадами и сатирами; б — воины с колесницей

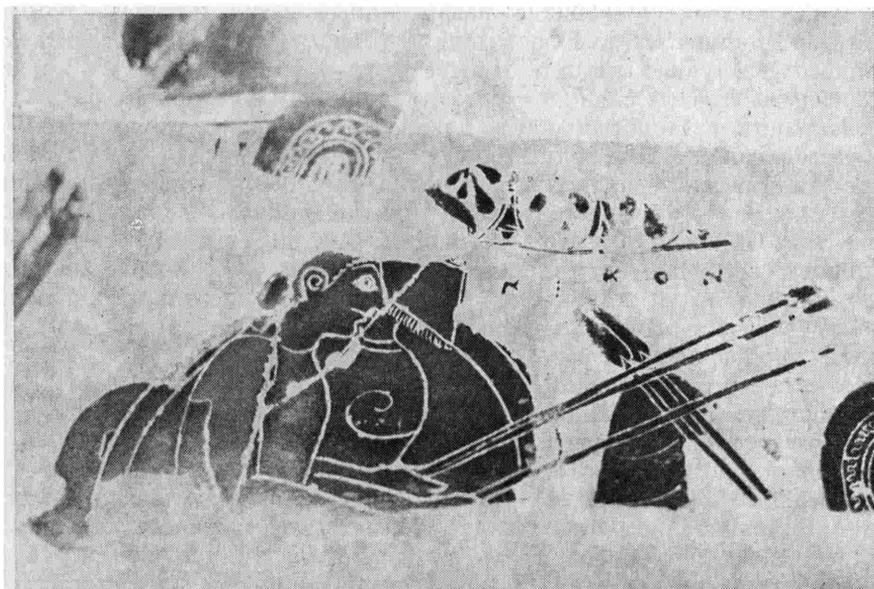

Рис. 3. Надпись на амфоре

К сказанному следует добавить, что на протяжении последнего полувека почти на каждом холме или склоне выявлены поселения и могильники предантичного времени (холм Верецагина, Варданиху, Кутышьха и др.)¹⁹. В связи с этим возникает вопрос: что нового может внести данное открытие в изучение греко-местных взаимоотношений в эпоху древнегреческой колонизации?

На побережье Центральной Абхазии, где, как выше было отмечено, имелось довольно плотное население, плодородные земли и другие природные богатства (лес, мед, воск, металл и др.), соответственно с этим был высок социально-экономический уровень развития местного общества. Вряд ли там колонисты могли насильственно захватить владения местного населения. Скорее всего, колонизация должна была носить мирный характер, по какому-то неизвестному нам взаимному согласию, как это бывает и в других регионах колонизации Черноморья ²⁰.

- ¹ *Шамба Г. К.* Эшерское городище. Тбилиси, 1980.
- ² Пользуясь случаем, приношу свою благодарность профессору Николаю Исифовичу Бурчак-Абрамовскому за оказанную помощь.
- ³ *Трапи М. М.* Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Абхазии.— Труды. Сухуми, 1970, т. I, с. 108, 109, табл. VI, 7.
- ⁴ *Алексеева Е. П.* Древняя и средневековая история Карачаево-Черкессии. М., 1971, с. 61, табл. 136, 13.
- ⁵ *Пиотровский Б. Б.* Кармир-Блур, I. Ереван, 1950, с. 86, рис. 5.
- ⁶ *Галанина Л. К.* Скифские древности Приднепровья.— САИ, 1977, вып. ДТ-33, с. 19—226, табл. 7, 2.
- ⁷ *Смирнов К. Ф.* Савроматы. М., 1964, с. 41.
- ⁸ *Кузьмина Е. Е.* Скифское искусство как отражение мировоззрения одной из групп индоиранцев.— В кн.: Скифско-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М., 1976, с. 58, 59.
- ⁹ *Каландадзе А. Н.* Археологические памятники Сухумской горы. Сухуми, 1953, с. 53.
- ¹⁰ *Трапи М. М.* Древний Сухуми.— Труды. Сухуми, 1969, т. 2, с. 186, табл. XXII, рис. 5.
- ¹¹ *Пиотровский Б. Б.* Ванское царство. М., 1959, с. 152 и след.
- ¹² *Галанина Л. К.* Скифские древности, с. 42—44.
- ¹³ Реставрирована в Государственном Эрмитаже.
- ¹⁴ *Beazley J. D.* An amfora by the Berlin painter. *Antike Kunst*, 1961, p. 49 ff.
- ¹⁵ *Robinson David M.* *Corpus vasorum Antiquorum*. Cambridge, 1934, p. 49, tabl. XXXIV, 1a; *Beasley S. D.* *The Development of Attic Black-figure*. Berkeley, California, 1951, p. 77, tabl. 34, 35; *A History of Greek vase painting*. London, 1962, p. 306—307; *Éberd Paul*. *Corpus vasorum Antiquorum*. Berlin, 1973, S. 27, tabl. 23; *Boardman J.* *Athenian Black figure vases*. London, 1974, p. 109—111; tabl. 168; *Petrusch E.* *Griechische Vasen*, 1975, S. 20, tabl. XIV, 1a; *Packard P. M.*, *Clement P. A.* *Corpus vasorum Antiquorum*. Los-Angeles, 1977, p. 18, 19; tabl. 16.
- ¹⁶ *Куфтин Б. А.* Материалы к археологии Колхиды, II. Тбилиси 1950, с. 270, сноска 1.
- ¹⁷ *Куфтин Б. А.* Материалы к археологии Колхиды, I, 1949, с. 5, 9.
- ¹⁸ *Шамба Г. К.* Эшерское городище, с. 56, 57.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ *Брашинский И. Б.*, *Щеглов А. Н.* Некоторые проблемы греческой колонизации. Тбилиси, 1977, с. 89.

К. К. МАРЧЕНКО, Я. В. ДОМАНСКИЙ

КУЛЬТОВЫЙ ЗОЛЬНИК НА ПОСЕЛЕНИИ КУЦУРУБ I

Остатки поселения Куцуруб I расположены на правом берегу Днепровского лимана, к северо-востоку от г. Очакова ¹. К настоящему времени значительная часть поселения погибла в результате современной береговой абразии. Сохранившийся участок площади имеет протяжение по берегу около 250 м, в глубь плато — около 100 м. Раскопками установлены два отдельных периода существования поселения — вторая половина VI — начало V в. до н. э. и последняя четверть V — начало III в. до н. э.

Для наиболее раннего периода характерны небольшие круглые и овальные землянки и полуземлянки площадью от 4 до 18 кв. м. При раскритии котлована одной из них (строительный комплекс 1) был обнаружен зольник культового назначения. Комплекс 1 ничем существенным не отличался от одновременных ему сооружений поселения, представляя остатки овальной в плане однокамерной постройки площадью около 18 кв. м (рис. 1, I). Постройка впущена в материк с уровня погребенной почвы на

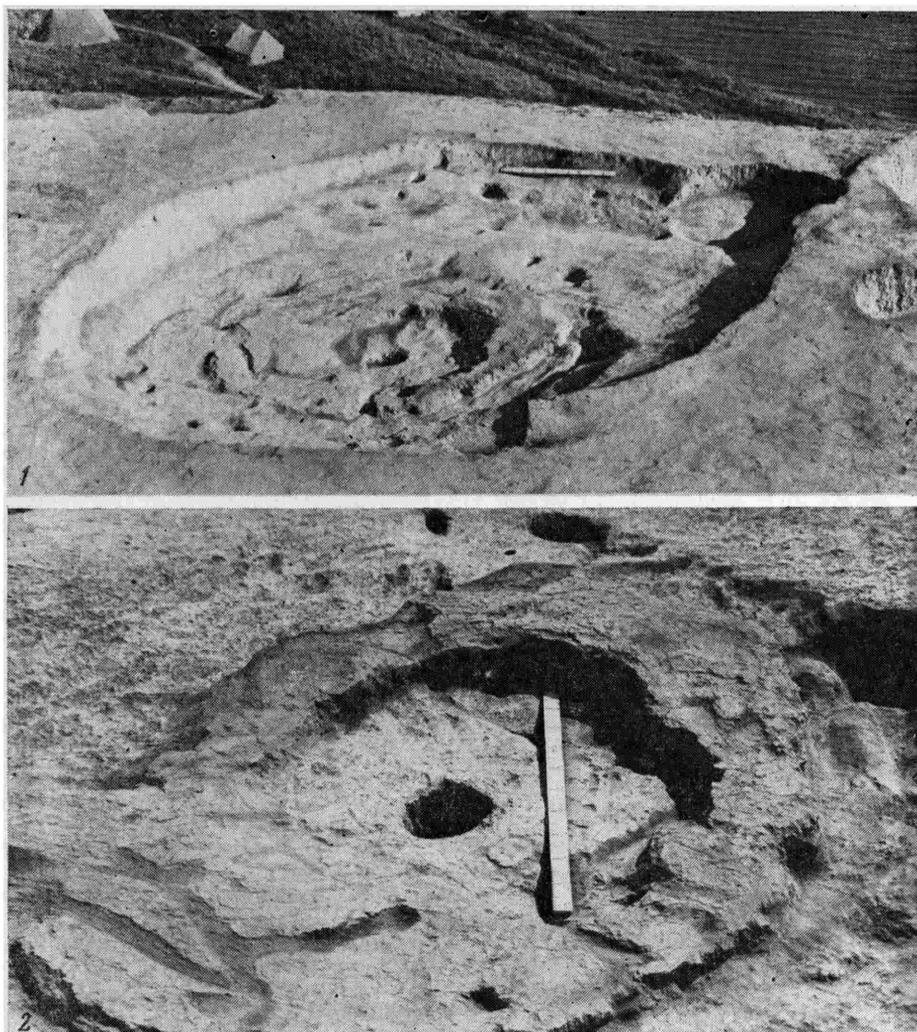

Рис. 1. Строительный комплекс I
1 — вид с севера; 2 — глиняный под жертвенника

глубину до 0,5 м. Материковые борта котлована сильно оплыли еще в древности и в настоящее время имеют наклон к центру под углом в 30—75°. В материковом полу, в центре полуземлянки и вдоль бортов котлована выявлено 7 небольших конусовидных ямок, часть из которых, несомненно, оставлена опорными столбами, поддерживавшими легкое шатровое перекрытие.

Судя по совокупности стратиграфических данных, характеру заполнения и датировкам импортной греческой керамики, описываемый строительный комплекс погиб не позднее конца VI в. до н. э., а его площадь в дальнейшем, вплоть до начала V в. до н. э., т. е. до прекращения жизни на поселении, стала использоваться исключительно в культовых целях. В центре котлована на невысокой (около 0,05 м) золистой подушке с включениями мелких обломков керамики позднеархаического времени был, по всей видимости, очень скоро сооружен жертвенник, от которого *in situ* сохранился лишь большой кольцеобразный слабообожженный глиняный под мощностью около 0,02 м (рис. 1, 2). В процессе функционирования жертвенника, а затем и по мере сброса отсюда золы и мусора над подом образовался небольшой зольный холм. Точные размеры последнего, впрочем, не устанавливаются: к моменту раскрытия зольное всхолмление сильно расплылось, почти повсеместно дойдя до бортов котлована. Наиболь-

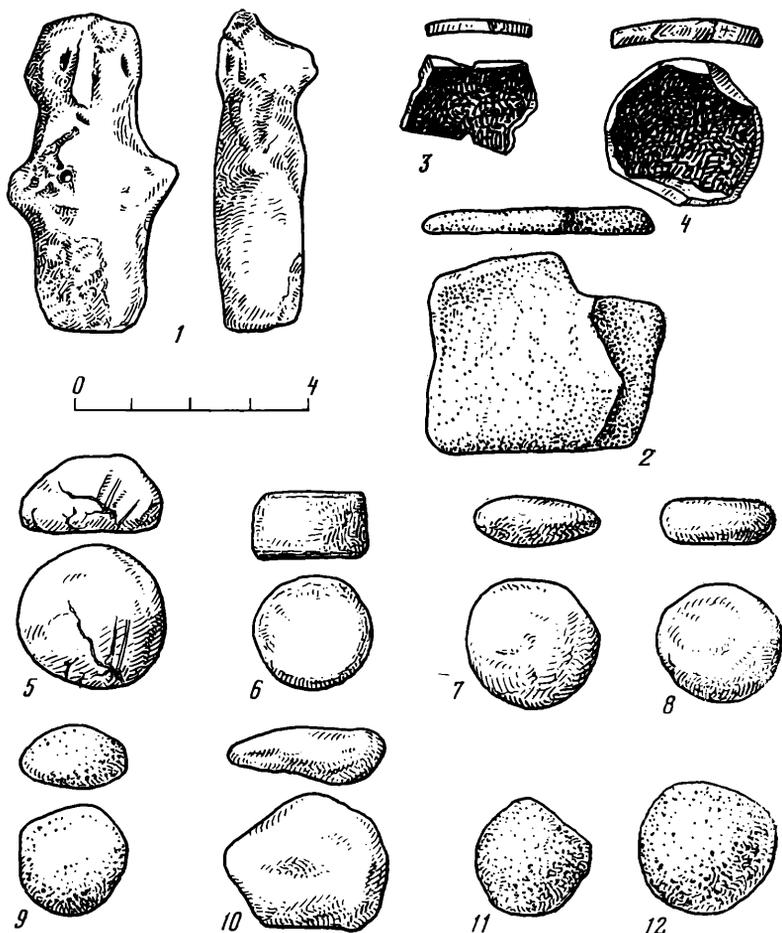

Рис. 2. Предметы из культового зольника

1 — терракотовая статуэтка; 2 — каменная плита; 3, 4 — подделки из стенок чернолаковых аттических сосудов; 5—9 — глиняные вотивные «хлебцы»; 10—12 — камни

шая мощность зольника в настоящее время, приходящаяся на центральную часть полуземлянки, достигала 0,6 м. Структура насыпи слоистая, что с очевидностью указывает на многократность подсыпок.

Разборка насыпи дала весьма обильный и разнообразный вещественный материал, носивший, как правило, на своей поверхности следы воздействия огня, в том числе: 1020 обломков керамики, 178 костей животных и 3 рыбы косточки. Здесь же, в центральной части котлована, под подом жертвенника, обнаружен развал обожженных кусков глиняной обмазки стен. Следует отметить, что насыщенность находками зольника оказалась значительно большей, чем окружающего его культурного слоя, но соотношение групп находок чрезвычайно близко отмеченному для обычных культурных напластований поселения Куцуруб I второй половины VI — начала V в. до н. э. Так оказалось, что 75,8% от всей найденной керамики составляют обломки остродонных амфор, 14,8% — фрагменты кружалной керамики всех типов и 9,4% — лепной посуды. Без учета амфор соотношение выглядело следующим образом: кружалная посуда — 61,1%, лепная — 38,9%.

Качественный анализ материалов зольника показывает наличие в них практически всех основных видов находок, известных на поселении позднеархаического периода. Здесь, в частности, имеются многочисленные обломки хиосских пухлогорных амфор с раскрашенными и оставленными в цвете глины венчиками, обломки красноглиняных амфор с узким стаканобразным дном, фрагменты чернолаковой аттической, простой и рас-

писной ионийской керамики. В группе лепной посуды преобладают обломки банок и горшков с наклепными валиками, моделированными пальцевыми зажимами и вдавлениями, дополненные так называемыми ручками-упорами. Среди других категорий в общем немногочисленных материалов укажем на обломок прямоугольного каменного бруска для заточки наконечников стрел и на одно орнаментированное наколами биконическое глиняное пряслице.

Обычным для поселения оказался и видовой состав животных, кости которых оказались в насыпи зольника: на первом месте по численности — крупный рогатый скот, далее — лошади и мелкий рогатый скот; весьма бедно в находках представлены свинья и собака.

Наиболее важным, по существу определяющим функцию описываемого объекта оказалось присутствие среди находок предметов культового назначения. Все они обнаружены в центральной части зольной насыпи, над подом жертвенника. В их числе следует назвать небольшую антропоморфную статуэтку из светло-серой тщательно отмученной и хорошо обожженной глины высотой около 0,05 м (рис. 2, 1). Изображение божества выполнено в крайне условной манере — в виде «болванчика» с несколько приплюснутой головой, чуть намеченной шеей и короткими коническими выступами-руками на круглом, удлинённом теле. На плоском лице идола острым инструментом нанесены глаза-наколы и выделен длинный, узкий нос; в верхней части тела, у правой руки острым предметом сделан глубокий накол.

Следующими по значению предметами культового назначения из комплекса следует считать 6 маленьких (от $0,01 \times 0,015$ до $0,015 \times 0,025$ м), несомненно, votивных «хлебцев» различной формы (рис. 2, 5—9), изготовленных из хорошо отмученной глины с растительной примесью. Здесь же найдены 17 круглых и уплощенных каменной-голышей тех же размеров, что и вышеупомянутые «хлебцы» (например: рис. 2, 10—12), одна небольшая каменная плитка (рис. 2, 2) и две поделки из стенок чернолаковых аттических сосудов (рис. 2, 3, 4).

Сопоставление этого комплекса с кругом аналогичных зольников Северного Причерноморья² позволяет, как кажется, отнести его к числу памятников местного земледельческого культа, равно связанного с культом огня и домашнего очага.

¹ Крыжицкий С. Д., Бураков А. В. и др. К истории Ольвийской сельской округи. — В кн.: Исследование по античной археологии Северного Причерноморья. Киев, 1980, карта «Памятники Ольвийской хоры», № 46.

² См., например: Шрамко Б. А. Следы

земледельческого культа у местных племен Северного Причерноморья в раннем железном веке. — СА, 1957, № 1, с. 178 и след.; И. Т. Кругликова. Сельское хозяйство Боспора. М., 1976, с. 65—68.

Т. И. КОСТРОМИЧЕВА, Н. А. АЛЕКСЕЕНКО

КЛАД ХЕРСОНЕССКИХ МОНЕТ IV—II ВВ. ДО Н. Э.

В марте 1968 г. во время постройки гаражей в районе Камышовой бухты в городе Севастополе был найден раздавленный сосуд с бронзовыми и серебряными херсонесскими монетами¹. Установлено, что клад был зарыт на участке клера 28, на стыке виноградного и садового плантажей, в углу между двумя оградами, разделявшими участки надела. Тогда же в музей поступило 134 монеты, из них шесть серебряных. Летом того же года музеем была приобретена еще часть этого клада, состоящая из 201 бронзовой монеты, а в 1969 г. в музей попала третья часть этого клада — 284 монеты, все бронзовые. Таким образом, всего в музей поступило 619 монет. Две монеты рассыпались при чистке. Общее число монет клада неизвестно, много монет разошлось по рукам.

Рис. 1. Типы серебряных монет клада (1—6)

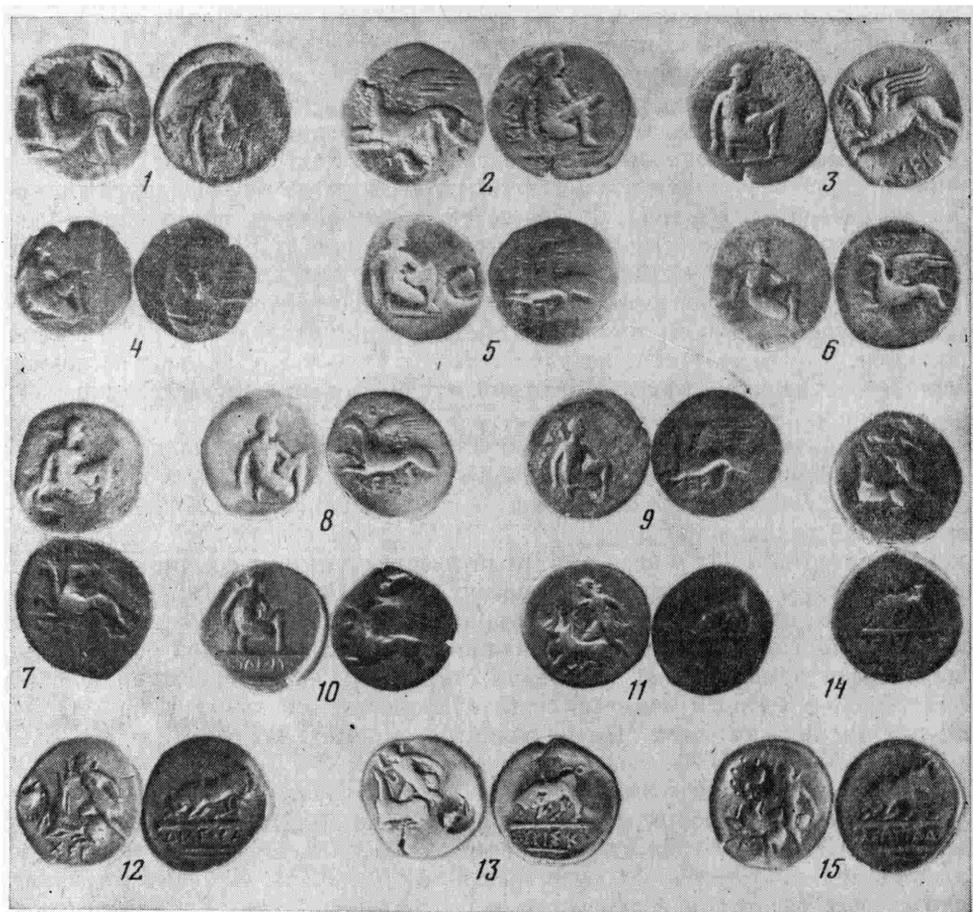

Рис. 2. Типы бронзовых монет клада (1—15)

На Гераклейском полуострове — хоре Херсонеса еще в 1944 г. во время сбора трофейного имущества были найдены два клада херсонесских монет IV—II вв. до н. э.² Найденные монеты поступили в музей. В первом клада было 103 монеты, из них 36 серебряных, остальные бронзовые. Второй клада состоял из 741 монеты, из них 39 серебряных. В 1954 г. строителями на южной окраине Севастополя, на Куликовом поле был об-

наружен клад монет этого же времени ³. Удалось собрать у строителей 39 монет. Таким образом, публикуемый клад — это уже четвертая находка на территории Гераклейского полуострова. В состав клада 1968—1969 гг. входят монеты, характерные и для предыдущих кладов. Среди них серебряные монеты с головой безбородого Геракла на лицевой стороне, бодающим быком или Девойна оборотной и бронзовые с изображением грифона и коленопреклоненной Девы; самую многочисленную группу монет клада составляют бронзовые монеты с изображением на лицевой стороне Девы, разящей лань, на оборотной — бодающего быка. Сохранность монет клада хорошая, за исключением монет с изображением грифонов.

Серебро представлено шестью монетами, из них три — тригемидрахмы с изображениями головы безбородого Геракла в львиной шкуре вправо и бодающего быка влево, с именами магистратов $\text{HPAK\Lambda EIT\O Y}$, $\text{P\Upsilon Y-TANIO\S,}$, $\text{PPO\Upsilon\Upsilon\Upsilon\Upsilon\Upsilon O Y}$; надчеканки в виде молнии и дельфина; вес от 4,59 до 4,69 г, диаметр 17—18 мм (рис. 1, 4—6). Монеты датируются серединой III в. до н. э.⁴ Три драхмы имеют на лицевой стороне голову Геракла в львиной шкуре вправо, на оборотной — Деву, сидящую на троне влево; имена магистратов $\text{\Delta I\O N\O\S, HPAK\Lambda EIT\O Y}$; вес от 8,73 до 9,41 г, диаметр 22 мм, надчеканки тех же типов ⁵ (рис. 1, 1, 3).

Следующую группу составляют бронзовые монеты с грифоном на лицевой стороне и коленопреклоненной Девой на оборотной, их 17 экз. (рис. 2, 1—2). Монеты этой группы хронологически следуют за монетами с изображением квадриги на лицевой стороне ⁶. Нужно отметить, что в нашем кладе отсутствуют монеты с квадригой, тогда как все другие группы представлены обильно. Сохранность монет средняя, изображения часто затерты, имена магистратов читаются с трудом. Большинство монет этой группы имеют симметричные выступы на концах диаметра, что свидетельствует об использовании в Херсонесе заготовок для чеканки, отлитых в «сицилийской» технике ⁷. На оборотной стороне 14 экз. имеются надписи: на одном — ПА, на двух АРІ, на 11 — КРА ⁸. Такое количественное соотношение монет с разными надписями внутри этой группы характерно и для других кладов.

Параллельно с монетами разобранной группы выпускались монеты, на лицевой стороне которых коленопреклоненная Дева, начальные слоги имени магистрата, а на оборотной — грифон и название города ⁹. В нашем кладе таких монет пять (рис. 2, 3). Сохранность их средняя, изображения затерты; гурт у всех округлый, выступы на концах диаметра, трещины по краю гурта. Выпуск монет с грифоном относится к началу IV в. до н. э. Их сменяют монеты с изображением коленопреклоненной Девы на лицевой стороне, а грифон, название города в сокращенной форме и имя магистрата помещены на оборотной стороне ¹⁰. Таких монет в кладе 74 (рис. 2, 4—8). На 20 монетах можно прочесть имена магистратов, на 51 экз. имена не читаются. Имена магистратов: $\text{BA\Theta Y\Lambda\Lambda}$ (8 экз.), XOP EIO (2 экз.), $\text{\Phi I\Lambda I\Upsilon TIO}$ (6 экз.), A I\Upsilon X I (3 экз.), \Theta E O\P (1 экз.).

Следует остановиться на группе монет с изображением на лицевой стороне грифона и на оборотной коленопреклоненной Девы с именем магистрата $\text{EY\Delta P O M O Y}$ ¹¹. На 5 экз. имя $\text{EY\Delta P O M O Y}$ помещено за спиной Девы, на пяти других — в обресе (рис. 2, 9, 10). А. М. Гилевич отмечает, что на всех монетах Херсонесского музея, на которых имя Евдром помещено в обресе, оно имеет окончание OY ¹². На всех монетах нашего клада имя Евдром имеет окончание о, а не OY .

При магистрате Евдроме Херсонес приступил к выпуску новой группы монет с изображениями Девы, поражающей лань, на аверсе и бодающего быка — на реверсе ¹³. Эти монеты составляют самую многочисленную группу в кладе — их 507 (рис. 2, 11—15). Монеты лучшей сохранности, чем все остальные в этом кладе. У большинства монет острый гурт, что свидетельствует о малой изношенности монет в обращении. Часто заметны дефекты штемпелей, поправки, видны напыльы металла, которые образовались в результате неполного захвата штемпелей монетного кружка. Выпуск монет рассматриваемого типа В. А. Анохин относит к 30—290 гг.

до н. э. В кладе представлены монеты, носящие все пять имен магистратов, известные для монет этого типа: ΕΥΔΡΟΜΟΥ — 91 экз., ΣΥΡΙΣΚΟΥ — 72 экз., ΘΕΟΧΑΡΕ — 13 экз.; ΔΙΑΡΟΡΑ — 141 экз.; ΚΛΕΜΥΤΑΔΑ — 177 экз. На 13 монетах имя прочитать не удалось.

Большинство монет клада имеют надчеканку в виде дельфина. На монетах с изображением грифона надчеканки ставились то на лицевой стороне, то на оборотной, примерно поровну, в группе монет с изображением Девы и бодающего быка надчеканки помещались, как правило, на лицевой стороне. Надчеканки в большинстве случаев хорошей сохранности, это позволяет сделать вывод, что после надчеканывания монеты не были в длительном употреблении, а вскоре попали в клад. Надчеканки на монетах относятся к III в. до н. э.¹⁴ Они же определяют дату зарытия клада не ранее середины III в. до н. э.

В целом клад 1968—1969 гг. является чрезвычайно важным комплексом монет Херсонеса конца IV—III в. до н. э. Он позволяет сделать вывод о сложном состоянии финансов Херсонеса во второй половине III в. до н. э. По-видимому, город переживает в этот момент экономический кризис, повлекший за собой частичное уменьшение торгового оборота, что привело в конечном счете к снижению притока драгоценных металлов и резкому их удорожанию. Старая полновесная монета изымается из обращения и превращается в сокровища. Именно к этому времени относятся монетныеклады, найденные на Гераклеяском полуострове.

¹ Гилевич А. М. Клад херсонесских монет IV — II вв. до н. э. — АО 1968 г. М., 1969, с. 285.

² Тахтай А. К. Два клада херсонесских античных монет 1944 г. — ХС, 1948, IV, с. 113.

³ Гилевич А. М. Новый клад из окрестностей Херсонеса. — СА, 1958, XXVIII, с. 136—139.

⁴ Зограф А. Н. Античные монеты. — МИА, 1951, № 16, табл. XXXV, 19, 22; Анохин В. А. Монетное дело Херсонеса. Киев, 1978, табл. VIII, 107, 108, 113.

⁵ Анохин В. А. Монетное дело Херсонеса, табл. VII, 96, 97.

⁶ Гилевич А. М. Кучук-майнакский клад херсонесских монет IV — III вв. до н. э. — НЭ, 1970, VIII, с. 6.

⁷ Анохин В. А. Сицилийская техника литья монетных заготовок в Херсонесе. — НиС, 1974, 5, с. 13.

⁸ Анохин В. А. Монетное дело Херсонеса, табл. IV, 60—62.

⁹ Гилевич А. М. Кучук-майнакский клад, с. 7.

¹⁰ Анохин В. А. Монетное дело Херсонеса, табл. IV, V, 68, 69, 70, 72, 73.

¹¹ Анохин В. А. Монетное дело Херсонеса, табл. V, 75, 76.

¹² Гилевич А. М. Кучук-майнакский клад, с. 10.

¹³ Зограф А. Н. Две группы херсонесских монет с заимствованными типами. — ИРАИМК, 1927, V, с. 384.

¹⁴ Анохин В. А. Монетное дело Херсонеса, с. 39.

И. Т. КРУГЛИКОВА

ХЕРСОНЕССКАЯ УСАДЬБА НА НАДЕЛЕ 10

В результате быстрого роста территории г. Севастополя новые городские кварталы появились на ранее пустовавших землях в северной части Гераклеяского полуострова, где еще недавно были видны следы античной размежевки полей (рис. 1), и в том числе на наделах 9—11 к северу от античной дороги III¹. Здесь, на берегу Камышевой бухты к северу от дороги III В. П. Лисин в 1937 г. раскопал усадьбу на наделе 4. Построенная в III в. до н. э., эта усадьба в конце II в. до н. э. была разрушена и в I в. н. э. вновь отстроена; окончательно жизнь в ней прекратилась в IV в.² Примерно в 100 м от этой усадьбы по другую сторону дороги II в 1974—1981 гг. была раскопана автором этой статьи усадьба надела 9³. История этой усадьбы почти повторяет историю усадьбы, раскопанной В. П. Лисиным. Построенная в конце IV или в самом начале III в. до н. э. небольшая по размерам усадьба была разрушена в конце II в. до н. э.

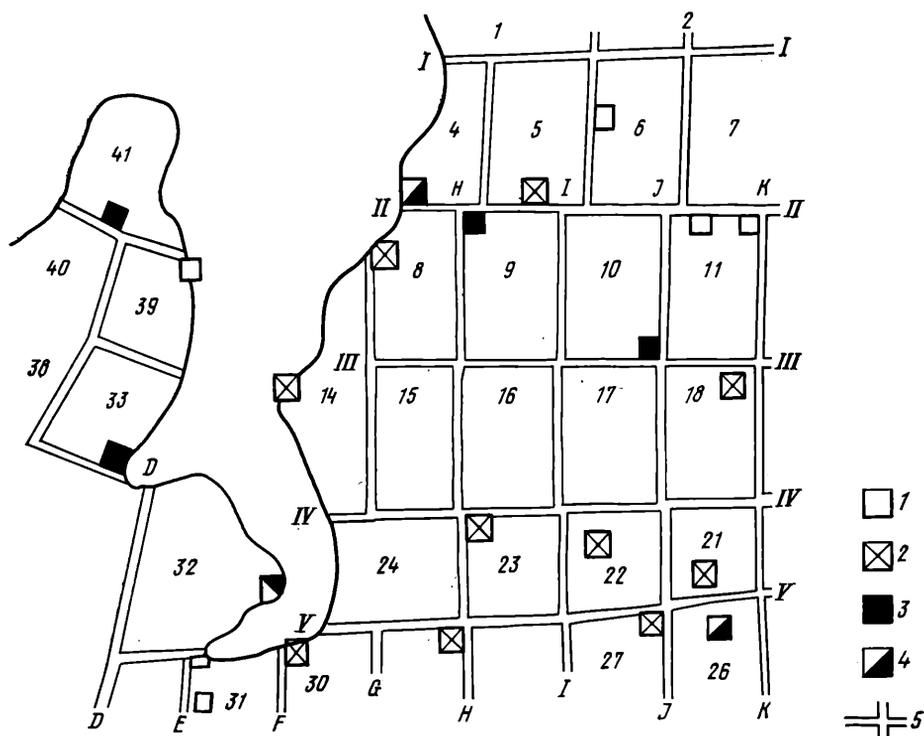

Рис. 1. Схема расположения античных усадеб, дорог и наделов в районе Камышевой бухты

1 — руины усадеб; 2 — усадеб, полностью разрушенные после 1941—1950 гг.; 3 — усадеб, раскопанные археологами; 4 — усадеб частично раскопанные; 5 — античные дороги между наделами. Арабскими цифрами обозначены номера наделов; латинскими цифрами обозначены поперечные дороги; латинскими буквами — продольные дороги

и вновь выстроена уже с новой планировкой, по-видимому, в конце I в. до н. э. или в начале I в. н. э. Она несколько раз перестраивалась и существовала вплоть до IV, а возможно, даже до середины V в. Раскопки усадеб показали, что первоначальная планировка земельных наделов и сеть разделявших их дорог утратили свое значение уже в первые века нашей эры. Дороги, примыкавшие к ограде усадьбы 9 в III в. до н. э., в первые века нашей эры были перекрыты вновь возведенными стенами дополнительных укреплений усадьбы.

Еще одна усадьба на соседнем наделе 10 исследовалась автором в 1976—1978 гг. ⁴ Эта усадьба расположена вдали от моря в восточном углу надела, у перекрестка дорог J и III, отделявших надел 10 от соседних наделов 11 и 17. На месте усадьбы в период Великой Отечественной войны были вырыты блиндажи и окопы, сильно повредившие остатки каменных кладок. Были вывернуты каменные блоки, кое-где сохранившие следы руста. В отвалах траншей С. Ф. Стржелецкий видел «каменный слив от винодельческого тарапана или от площадки виноградной давилки» ⁵. В 1976 и 1977 гг. был полностью выявлен план усадьбы, а в 1978 г. раскопки ее были полностью закончены и вся площадь вскрыта до материка.

Усадьба в плане приближается к прямоугольнику, вытянутому с северо-запада на юго-восток, длина ее северо-западной стены по наружному периметру 18,3 м, юго-восточной — 15 м, северо-восточной — 29,5 м, юго-западной — 30,5 м. Площадь усадьбы составляет около 500 кв. м (рис. 2, 4). Удалось выявить четыре строительных периода в сооружении усадьбы.

Первый строительный период. Вероятно, к последней четверти IV в. до н. э. относится сооружение центральной башни площадью 9,2 × 6 м.

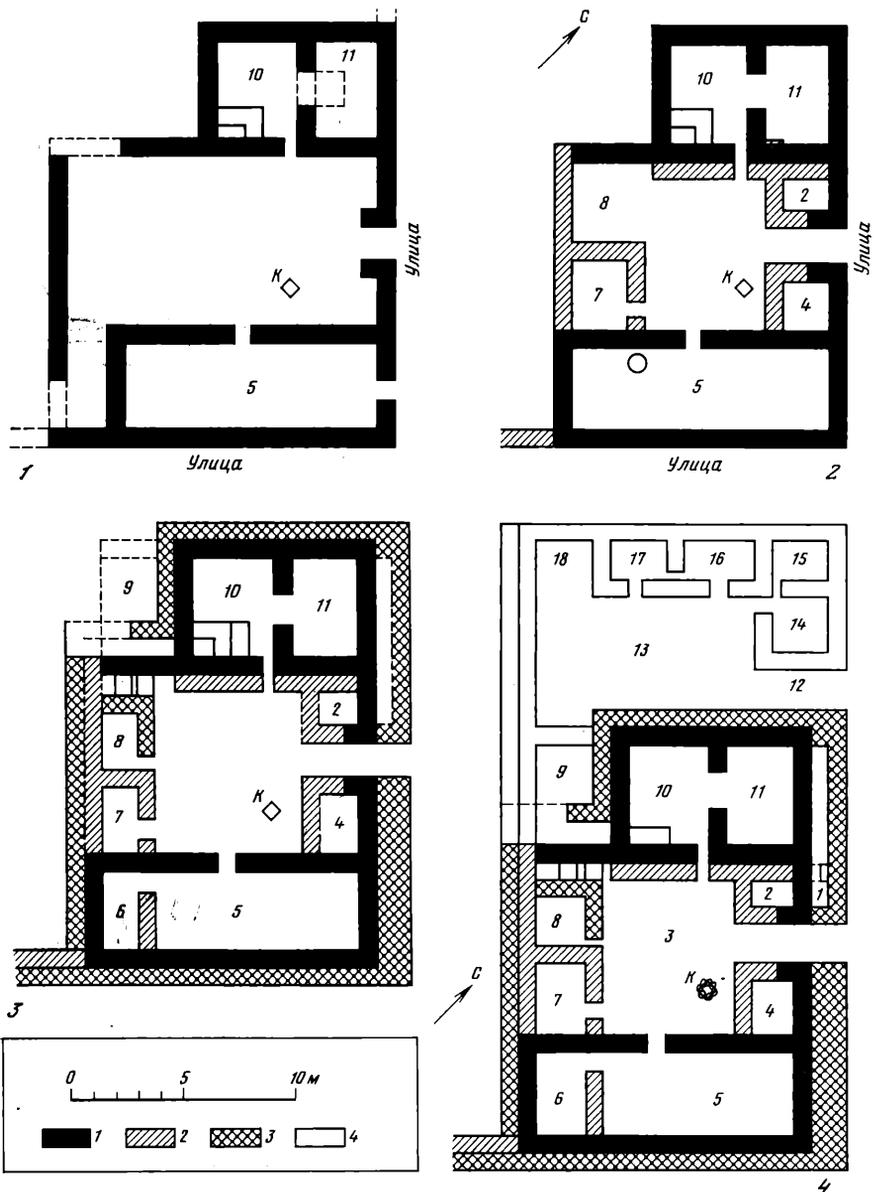

Рис. 2. Планы усадеб надела 10

1 — первого строительного периода; 2 — второго периода; 3 — третьего периода; 4 — четвертого периода

стены которой отличаются монументальностью каменных блоков, хорошо обработанных и хорошо пригнанных друг к другу.

Можно предполагать, что в первый период башня являлась жилищем, состоявшим из двух помещений в нижнем этаже (рис. 2, 1) и, вероятно, стольких же во втором. Первоначальную высоту башни и количество этажей установить затруднительно. Наличие каменных ступенек монументальной лестницы, находившейся в южном углу юго-западного помещения, позволяет предполагать наличие в башне не менее двух этажей. Наружные стены башни имели толщину 0,72—0,76 м, тогда как толщина внутренней стенки, делившей здание на две части и сложенной впереплет с наружными стенами, не превышала 0,52—0,56 м. Площадь юго-западного помещения 10 составляла 17,56 кв. м, его пол был вымощен каменными

плитами, частично лежавшими на выровненной материковой скале, частично на глине. Из этого помещения дверной проем вел в северо-восточное помещение 11 площадью 14,6 кв. м., углубленное в скалу на 1,25 м. Его полом тоже являлась подтесанная скала. В северном углу была обнаружена яма для пифоса (0,56 × 0,66 м). От дверного проема в глубь помещения вела лесенка из двух ступенек, высота каждой из которых равнялась 0,44 м, между верхней ступенькой и порогом дверного проема еще 0,30 м. При зачистке пола подвального помещения 11 была найдена херсонесская монета — дихалк 300—290 гг. до н. э.⁶ и ручка чернолакового канфара с налепом в виде головы Сатира. Эти находки могут датировать помещение и определяют время, после которого подвал был засыпан и сооружен второй пол на уровне поверхности верхней ступеньки.

Башня не стояла одиноко, а была частью сельскохозяйственной усадьбы, включавшей, кроме башни-дома, еще большой хозяйственный двор, в юго-восточной части которого находилась большая хозяйственная постройка 5, имевшая самостоятельный вход с улицы и еще один со двора. Эта изолированная постройка (12 × 4 м) могла служить и винодельней, и амбаром, и хлевом. Во II в. до н. э. там бесспорно была винодельня, о чем свидетельствует наличие каменной гири для прессы. В первый строительный период там стояли пифосы, возможно предназначенные для хранения вина. Двор вместе с помещением 5 имел форму правильного прямоугольника 12,55 × 14,65 м. С северо-востока к нему примыкала юго-восточная стена башни. Башня стояла, таким образом, в северном углу двора и выступала за его пределы. Вход во двор находился с северо-восточной стороны. Он был оформлен небольшими пилонами, выступавшими внутрь двора, сооруженными одновременно с оградой двора и сложенными с нею впереплет.

Во дворе находился квадратный в плане (0,7 × 0,7 м) колодец глубиной 14,2 м. В верхней части его стенки были выложены прекрасно обработанными каменными квадрами, полсложенными в технике «ложем и тычком». Сохранилось семь рядов кладки, а ниже стенками колодца являлась скала, в которой он был вырублен. В колодце была пресная вода, но до дна колодец дочистить не удалось из-за угрожающего состояния его стенок. Непосредственно над обкладкой колодца найдены обломки гераклейских, фасосских и боспорских амфор, головка терракотовой статуэтки (рис. 3, 3) и обломки чернолаковых и простых гончарных сосудов.

Усадьба первого строительного горизонта находит себе аналогию среди сельских усадеб Средиземноморья⁷, а также среди усадеб на Маячном полуострове в так называемом «Старом» или «Страбоновом» Херсонесе⁸. По-видимому, в первоначальном виде усадьба существовала недолго, вскоре она была перестроена.

Второй строительный период (рис. 2, 2). Был сильно уменьшен двор усадьбы. Юго-западная стена, являвшаяся первоначально оградой двора, была разобрана и сдвинута к северо-востоку на 1,75 м; внутри ограды, во дворе появились новые помещения.

Вход во двор усадьбы сохранился на прежнем месте, но обрамлявшие его выступы были включены в кладки стен двух новых помещений 2 и 4, расположенных по обе стороны от входа. Эти небольшие помещения, одно из которых (2) имело площадь чуть более 5 кв. м, а второе (4) — более 6 кв. м, были пристроены изнутри к наружной стене. В противоположной стороне двора появилось помещение 7 с площадью 9,52 кв. м, а в западном углу усадьбы — не отгороженное от двора помещение 8, где могли стоять домашние животные. О таком назначении этого помещения как будто говорит наличие каменного водостока, вырубленного в известняковой плите, прорезавшего северо-западную стену на уровне пола. Помещения 7 и 8 примыкали к новой юго-западной стене усадьбы.

Если в первый период хозяйственный двор, площадь которого превышала 120 кв. м., составлял более 1/2 всей внутренней площади усадьбы, то во второй период двор, площадь которого сократилась до 46,1 кв. м, стал занимать менее 1/4 ее, а если учесть всю площадь, занятую усадьбой

Рис. 3. Находки из усадьбы

1 — обломок стенки краснофигурного сосуда; 2 — обломок стенки чернофигурного сосуда; 3 — головка терракотовой статуэтки; 4 — стенка херсонесского расписного кувшина

Рис. 4. Башня

1 — северо-западный панцирь башни; 2 — юго-восточная стена башни

и ее стенами (вместе с башней, равную 236 кв. м), то окажется, что внутренняя площадь двора занимала немногим более 1/5 всей территории усадьбы. Общая площадь жилых и хозяйственных помещений после постройки помещений 2, 4, 7, 8, наоборот, значительно увеличилась и составляла теперь 107,77 кв. м вместо 79,38 кв. м в первом периоде. По-видимому, эта перестройка усадьбы была произведена в первой половине или даже в начале III в. до н. э.

Третий строительный период (рис. 2, 3). Вероятно, во второй половине III в. до н. э. владелец усадьбы принимает меры к укреплению

своего дома. В это время угроза скифского нашествия стала особенно реальной, обстановка в Херсонесе была очень беспокойной⁹. На всей территории Гераклейского полуострова укрепляются башни усадеб, вокруг них возводятся мощные панцири из огромных камней, иногда усадьбы обносятся дополнительными стенами или утолщаются старые стены.

Владелец усадьбы на наделе 10 также сооружает вокруг всех стен усадьбы дополнительный каменный панцирь, толщина которого превосходит первоначальную толщину стен, с трех сторон башни возводятся особенно тщательно выполненный пирамидальный панцирь. Он сохранился с северо-западной и с юго-западной сторон башни. С северо-восточной стороны либо он был разобран в последующее время, либо вместо каменного панциря здесь была сооружена дополнительная стена, вынесенная несколько вперед, а пространство между этой и прежней северо-восточной стенами усадьбы было заполнено землей.

Следует отметить, что «пирамидальный» панцирь усадьбы 10, т. е. расширяющиеся к основанию и сужающиеся кверху дополнительные стены, отличается от обычных для Гераклейского полуострова «пирамидальных» панцирей башен, сложенных из огромных известняковых глыб, скошенных с одной стороны¹⁰. Камни панциря усадьбы 10 различной величины и формы. Крупные уплощенные камни разных очертаний поставлены на ребро, а пространство между ними заложено более мелкими камнями (рис. 4, 1).

В литературе распространено мнение, что «пирамидальные» панцири были предназначены для более успешного сопротивления ударам стенобитных машин. Вместе с тем, возможно, расширение нижних частей стен башни было вызвано необходимостью создать более мощную опору для увеличения высоты башни.

Вероятно, в этот период большое помещение 5 было перегородено, и в его юго-западной части выделилось новое помещение — 6. В западном углу усадьбы была сложена параллельно прежней северо-западной стене новая стенка. Ее основание над полом помещения 8 второго строительного периода. Эта стенка ограничивала лестничную площадку и лесенку, которая вела на второй этаж. От нее сохранились три каменные ступеньки и площадка, забутованная рваными камнями, в отличие от лестничной площадки в южном углу башни, которая была сложена из ровных каменных плит. Возможно, в это же время помещение 8, ранее не отделенное от двора, было отгорожено от него поставленными на ребро очень большими каменными плитами.

Обращает на себя внимание тот факт, что дополнительные укрепления северо-восточной и юго-восточной стен загородили часть улиц, благодаря чему последние стали почти вдвое уже.

Четвертый строительный период (рис. 2, 4). Вероятно, во второй половине II в. до н. э. небольшие размеры усадьбы уже перестали удовлетворять ее хозяина. Может быть, в связи с захватом скифами херсонесских земель в Северо-Западном Крыму, понадобилось несколько расширить сельскохозяйственный комплекс усадьбы, развивать новые отрасли сельскохозяйственного производства. Поэтому к усадьбе, с северо-западной ее стороны, пристроили новый хозяйственный комплекс, состоявший из обширного двора и пяти помещений, расположенных вдоль его северо-западной и северо-восточной сторон. Въезд в эту часть усадьбы также находился с северо-восточной стороны: во двор попадали через узкий, менее 2 м ширины, проезд 12 вдоль панциря башни. Башня теперь оказалась почти в центре усадьбы, между двумя дворами 3 и 13 (рис. 5, 1). Неясно, как соединялась вновь пристроенная половина усадьбы со старой. Вероятно, чтобы пройти из одной половины усадьбы в другую, надо было подняться по лесенке около помещения 8 и пройти над помещением 9 либо пройти через него. Повреждения времени Великой Стечественной войны не позволяют выяснить планировки этого угла усадьбы во втором и в третьем строительных периодах.

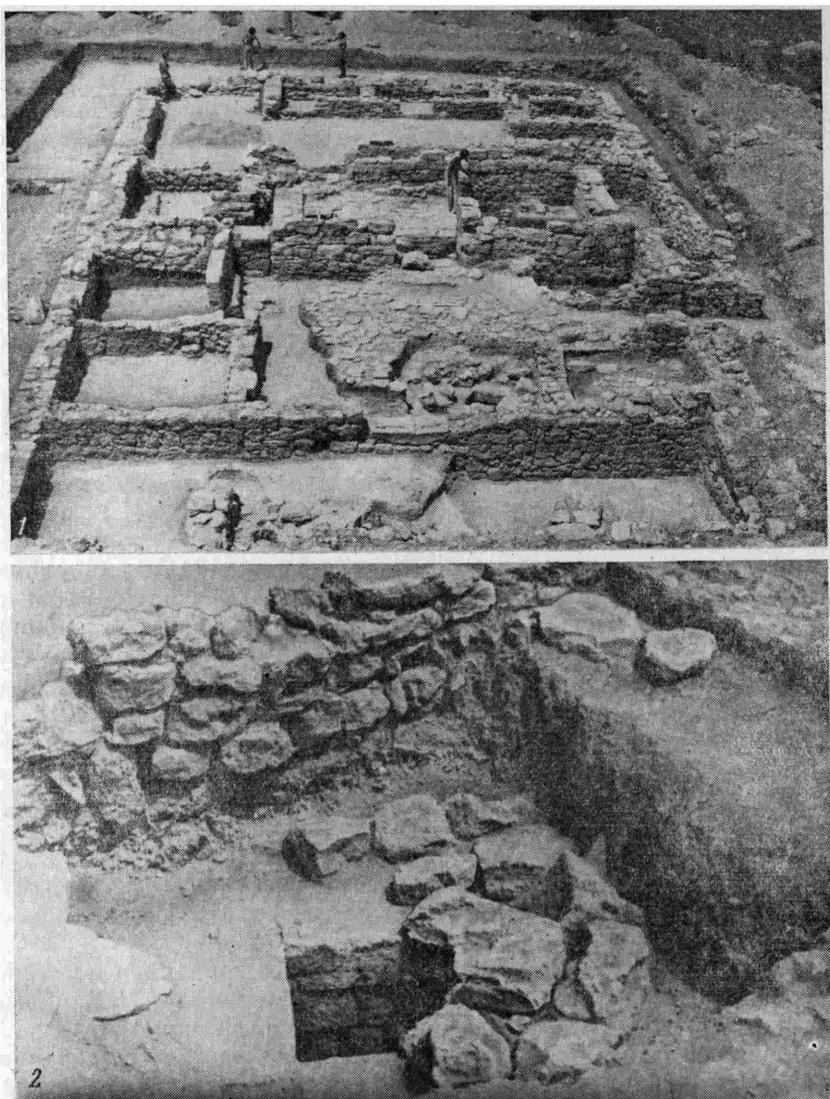

Рис. 5. Усадьба

1 — общий вид усадьбы с юго-запада; 2 — уголок двора с колодезем. Сзади стена 9

Юго-западная стена усадьбы в четвертый период достигла длины 29,6 м. Стена строго продолжала линию прежней границы усадьбы. Противоположная северо-восточная стена новой усадьбы была несколько сдвинута к северо-востоку и продолжала линию внешнего панциря, сооруженного в третий строительный период. Общая площадь, занятая теперь зданием усадьбы, достигала 488,4 м (29,6 × 16,5 м), а площадь двух дворов равнялась 102,925 кв. м (двор 3—6,5 × 7,4 м, двор 13—10,75 × 5,10 м). Таким образом, хозяйственные дворы вновь стали занимать примерно 1/5 часть всей площади усадьбы.

Вновь пристроенные помещения 14—17 были небольшими, площадью от 5,4 до 8,4 кв. м. Помещение 18 в западном углу усадьбы, ограниченное стенами только с трех сторон, имело, по-видимому, то же назначение, что и помещение 8 в западном углу усадьбы второго строительного периода. Возможно, это было крытое стойло для лошадей. Поскольку самое крупное из помещений 5 являлось винодельней, можно предположить, что с производством или хранением вина было связано и смежное с ним помещение 6. Во вновь пристроенной части усадьбы таких больших по

площади помещений нет. Можно думать, что новая половина усадьбы была предназначена главным образом для скота. Не исключено, что наряду с виноградарством и виноделием в близко расположенных к городу хозяйствах все большую роль стали играть другие отрасли сельскохозяйственного производства, в том числе животноводство, птицеводство и огородничество.

Особый интерес представляет самое маленькое помещение 1, пристроенное с правой стороны от раннего входа в усадьбу между дополнительной стеной, усиливавшей северо-восточную стену башни, и первоначальной стеной помещения 2. Это помещение возникло в самый поздний период существования усадьбы, оно расположено над вымосткой улицы. Первоначально мы предполагали, что это было помещение привратника, но четко оформленного входа в него найти не удалось, и вопрос о его назначении остается нерешенным.

Ярко выраженное хозяйственное назначение в последний период жизни усадьбы имело помещение 8. Там было найдено особенно много обломков — пифосов и амфор. В одном из раздавленных пифосов обнаружены обуглившиеся зерна ячменя и арбуза.

В этот четвертый период происходит и перестройка внутренних помещений башни. Полуподвальное помещение 11 засыпается до уровня поверхности верхней ступеньки лестницы. На этом горизонте, на 0,3 м ниже каменного порога, ведущего в помещение 10, сооружается глинобитный пол. На уровне пола были найдены две неопределимые бронзовые монеты очень плохой сохранности и обломки амфор, среди которых были ручки двух родосских амфор с клеймами. Одно из них с именем эпонимного жреца нечитаемо, другое с именем эргастериарха Ментора и с названием месяца Карнея может быть датировано около 220—150 гг. до н. э.¹¹

В этом же слое были обнаружены обломки херсонесского расписного кувшина с растительным орнаментом, стенка чернолакового сосуда, обломок дна рыбного блюда, покрытого черным лаком, III—II вв. до н. э. с граффити — именем Гераклида¹², которое позволяет предположить, что во II в. до н. э. усадьба принадлежала Гераклиду, и условно назвать ее «усадьбой Гераклида».

В последний период существования усадьбы горловина колодца была обложена плохо обработанными крупными известняковыми камнями разных очертаний. Эти грубо оббитые камни резко дисгармонируют с прекрасно обработанными плитами обкладки колодца, которая начинается ниже горловины. Может быть, первоначальная горловина колодца была керамической в виде верхней половины пифоса либо в форме цилиндра, поэтому кладка из плит не доходила до поверхности вымостки. Керамические устья колодцев были типичны для греческих городов, их изображения встречаются и в росписи греческих ваз. При одной из перестроек усадьбы, когда подняли уровень поверхности двора, керамическое завершение колодца заменили каменной кладкой из уложенных по окружности крупных камней.

Двор 3 был вымощен каменными плитами. В тех местах, где плит не было, двор был прокопан ниже уровня вымостки. Под плитами вымостки найдена керамика III в. до н. э., в том числе верхняя часть херсонесской амфоры с клеймами на обеих ручках. На одной из них клеймо астинома Матродора, сына Лисиппа, которое В. В. Борисова относит к концу II — началу I в. до н. э.¹³, а Б. Ю. Михлин считает возможным датировать второй половиной III в. до н. э. На второй ручке этой амфоры стоит квадратное клеймо с буквами. Ниже уровня вымостки двора найдена головка терракотовой статуэтки тагагрского типа (рис. 3, 3) и обломок стенки краснофигурного большого сосуда второй половины V в. до н. э. (рис. 3, 1) с орнаментальным поясом из меандров и прямоугольников с точками в центре. Этот сосуд, по-видимому, использовался в семье владельцев усадьбы длительное время. Он мог быть привезен из Греции еще первыми переселенцами, основавшими Херсонес, поэтому не может служить основанием для датировки основания усадьбы. Вместе с упомянутыми об-

ломками было найдено много других фрагментов чернолаковых и простых гончарных сосудов, которые могут быть датированы III в. до н. э.

На уровне вымостки дворов последнего периода существования усадьбы было найдено много обломков черепицы, что позволяет говорить о наличии черепичной кровли. Преобладали обломки синопских и херсонесских соленов. Калиптеры были седловидными. Один из них, сохранившийся полностью, имел длину 0,58 м и ширину у верхнего конца 0,14 м, у нижнего — 0,08 м.

Усадьба погибла, по-видимому, в конце II в. до н. э. Она была оставлена обитателями и приходила в запустение постепенно. Все, что можно было вывезти, из нее вывезли: черепицу с кровли, орудия труда, даже каменные тарапаны виноделен, не говоря уже о мелких бытовых и культовых предметах, которые еще можно было использовать.

Время гибели усадьбы совпадает с периодом серьезных потрясений, которые переживал Херсонес не только в связи с передвижениями скифских и сарматских племен, но и в результате глубоких социально-экономических затруднений, характерных для всех античных государств Причерноморья в позднеэллинистическое время. Соседняя усадьба на наделе 9 тоже была разрушена в этот период, и над ее руинами затем, уже в римское время, возводится новая усадьба. На наделе 10 новая усадьба не возникла, но земли продолжали использоваться, о чем свидетельствует новая подпорная стена террасы, возведенная над разрушенной северо-западной стеной усадьбы и над продолжавшей линию этой стены оградой надела. В слое, покрывавшем руины разрушенного здания усадьбы, найдены обломки остродонных амфор первых веков нашей эры.

¹ См. схему расположения наделов и дорог в статье И. Т. Кругликовой «Земельные наделы херсонеситов на Гераклейском полуострове». — КСИА, 1981, вып. 168, с. 11, рис. 1.

² Лисин В. П. Обзор археологических раскопок Херсонеса в 1937 г. — ВДИ, 1939, 2, с. 137 и след.; Стржелецкий С. Ф. Клеры Херсонеса Таврического. — ХС., 1961, VI, с. 142.

³ Кругликова И. Т. Херсонесская экспедиция. — АО 1974 г. М., 1975, с. 302; Она же. Раскопки надела 9 на Гераклейском полуострове. — АО 1980 г. М., 1981, с. 267; Кругликова И. Т., Сапрыкин С. Ю. Гераклейская экспедиция. — АО 1975 г. М., 1976, с. 345.

⁴ Кругликова И. Т. Гераклейская экспедиция. — АО 1976 г. М., 1977, с. 316; Кругликова И. Т., Голенцов А. С. Раскопки надела усадьбы 10 на Гераклейском полуострове. — АО 1978 г. М., 1979, с. 352. В раскопках усадьбы в разные годы принимали участие О. Ю. Грабар, А. С. Голенцов, Е. А. Черкасова и др.

⁵ Стржелецкий С. Ф. Клеры Херсонеса Таврического, с. 59.

⁶ Все монеты определены Т. И. Костромичевой и хранятся, как и все находки, в фондах Государственного Херсонесского музея-заповедника.

⁷ Pecirka J. Homestead Farms in classical and hellenistic Hellas. — In: Problèmes de la terre en Grèce ancienne. Paris, 1973, p. 124, N 2, 3, 12.

⁸ Стржелецкий С. Ф. Клеры Херсонеса Таврического, с. 173, рис. 6; с. 176, рис. 10.

⁹ См.: Щеглов А. Н. Северо-западный Крым в античную эпоху. Л., 1978, с. 130.

¹⁰ Стржелецкий С. Ф. Клеры Херсонеса Таврического, с. 204, рис. 62; с. 225, рис. 103, с. 226, рис. 105; с. 247, рис. 147.

¹¹ IOSPE, III, № 8028—8030.

¹² См. статью С. Ю. Сапрыкина в настоящем сборнике.

¹³ Борисова В. В. Керамические клейма Херсонеса и классификация херсонесских амфор. — НЭ, 1974, XI, с. 118, № 80, табл. IX, 9, 10.

А. Г. АВДЕЕВ, Б. Г. ПЕТЕРС

КЛЕЙМА НА АМФОРАХ ИЗ ПОСЕЛЕНИЯ У С. МЫСОВОЕ

Городище античного времени у с. Мысовое на севере Керченского полуострова было открыто в 1962 г. Восточно-Крымским отрядом Причерноморской экспедиции ИА АН СССР под руководством И. Т. Кругликовой¹. В 1980 г. раскопки городища продолжила Михайловская экспедиция ИА АН СССР под руководством Б. Г. Петерса².

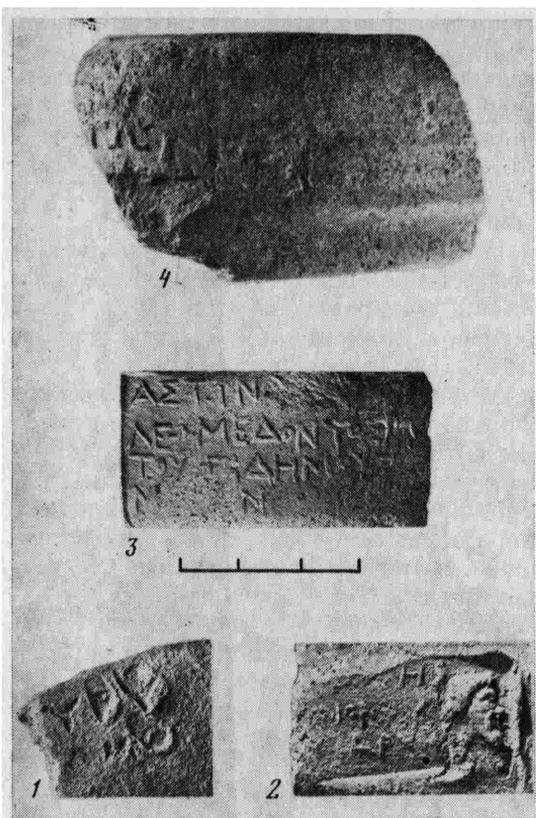

Рис. 1. Амфорные клейма из раскопок античного городища у с. Мысовое

1 — Гераклея Понтийская; 2—3 — Синопа;
4 — Херсонес

За время работ на городище обнаружено 5 амфорных клейм, из них 1 гераклейское, 3 синопских и 1 херсонесское.

Клеймо Гераклеи Понтийской энглифическое, двухстрочное, на горле амфоры, найдено в 1980 г. на раскопе V, квадрате 2, в штые 3, № 1006³ (рис. 1, 1). E] ὑρο[δ]άμο⁴.

И. Б. Брашинский датировал деятельность гераклейского магистрата Евридама временем около 400—370 гг. до н. э.⁵, однако выработанная исследователем хронологическая схема гераклейского клеймения в настоящий момент нуждается в серьезной доработке⁶.

Клеймо с именем Евридама встречено в составе керамического комплекса из ямы близ святилища Кабиров в Нимфее. В. М. Скуднова датирует его началом IV в. до н. э.⁷ С этой датировкой не согласны В. И. Пругло⁸ и Б. А. Василенко⁹, датирующие комплекс по сопутствующему керамическому материалу второй четвертью IV в. до н. э. Эта точка зрения выглядит более аргументированной, так как опирается

на детальный анализ всех компонентов комплекса, и потому для определения времени нашего клейма мы принимаем дату, предложенную В. И. Пругло и Б. А. Василенко, датируя клеймо второй четвертью IV в. до н. э.

Синопа представлена тремя клеймами на ручках амфор

1. Φιλοχρά]της.

'Αστο] νόμου

'Αριστ]άρχου бородастая голова сатира → (рис. 1, 2)

Найдено в 1980 г., р. V, кв. 2, шт. 3, № 1009.

Аналогичное клеймо в IOSPE, III, № 1413¹⁰.

Б. Н. Граков относил деятельность астинома Аристарха к IV хронологической группе.

2. 'Ασ[τωνόμου

'Ικ[εσίου.

Ν[ουμήμιος? правая часть отбита.

Найдено в 1962 г., р. I, кв. 2, шт. 2.

Восстановление клейма, ввиду его плохой сохранности, условно¹¹. По типологическим и палеографическим признакам оно, вероятно, аналогично клейму, опубликованному В. В. Шкорпиллом в 1904 г.¹² Астином Гикесий, имевший эмблемой ибиса, обращенного влево, отнесен Б. Н. Граковым к IV хронологической группе¹³.

Если общая классификация синопских клейм, разработанная Б. Н. Граковым в 1928 г.¹⁴, в целом остается незыблемой, то ни одна из датировок, предложенных последующими исследователями¹⁵, не может считаться окончательно установленной. Накопленный в последние деся-

тилетиа археологический материал говорит о необходимости самого тщательного пересмотра хронологии синопского клеймения ¹⁶.

В частности, клейма III и IV хронологических групп, происходящие из Танаиса, Д. Б. Шелов по условиям их находки датировал III в. до н. э., «может быть даже первой половиной века» ¹⁷. На основании клейм, обнаруженных при раскопках Елизаветовского городища, И. Б. Брашинский предложил датировать IV группу синопских клейм концом первой трети — серединой III в. до н. э. ¹⁸

Таким образом, самая приближительная датировка синопских амфорных клейм IV хронологической группы, происходящих из поселения у с. Мысовое, может быть установлена в пределах первой половины III в. до н. э.

3. Ἀστὺν[όμοιο]
Λεωμὲδόντος
τοῦ Ἐπιδήμοιο.

Μ[εῖνω]ν всадник в варварской одежде с поднятой вверх рукой
→ (рис. 1, 3).

Найдено в 1980 г., р. V, кв. 2, шт. 1, № 1007.

Аналогичное клеймо обнаружено в Пантикапее ¹⁹.

Леомедонт, сын Эпидема — астином VI хронологической группы (по Б. Н. Гракову) ²⁰. Клеймо этого астинома и гончара Протоса найдено в Танаисе, в комплексе, датируемом второй половиной II в. до н. э. ²¹ Учитывая длительность использования амфоры в домашнем хозяйстве (танаисская ручка была найдена на полу жилого дома), деятельность астинома Леомедонта можно датировать серединой II в. до н. э.

В Херсонесе обнаружено одно клеймо.

4. Νά]Υωνο;

ἄστὺν[όμοιο]. С правой стороны хорошо заметен отпечаток ногтя чело-
века, ставившего клеймо.

Найдено в 1962 г., р. 1, кв. 4, шт. 4, № 8 (рис. 1, 4).

Клейма, содержащие имя астинома Нанона, хорошо известны в Северном Причерноморье ²². Р. В. Ахмеров датировал их третьей четвертью III в. до н. э. ²³ В. В. Борисова, основываясь на данных херсонесской нумизматики и лапидарной эпиграфики, считала, что деятельность Нанона проходила в середине и конце III в. до н. э. ²⁴ Б. Я. Михлин относил этого астинома к середине III в. до н. э. ²⁵ Однако можно полагать, что датировка этого клейма, предложенная Р. В. Ахмеровым, ближе всего соответствует истине, и исследования в области херсонесской нумизматики в какой-то мере это подтверждают. В. А. Анохин датирует монеты с изображением головы Геракла влево на лицевой стороне и с Девой и именем ΝΑΝΩΝΟΣ на оборотной 270—260 гг. до н. э. ²⁶ Другую серию монет с изображением головы Девы в точечном ободке вправо на лицевой стороне и бодающего быка и сокращением того же имени на оборотной он относит к 230—220 гг. до н. э. ²⁷ К сожалению, нам точно неизвестна последовательность замещения магистратских должностей в Херсонесе ²⁸, но, вероятно, в данном случае мы можем предположить, что в промежутке между 260—230 гг. до н. э. херсонесит Нанон мог занимать должность астинома.

На территории Боспорского царства находки херсонесских клейм сравнительно редки ²⁹.

Статистика этих находок (см. табл.) показывает, насколько был невелик ввоз херсонесского вина, хотя, конечно, приведенные цифры не могут служить надежным показателем для реконструкции торгового оборота между Херсонесом и Боспором ³⁰. Возможно, основные партии херсонесского вина расходились в портовых городах Боспора, лишь в единичных случаях попадая внутрь страны.

Исключение составляет лишь Елизаветовское городище, где удельный вес херсонесской клейменной тары, по сравнению с другими центрами Боспора, необычно высок — свыше 5%. И. Б. Брашинский объясняет это низким качеством херсонесского вина, из-за чего оно не пользовалось

Таблица

Населенный пункт	Общее кол-во клейм	В том числе херсонесских	% херсонесских клейм к общему числу	Публикация
Феодосия II	419	5	1,2	<i>Юргевич В. Н.</i> Надписи на ручках и обломках амфор и черепиц, найденных в Феодосии в 1894 г. — ЗООИД, 1895, т. XVIII, с. 87—174 *
Герсевка II	133	2	1,5	<i>Кругликова И. Т.</i> Сельское хозяйство Боспора, с. 225, прим. 21; с. 226, табл. 4, № 169.
Тиритака	204	4	1,96	<i>Придик Е. М.</i> Керамические надписи из раскопок Тиритаки и Мирмекия в 1932—1934 гг. — МИА, 1941, № 4, с. 179—185; <i>Штаерман Е. М.</i> Керамические клейма из раскопок Тиритаки и Мирмекия в 1935—1940 гг. — МИА, 1952, № 25, с. 357.
Пантикапей	595	4	0,70	<i>Шелов Д. Б.</i> Клейма на амфорах и на черепицах, найденных при раскопках Пантикапея в 1945—1949 гг. — МИА, 1957, № 56, с. 203.
Мирмекий	1588	26	1,64	<i>Придик Е. Н.</i> Керамические надписи..., с. 186—193; <i>Штаерман Е. М.</i> Керамические клейма..., с. 357; <i>Пругло В. И.</i> Группа фасосских амфорных клейм из Мирмекия, — КСИА, 1969, вып. 116, с. 29.
Мысовое	5	1		
Елизаветинское городище	1000	55	5,53	<i>Брашинский И. Б.</i> Греческий керамический импорт..., с. 34.
Танаис	605	5	0,80	<i>Шелов Д. Б.</i> Керамические клейма из Танаиса..., с. 6.
Фанагория	560	3	0,50	<i>Шелов Д. Б.</i> Керамические клейма из раскопок Фанагории. — МИА, 1956, № 57, с. 128.
Сельские поселения европейского Боспора, крме	351	0	0	<i>Кругликова И. Т.</i> Сельское хозяйство..., с. 226, 227, табл. 4
Героевки II и Мысового				
Итого:	5540	105	1,9	

* С учетом: *Иац В. И.* Уточненный список магистратов, контролировавших керамическое производство в Херсонесе Таврическом. — ВДИ, 1979, № 3, с. 144.

успехом среди греческого населения, но охотно скупалось варварами ³¹. А. Н. Щеглов полагает, что такой высокий процент объясняется внешнеполитическими устремлениями Херсонеса, который старался привлечь на свою сторону варваров, живших в дельте Танаиса ³².

Так или иначе, мимо поселения у с. Мысовое проходил упомянутый Страбонам (VII, 4, 5) морской торговый путь к Танаису, и следовавшие к нему суда могли делать остановку в гавани, находившейся у мыса ³³. Так, на Елизаветинском городище, и в Танаисе найдены клейма, аналогичные нашим ³⁴, либо близкие им по времени ³⁵. Клейма Херсонеса найдены только в приморских пунктах Боспора и в дельте Танаиса.

Публикуемые клейма позволяют пересмотреть прежнюю датировку поселения. Если до раскопок 1980 г. время его существования опреде-

лялось IV—III вв. до н. э.³⁶ или концом V—II в. до н. э.³⁷, то теперь, на основании обнаруженных здесь амфорных клейм, мы можем полагать, что оно существовало с начала IV до второй половины II в. до н. э. Очевидно, III век до н. э. был временем наивысшего хозяйственного подъема поселения. Его запустение, вероятно, в какой-то степени связано с постепенным заиливанием и обмелением Азовского моря вследствие речных наносов. Известно, что во времена Аристотеля по Меотиде с трудом проходили большегрузные суда³⁸, а Полибий (IV, 40, 8) сообщает, что наибольшая глубина в судоходных частях Меотиды достигала 5—7 оргий, т. е. 7,5—10,5 м. Вероятно, имея вследствие этого ограниченную возможность идти до Танаиса коротким путем, морякам приходилось направлять корабли по глубинным частям моря, дабы избежать таким образом неполной загрузки судна; кроме того, движение вдоль южного побережья Азовского моря, имеющего естественные гавани и бухты, гарантировало относительную безопасность плавания.

¹ Петерс В. Г. Раскопки поселения античного времени на полуострове Казантип. — КСИА, 1978, вып. 156, с. 89—93; Кругликова И. Т. Сельское хозяйство Боспора. М., 1975, с. 76, 77.

² Начальник раскопа А. Г. Авдеев.

³ Далее приняты сокращения: раскоп — р., квадрат — кв., штык — шт. и № в полевой описи.

⁴ Аналогичное клеймо см.: Придик Е. М. Инвентарный каталог клейм на амфорных ручках и на горлышках и на черепицах эрмитажного собрания. Пг., 1917, с. 124, № 110.

⁵ Брашинский И. Б. Керамические клейма Гераклеи Понтийской. — НЭ, 1965, т. V, с. 20, 21, 27.

⁶ Пругло В. И. К хронологии энглифических клейм Гераклеи Понтийской. — СА, 1971, № 3, с. 76—90; Василенко Б. А. О характере клеймения гераклейских амфор в первой половине IV в. до н. э. — НЭ, 1974, т. XI, с. 3—28; ср.: Брашинский И. Б. Греческий керамический импорт на Нижнем Дону в V—III вв. до н. э. Л., 1980, с. 38—41.

⁷ Скуднова В. М. Комплекс находок из раскопок святилища в Нимфее. — КСИИМК, 1956, вып. 63, с. 128, 137.

⁸ Пругло В. И. К хронологии..., с. 78, 79.

⁹ Василенко Б. А. О характере..., с. 7, 8.

¹⁰ См. Архив ИА АН СССР, инв. № р.—2, № 7.

¹¹ Первоначально клеймо было ошибочно приписано астиному VI хронологической группы Гикесию, сыну Гестиея (Петерс В. Г. Раскопки поселения..., с. 92, примеч. 5).

¹² Шкорпил В. В. Керамические надписи, приобретенные Керченским музеем древностей в 1901 и 1902 гг. — ИАК, 1904, вып. 11, с. 42, № 130.

¹³ Граков Б. Н. Древнегреческие керамические клейма с именами астиномов. М., 1928, с. 139, № 16, с. 190.

¹⁴ Граков Б. Н. Древнегреческие..., с. 110 и след.

¹⁵ Цехмистренко В. И. Синопские керамические клейма с именами гончарных мастеров. — СА, 1960, № 3, с. 75; Цехмистренко В. И. Клейма как

источник для изучения керамического производства в Синопе в IV—II вв. до н. э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1963, с. 11; Брашинский И. Б. Экономические связи Синопы в IV—II вв. до н. э. — В кн.: Античный город. М., 1963, с. 133; Василенко Б. А. Керамические клейма из античных поселений на побережье Днепровского лимана как источник для изучения торговых связей Северо-Западного Причерноморья с греческим миром: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1972, с. 18.

¹⁶ Пругло В. И. Синопские амфорные клейма из Мирмекия. — КСИА, 1967, вып. 109, с. 45; Василенко Б. А. К вопросу о датировке синопских клейм. — СА, 1971, № 3, с. 245—250; Кругликова И. Т., Виноградов Ю. Г. Клейма Синопы на амфорах из поселения Андреевка Южная. — КСИА, 1973, вып. 133, с. 45; Шелов Д. Б. Керамические клейма из Танаиса III—I вв. до н. э. М., 1975, с. 135—138; Брашинский И. Б. Греческий керамический импорт..., с. 95, 96.

¹⁷ Шелов Д. Б. Керамические клейма..., с. 139.

¹⁸ Брашинский И. Б. Греческий керамический импорт..., с. 96.

¹⁹ Юргевич В. Н. О надписях на 21 ручке амфор и кирпичях, приобретенных хранителем музея от керченского продавца древностей. — ЗООИД, 1898, т. XXI, протоколы, с. 28, № 8.

²⁰ Граков Б. Н. Древнегреческие..., с. 149, № 28, с. 192.

²¹ Шелов Д. Б. Керамические клейма..., с. 142, № 155 и с. 139.

²² В. В. Борисова зарегистрировала 6 вариантов штампов с именем этого астинома (Борисова В. В. Керамические клейма Херсонеса и классификация херсонесских амфор. — НЭ, 1974, т. XI, с. 118, 119, № 82; табл. X, 1, 2).

²³ Азмерова Р. Б. Об астиномных клеймах эллинистического Херсонеса. — ВДИ, 1949, № 4, с. 107, 108, табл. II, 17.

²⁴ Борисова В. Я. Керамические клейма..., с. 118, 119, № 82.

²⁵ Милан Б. Я. К изучению херсонесских керамических клейм. — ВДИ, 1979, № 2, с. 153, табл. II, № 29.

- ²⁶ Анохин В. А. Монетное дело Херсонеса (IV в. до н. э. — XII в. н. э.). Киев, 1977, с. 27, 140, № 93, табл. VI, 93.
- ²⁷ Анохин В. А. Монетное дело..., с. 27, 142, № 124, табл. IX, 124.
- ²⁸ Б. Я. Михлин полагает, что деятельность в качестве астинома предшествовала деятельности в качестве монетария (Михлин Б. Я. К изучению..., с. 139; ср.: Шангин М. А. Некоторые надписи Херсонесского музея. — ВДИ, 1938, № 3, с. 80, № 10, II).
- ²⁹ Брашинский И. Б. Новые данные о греческом импорте на Нижнем Дону: (По материалам Елизаветовского городища и могильника). — КСИА, 1970, вып. 124, с. 14; Кругликова И. Т. Сельское хозяйство Боспора, с. 225; Брашинский И. Б. Греческий керамический импорт на Нижнем Дону. Л., 1980, с. 93, 196 и след.
- ³⁰ Брашинский И. Б. Новые данные..., с. 14, примеч. 12; Он же. Некоторые вопросы исследования импорта товаров в керамической таре в Северном Причерноморье. — КСИА, 1966, вып. 148, с. 11—13; Стандарты родосских амфор. — КСИА, 1978, вып. 156, с. 11, 15, примеч. 4.
- ³¹ Брашинский И. Б. Новые данные..., с. 16.
- ³² Щеглов А. Н. Херсонес и Нижний Дон в IV—III вв. до н. э. — В кн.: Археологические раскопки на Дону. Ростов-н-Д., 1973, с. 29, 30.
- ³³ Петерс Б. Г. Раскопки поселения..., с. 92.
- ³⁴ Брашинский И. Б. Греческий керамический импорт..., с. 158, № 195; с. 197, № 748.
- ³⁵ Шелов Д. Б. Керамические клейма..., с. 142, § 155; Брашинский И. Б. Греческий керамический импорт... с. 188, № 634.
- ³⁶ Петерс Б. Г. Раскопки поселения..., с. 92.
- ³⁷ Кругликова И. Т. Сельское хозяйство Боспора, с. 76.
- ³⁸ Arist. Meteorol., I, 14, 29.

А. С. ГОЛЕНЦОВ

ГРАФФИТИ ИЗ КЕРКИНИТИДЫ

Древнегреческий город Керкинитида, находившийся на территории современного курорта Евпатория, исследовался очень мало¹, и лишь немногие находки из Керкинитиды, хранящиеся в Евпаторийском краеведческом музее, нашли отражение в литературе. В связи с этим особый интерес представляет коллекция граффити из Керкинитиды, состоящая из 27 надписей, процарапанных главным образом на чернолаковых сосудах.

Все граффити можно условно распределить по четырем группам

I группа — посвящения божествам и героям

№ 1. А (рис. 1, 1).

Альфа процарапана на стенке чернолакового рыбного блюда III—II вв. до н. э. (инв. № А—473). Это может быть началом имени Артемиды, что наиболее вероятно для Херсонеса и его округа, но с буквы А начинаются имена и других богов — Афины, Аполлона, а также многие собственные имена. Альфа может являться и сокращением слова *ἀνάθημα* — посвящение².

№ 2. ААР в лигатуре (рис. 1, 2).

Граффито на стенке фасосской амфоры (инв. № А—100). Подобные граффити АР и АРТ с буквами А и Р в лигатуре найдены в Херсонесе³. Лигатуру ААР, по мнению Э. И. Соломоник, можно расшифровать как сокращение имен Аполлона и Артемиды.

№ 3. АПО (рис. 1, 3).

Дно аттического чернолакового скифоса 480—450 гг. до н. э.⁴ (инв. № Е—70/30). На внешней стороне процарапана надпись в две строки.

Большинство исследователей видят в таких аббревиатурах сокращение имени бога Аполлона⁵, хотя возможно и начало теофорного имени. Культ Аполлона был распространен по всему греческому миру и получил широкое распространение в Херсонесе⁶ и на его хоре. На могильнике городища Беляус в Северо-западном Крыму был найден херсонесский кувшин с надписью краской АПОЛ. С зафиксированным в Херсонесе культом Аполлона Ликийского связано граффити на чернолаковой солонке конца IV — начала III в. до н. э. из могилы, раскопанной у городища Кульчук⁷.

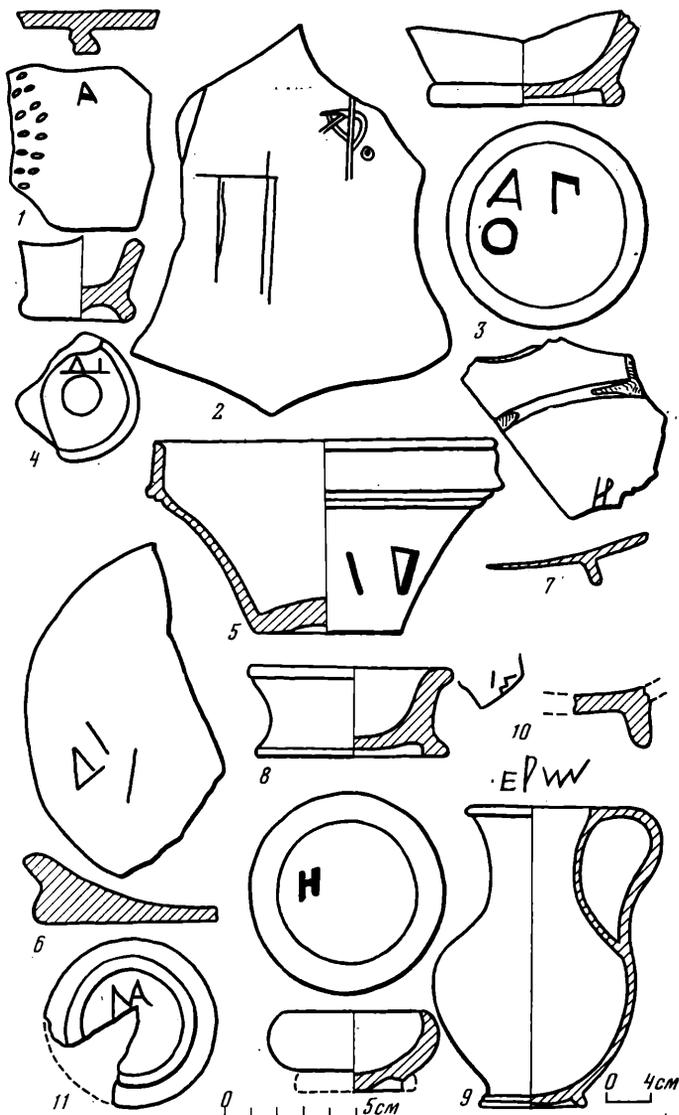

Рис. 1. Граффити из Керкинитиды (1—11)

Интересен тот факт, что 45 сосудов с граффити с посвящениями Аполлону в Херсонесе и на его хоре датируются от середины IV до конца III — начала II в. до н. э.⁸ Поэтому обломок скифоса с граффити из Керкинитиды первой половины V в. до н. э. позволяет предполагать, что культ Аполлона в Керкинитиде возник независимо от Херсонеса и существовал со времени основания города.

№ 4. ΔΙΟ (рис. 1, 4).

Дно чернолакового аттического сосуда, около 320 г. до н. э. (инв. № 2677)⁹. На дне снаружи процарапана надпись в две строки. Буква Ο прочерчена вокруг слегка выпуклого центра. Над Ο процарапаны ΔΙ, подчеркнутые линией¹⁰.

Как в Херсонесе, так и на подвластной ему территории Северо-Западного Крыма широко почитались олимпийские боги. Об этом свидетельствуют многочисленные материалы, в том числе текст гражданской присяги херсонеситов начала III в. до н. э., которая начинается с обращения к Зевсу, Земле, Солнцу, Деве, богам и богиням олимпийским. Культ Зевса отражен, видимо, и в обнаруженных при раскопках Керкинитиды граф-

фити ΔΙ. Вряд ли эти буквы могли быть цифровыми обозначениями, потому что стоят на разных по объему и качеству сосудах. Следует все же оговориться, что сокращение может содержать и начало имени Диониса или, может быть, началом какого-либо теофорного имени.

№ 5. ΔΙ (рис. 1, 5).

На внешней стенке краснолаковой миски второй трети I в. н. э. (инв. № А — 4).

№ 6. ΔΙ (рис. 1, 6).

Фрагмент дна плоскодонного гончарного сосуда (инв. № 1747). Найден на некрополе.

№ 7. ΗΡ в лигатуре (рис. 1, 7).

Монограмма прочерчена на донце открытого чернолакового сосуда (инв. № 1749), глина серая, лак черно-серый. Сосуд херсонесского производства III—II вв. до н. э. Скорее всего — начало имени Геракла. Культ Геракла был широко распространен как в Херсонесе¹¹, так и в Керкинитиде и в других пунктах Северо-Западного Крыма. Из шести рельефов III—II вв. до н. э. с изображением Геракла два происходят из Керкинитиды. Кроме того, на поселении Беляус найден фрагмент крупной терракоты, изображающей Геракла, местной работы II в. до н. э.¹², а на усадьбе у бухты Ветряной — терракотовая палица Геракла III в. до н. э.¹³ На поселении Панское 1 в домашнем святилище рядом с рельефом с изображением стоящего Геракла найден глиняный сосуд с ретроградной надписью ΗΡ в лигатуре, нанесенной красной краской¹⁴.

В Керкинитиде посвящения Гераклу появляются во второй половине IV в. до н. э., очевидно, после включения города в состав Херсонесского государства.

№ 8. Η (рис. 1, 8).

Может быть, с посвящением Гераклу следует связать граффити Η на донце чернолаковой аттической солонки (инв. № А-464) 350—325 гг. до н. э.¹⁵ Э. Р. Штерн усматривал здесь два значения: 'Η(ρα) или 'Η(ρα)λεῖ¹⁶. Э. И. Соломоник и Ю. А. Бабинов допускают, что отдельно стоящая Η может быть посвящением Гере — 'Η(ρα)¹⁷.

№ 9. ΕΡWV может быть: 'Ηρμ(ῆς) (рис. 1, 9).

Одноручный кувшин с граффито на горле (инв. № А-39). Глина темно-серая, плотная, с черными включениями и мельчайшими блестками. Поверхность верхней части кувшина покрыта буровато-серым ангобом, прослеживаются горизонтальные коричневатые полосы. Н. Ф. Романченко считал, что надпись надо читать как «неудачно воспроизведенное имя Гермеса»¹⁸. Е. М. Придик прочитал его как 'ερω, не дав комментариев¹⁹. В IOSPE, III эта надпись вошла в главу «Неизвестных центров» и прочитана Б. Н. Граковым как 'Ιερω²⁰. Граффито с первыми тремя буквами имени Гермеса на доньшке чернолакового килика V в. до н. э. найдено в Нимфее²¹, такие граффиты неоднократно находили в Ольвии²². Нам представляется, что на сосуде могло быть начертано 'Ερμ(ῆς) — (посвящено) Гермесу.

№ 10. ΙΣ (рис. 1, 10).

На внешней стороне фрагмента аттического чернолакового рыбного блюда, вероятно IV в. до н. э. (инв. № А-506), граффито из двух сохранившихся букв ΙΣ. Э. И. Соломоник связывает такую аббревиацию с именем богини Исиды²³. Если так расшифровывать и наше граффито, то оно явится первым свидетельством культа Исиды в Керкинитиде. О существовании там культов египетских богов свидетельствует находка при раскопках некрополя бронзовой статуэтки Осириса²⁴.

№ 11. ΜΑ в лигатуре (рис. 1, 11).

Чернолаковая солонка середины IV в. до н. э. (инв. № 3152). Глина коричневатая, плотная, мелкозернистая. На дне процарапано граффито ΜΑ, которое может читаться как Μά(τηρ). Так обычно называли мать богов Кибелу. Аналогичные граффиты этого же времени найдены в Херсонесе²⁵. Культ Кибелы — хтонической богини, связанной с земледелием, известен в Керкинитиде, по находкам терракотовых статуэток²⁶. Самые ранние из

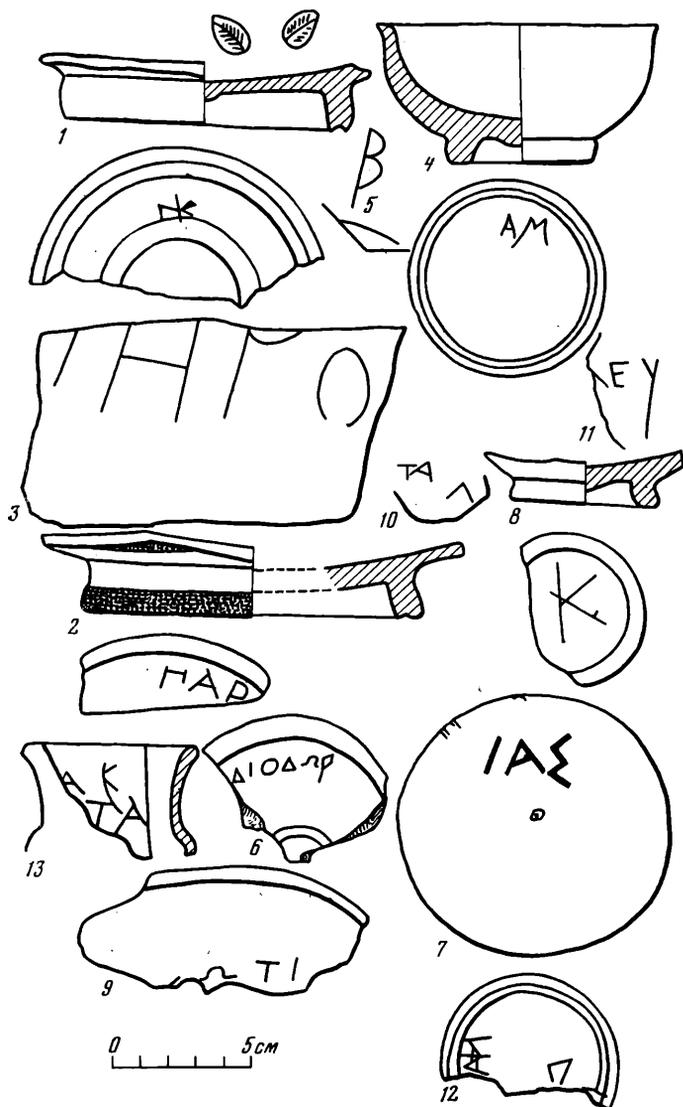

Рис. 2. Граффити из Керкинитиды (1—13)

них датируются второй половиной VI в. до н. э. и считаются продукцией какого-то ионийского центра восточного побережья Малой Азии ²⁷.

№ 12. Монограмма из букв N, I, K = N I K (рис. 2, 1).

На нижней поверхности дна чернолаковой чаши III в. до н. э. (инв. № А-465). Глина темно-серая, с белыми включениями. Лак графитного оттенка, тусклый. На верхней поверхности дна сохранились две штампованные пальметки, на нижней — лаком нанесены две concentрические окружности. Похожая монограмма найдена в Херсонесе, ее толкуют как посвящение Нике ²⁸. Но здесь можно предположить монограмму имени собственного, например Никасагора, засвидетельствованного в херсонесской лапидарной эпиграфике ²⁹.

№ 13. ПАР (далее облом) (рис. 2, 2).

На обломке дна чернолакового рыбного блюда конца IV в. до н. э. (инв. № А-467). Глина коричневая, мелкозернистая, с мелкими черными включениями. Лак черно-бурый, плотный, тусклый с подтеками.

Подобные граффити хорошо известны в Херсонесе ³⁰. Многие исследователи считают это сокращение началом имени богини Παρθένος. Богиня Дева почиталась не только в городе Херсонесе ³¹, но и в его хоре. При раскопках у бухты Ветряной найден фрагмент чернолакового рыб-

ного блюда III в. до н. э. с монограммой, которая состоит из трех букв ПАР³². Следует отметить, что разбираемая аббревиатура и монограммы могли быть также началом теофорных имен собственных, например Παρθένιος, Παρθενοκλής, зафиксированных в Херсонесе³³.

№ 14. — ТНРО — (рис. 2, 3).

На стенке херсонесской амфоры (инв. № А-469). Наиболее вероятно восстановление Σωτήρο(ς) — «спаситель» (Эпиклеса Геракла).

II группа — имена собственные

№ 15. АМ (рис. 2, 4).

На дне чернолаковой чашки середины IV в. до н. э. (инв. № 1892). В Херсонесе известны четыре аналогичных граффити³⁴. Э. Р. Штерн предполагал, что посвящение могло быть написано справа налево, т. е. следует читать: Μά(τηρ) или Μά(μα)³⁵. Однако нам представляется, что граффито АМ следует все же понимать как начало имени. Известна процарапанная на обломке чернолакового сосуда IV в. до н. э. надпись из Херсонеса Амфио | н, (сын) — — Эоха³⁶. В лапидарной эпиграфике Херсонеса IV в. до н. э. засвидетельствовано имя Амфий³⁷.

№ 16. В (рис. 2, 5).

На стенке чернолакового блюда (инв. № А-476). Вероятно, аббревиация имени, начинающегося с буквы В.

№ 17. ΔΙΟΔΩΡ (рис. 2, 6).

На дне чернолакового аттического скифоса второй четверти V в. до н. э.³⁸ (инв. № 2684). В Херсонесе известно граффито на тарелке II в. до н. э. с именем Диодор³⁹. находка из Керкинитиды дает самую раннюю дату появления имени Диодор в Западном Крыму.

№ 18. ΙΑΣ (рис. 2, 7).

На дне чернолакового аттического скифоса около 375 г. до н. э.⁴⁰ (инв. № 2540). Граффито написано на ионийском диалекте, является аббревиатурой мифологического имени Иоасон Ἰάσ(ω). В Херсонесе аналогичных граффити не найдено. В лапидарной эпиграфике имя Иасон встречено один раз и относится к 120—140 гг. н. э.⁴¹

Граффито ΙΑΣ на сосуде первой четверти IV в. до н. э. позволяет сделать вывод, что до середины IV в. до н. э., т. е. до предполагаемого времени вхождения Керкинитиды в состав Херсонесского государства, в городе бывал ионийский диалект. Может быть, этот факт указывает на основание города ионянами.

№ 19. Κ (рис. 2, 8).

На дне чернолаковой чашки с кольцевым поддоном III в. до н. э. (инв. № А-489). Может быть началом имени владельца.

№ 20. ΛΕ.

На дне сероглиняной чашки (инв. № 899). Возможно, начало имени.

№ 21. ΣΩΤΙ (рис. 2, 9).

На наружной стороне обломка чернолакового рыбного блюда херсонесского производства конца IV — начала III в. до н. э. (инв. № А-466). От ситмы сохранилась лишь верхняя часть. После лоты облом. Можно восстанавливать имя Σώτι(μος). Это имя иранского происхождения встречено в херсонесском граффито на дне чернолакового открытого сосуда конца IV в. до н. э. и в надписи на надгробии⁴². Однако не исключено и другое имя.

№ 22. ΤΑ (в монограмме), Λ (рис. 2, 10).

На дне чернолакового сосуда (инв. № 2693) буквы Т и А начертаны в виде монограммы, отдельно процарапана Λ. Возможно несколько восстановлений. Диаметр дна сосуда был небольшим, и надпись крупными буквами сохранилась полностью. С букв ТА начинается много имен. Имя Та известно среди малоазийских имен⁴³. Чтение справа налево даст ΛΑΤ. Э. И. Соломоник считает, что граффити Λ, ΛΑ, ΛΑΤ можно расшифровывать как посвящение матери Артемиды и Аполлона Латоне⁴⁴. Можно предположить, что Та — имя посвятителю, а Λ — аббревиатура имени богини Латоны.

№ 23 (облом). ΛΕΥ (рис. 2, 11).

На дне чернолакового открытого сосуда (инв. № 2684). Возможные восстановления: аббревиатура имени, начинающегося с ΛΕΥ; конец имени типа Εὐκ]λεῦ(ς).

III группа — цифровые метки

№ 24. ΔΔΔΙΙΙΙ

На поверхности валикообразного венца гераклейского пифоса (инв. № А—420)⁴⁵. Высота букв 5,6 см, ширина дельты 6 см. По акрофонической системе написано число 35. Аналогичный обломок венца гераклейского пифоса с граффито ΔΔΔΙ (облом) = 31, найденный в Херсонесе, опубликовала Г. Н. Николаенко⁴⁶. Таким образом, речь может идти о ввозе из Гераклеи товара в стандартной таре одновременно в Херсонес и Керкинитиду.

№ 25. Δ = 10.

На обломке чернолакового рыбного блюда (инв. № А—487). По акрофонической системе Δ означает цифру 10. Возможна, впрочем, также и аббревиация имени.

IV группа — неопределенные граффити

№ 26. Монограмма и Δ (рис. 2, 12).

На фрагменте дна чернолакового открытого сосуда (килика?) аттического производства (инв. № А—463). Э. И. Соломоник исследовала группу граффити, в которой сочетаются цифры с посвящениями богам или аббревиацией имен. По ее мнению, цифры обозначали сумму денег, приносимых в дар богу⁴⁷. Наша монограмма, вероятнее всего, состоит из трех букв Μ, Α, Τ, которые могут быть аббревиацией имени богини Μάτρηρ — «Кибеле». Таким образом, граффити можно расшифровать как «(подношение) Кибеле — 10».

№ 27. — — ΑΚ — — — — ΤΑ — — (рис. 2, 13).

На фрагменте венчика чернолакового канфара (инв. № 2540) сохранились четыре буквы от двухстрочной надписи, которую прочесть невозможно.

Граффити из Керкинитиды имеют большое значение как источник для изучения духовной жизни жителей города. В совокупности с другими находками (рельефами и терракотами) граффити позволяют определить основные культы, которые были распространены в Керкинитиде: Кибелы, Деметры, Афродиты, Геракла. Только благодаря граффити можно говорить о наличии среди жителей Керкинитиды поклоняющихся Зевсу, Деве, Аполлону, Артемиде и Латоне, Гермесу, Нике.

При изучении имен собственных в граффити из Керкинитиды в сравнении с просопографией Херсонеса интересен факт написания имен в V — первой половине IV в. до н. э. на ионийском диалекте. В Херсонесе подобная практика неизвестна. Однако начиная со второй половины IV в. до н. э. имена, а также графика монограмм и аббревиатур Керкинитиды и Херсонеса начинают совпадать (например, редкое имя Сотим). Эти факты позволили высказать предположение, что Керкинитида была основана ионийскими колонистами, и косвенно подтвердить существующую в литературе точку зрения о том, что город вошел в состав Херсонесского государства во второй половине IV в. до н. э.

¹ О раскопках на территории города см.: Романченко Н. Ф. К вопросу о древнем поселении вблизи Евпатории. — АИЗ, 1894, I, с. 9—15; *Она же*. Раскопки в окрестностях Евпатории. — ИАК, 1907, 25; Моисеев Л. А. Херсонес Таврический и раскопки 1917 г. в Евпатории. — ИТУАК, 1918, 54, с. 251 и след.; Наливкина М. А. Основные итоги работ Евпаторийского отряда. — КСИИМК, 1952, XLV, с. 114—118;

Она же. Раскопки в Евпатории. — КСИИМК, 1953, 51, с. 128—131; *Она же*. Раскопки в Евпатории: Предварительные итоги. — КСИИМК, 1955, 58, с. 63—72; *Она же*. Раскопки Керкинитиды и Калос Лимена (1948—1952). — ИАДК, Киев, 1957, с. 264—281.

² Граффити античного Херсонеса. Киев, 1978, с. 8 (Далее: ГАХ).

³ Соломоник Э. И. О культе Артемиды

- в Херсонесе.— АИУ, 1967. Киев, 1968, с. 156.
- ⁴ *Sparkes B. A., Tallkot L.* The Athenian Agora, XII. Princeton; New-Jersey, 1970, п. 361. (Далее: *Agora*).
 - ⁵ *Штерн Э. Р.* Граффити на античных южнорусских сосудах. — ЗООИД, 1897, XX, с. 173; *Толстой И. И.* Греческие граффити древних городов Северного Причерноморья. М.; Л., 1953, № 33, с. 169.
 - ⁶ *Бабинов Ю. А.* Посвятительные граффити из Херсонеса Таврического.— ВДИ, 1970, № 4, с. 75, 76.
 - ⁷ *Дашевская О. Д.* Первые исследования Кульчукского некрополя.— СА, 1978, № 3, с. 209.
 - ⁸ ГАХ, № 242—287.
 - ⁹ *Agora*, N 353.
 - ¹⁰ См.: ГАХ, № 611. На дне чернолакового канфара конца IV в. до н. э. процарапаны буквы ΔΙ с черточкой под ними.
 - ¹¹ *Наливкина М. А.* О некоторых памятниках античной эпохи Северо-Западного Крыма.— СА, 1940, VI, с. 107—118; *Щеглов А. Н.* Подвиги Геракла (по памятникам Херсонеса Таврического). Л., 1964; *Кобылина М. М.* Глиняный торс Геракла из Херсонеса.— В кн.: Культура античного мира. М., 1966, с. 94; *Сапрыкин С. Ю.* О культуре Геракла в Херсонесе и Геракле в эпоху эллинизма.— СА, 1978, № 1, с. 38 и след.
 - ¹² *Дашевская О. Д.* Античная башня на городище Беляус.— КСИА, 1969, 116, с. 91.
 - ¹³ *Щеглов А. Н.* Исследование сельской округи Калос Лимена.— СА, 1967, № 3, с. 254, рис. 16.
 - ¹⁴ *Щеглов А. Н.* Северо-Западный Крым в античную эпоху. Л., 1978, с. 82.
 - ¹⁵ *Agora*, N 937.
 - ¹⁶ *Штерн Э. Р.* Граффити..., с. 173.
 - ¹⁷ *Бабинов Ю. А.* Посвятительные граффити..., с. 78; *Соломоник Э. И.* Некоторые группы граффити из античного Херсонеса.— ВДИ, 1976, № 3, с. 131.
 - ¹⁸ *Романченко Н. Ф.* Раскопки в окрестностях Евпатории, с. 178; ОАК за 1896 г., с. 71, рис. 314.
 - ¹⁹ *Придик Е. М.* Инвентарный каталог клеем на амфорных ручках, горлышках и на черепицах Эрмитажного собрания. Пг., 1917, с. 124, № 99.
 - ²⁰ IOSPE, III, N 1752.
 - ²¹ *Толстой И. И.* Греческие граффити древних городов Северного Причерноморья. М.; Л., 1953, с. 716, № 113.
 - ²² *Руслева А. С.* Земледельческие культы Ольвии дагетского времени. Киев, 1979, с. 119, рис. 61.
 - ²³ *Соломоник Э. И.* Некоторые группы граффити..., с. 136 и след., рис. 13.
 - ²⁴ *Пиотровский Б. Б.* Древнеегипетские предметы, найденные на территории СССР.— СА, 1958, № 1, с. 22, 26, рис. 3.
 - ²⁵ ГАХ, № 1179—1197.
 - ²⁶ *Наливкина М. А.* Статуэтки из Керкинитиды.— В кн.: Терракоты Северного Причерноморья.— САИ, ГІ—ІІ, 1970, с. 67; табл. 3, 2, 3.
 - ²⁷ *Пругло В. И.* Терракоты из городов и поселений Боспора как исторический источник: Дис. ... канд. ист. наук.— Архив ИА АН СССР, P—2, № 2145, с. 43.
 - ²⁸ ГАХ, № 1297, табл. ХХІ.
 - ²⁹ Новые эпиграфические памятники Херсонеса. Киев, 1964, т. I, № 74. (Далее: НЭПХ).
 - ³⁰ ГАХ, № 1372—1379.
 - ³¹ *Штерн Э. Р.* Граффити..., с. 176; *Бергье-Деллагард А. Л.* Значение монограммы на монетах Херсонеса. СПб., 1906, с. 11; *Бабинов Ю. А.* Посвятительные граффити..., с. 74; ГАХ, с. 6.
 - ³² *Щеглов А. Н.* Исследование сельской округи Калос Лимена, с. 254, рис. 15.
 - ³³ НЭПХ, № 111, 112, 113.
 - ³⁴ ГАХ, № 211—214.
 - ³⁵ *Штерн Э. Р.* Граффити..., с. 196, № 142.
 - ³⁶ ГАХ, № 215.
 - ³⁷ НЭПХ, № 166.
 - ³⁸ *Agora*, N 342.
 - ³⁹ ГАХ, № 623.
 - ⁴⁰ *Agora*, N 605.
 - ⁴¹ *Латышев В. В.* Эпиграфические новости из Южной России.— ИАК, 1918, 65, с. 9—11; НЭПХ, № 111.
 - ⁴² ГАХ, № 1540; НЭПХ, № 164.
 - ⁴³ *Zgusta L.* Kleinasiatische Personennamen. Prag, 1964, § 1491—1.
 - ⁴⁴ *Соломоник Э. И.* О культуре Артемиды в Херсонесе, с. 155—157.
 - ⁴⁵ Восстановлено по описи Л. А. Моисеева, хранящейся в Евпаторийском музее.
 - ⁴⁶ *Николаенко Г. М.* Метки на античных пифосах.— В кн.: Херсонес Таврический: Ремесло и культура. Киев, 1974, с. 27, рис. 1, 14.
 - ⁴⁷ *Соломоник Э. И.* Некоторые группы граффити..., с. 138.

ГРАФФИТИ И МЕТКИ НА СОСУДАХ ИЗ ХЕРСОНЕССКИХ УСАДЕБ

Из раскопок усадеб на наделах 9, 10, 86 херсонесской хоры Гераклеяской экспедицией ИА АН СССР в 1974—1981 гг. происходит шесть фрагментов чернолаковых сосудов с граффити и три обломка венчиков пифосов с цифровыми метками. Являясь обычным массовым материалом, они представляют известный интерес как памятники, дополняющие общий свод херсонесских граффити на чернолаковой посуде¹ и собранный Г. М. Николаенко материал о метках на пифосах из раскопок Херсонеса и хоры². Некоторые из них могут служить источником для изучения древней метрологии и денежного обращения в Херсонесе в эллинистический период.

I. Усадьба надела 9 близ Камышовой бухты. Большой фрагмент чернолаковой миски с граффито. По форме миску можно датировать второй половиной IV — началом III в. до н. э.³ Граффито процарапано в нижней части тулова у кольцевого поддона. Прямо по надписи проходит скол ΝΔΑΡΑΣ — υδάρας (рис. 1, 1).

Из раскопок К. К. Косцюшко-Валюжинича в центральной части Херсонеса в 1899 и 1904 гг. происходят два граффити, одно из которых И. И. Толстой восстановил как *νάρδας* (*νάρδος*), т. е. нард или (благовонной) нардовое масло⁴. В литературных источниках это слово засвидетельствовано с окончанием -ος⁵, флексия -ας, по мнению И. И. Толстого, появилась вследствие ассимиляции гласного О первым ударным слогом -вар. Такое чтение принимают в общем и авторы (ГАХ, № 1264), но, добавляя к нему фрагмент из раскопок 1904 г. (ГАХ, № 1265), не исключают возможности видеть в слове и личное имя. По нашему мнению, чтение И. И. Толстого предпочтительнее. Граффито с усадьбы надела 9, по всей вероятности, также означает «нард, нардовое масло». Миска могла быть крышкой сосуда с этим маслом, поэтому надпись нанесена в расчете, что миска будет лежать дном вверх. Однако владелец масла процарапал слово с ошибкой, поставив δ в начале, так как перепутал α первого слога со вторым. Если предположение верно, то это третий случай употребления такого названия в Херсонесе, что должно свидетельствовать о широком применении этого вещества гражданами города.

II. Усадьба надела 10. Фрагмент чернолакового рыбного блюда второй половины IV — начала III в. до н. э. С внутренней стороны четкое граффито Γ'Ηρ]ακλειδα, т. е. (блюдо, миска) Гераклида (рис 1, 2). Подобные граффити, как и обозначение имени владельца сосуда в gen. dogic. широко распространены в Херсонесе (ср. ГАХ, № 886, 887). Теофорное имя Гераклид засвидетельствовано надписями и амфорными клеймами⁶. Особенно часто оно встречается в гераклеяских и фасосских клеймах, что позволяет предполагать его заимствование из метрополии. До сих пор на граффити из Херсонеса оно не было известно с дифтонгом -ει, а лишь в формах ΠΡΑΚΛΙΔΑ, ΠΡΑΚΛΕΔΑ. Двойное написание этого имени характерно также для клейм Фасоса и Гераклеи Понтийской⁷. Это было результатом сохранения архаичной формы написания и влияния койнэ.

III. Усадьба надела 86. Фрагмент чернолакового блюда. Внизу тулова у кольцевого поддона лигатура ΗΡ (рис. 1, 3), что можно рассматривать как начало имени божества (Гера, Геракл) или теофорного имени (Гераклид, Героксен и т. п.). Аналогичные граффити широко известны в Херсонесе (ср. ГАХ, № 824—885) и других городах.

IV. Усадьба надела 9. Большой фрагмент рыбного блюда, покрытого плохим черным лаком, III в. до н. э. Внутри кольцевого поддона начертана сигма (рис. 1, 6), которую можно принять за начало имени владельца сосуда (ср. ГАХ, № 1471—1482).

V. Усадьба надела 10. Край донца сосуда, конца IV—III в. до н. э.

Рис. 1. Граффити на чернолаковых сосудах

1 — из усадьбы 9; 2 — из усадьбы 10; 3 — из усадьбы 10; 4 — из усадьбы 86; 5 — из усадьбы 9; 6 — из усадьбы 9

Граффито **ΝΟΦ**. По букве **Φ** проходит линия скола (рис. 1, 4). В Херсонесе личных имен с таким начальным слогом не известно. Это может быть **νοφ[αίων]** — производное от прилагательного **ἀφανής** (**ἀφανής**), засвидетельствованное в глоссе Гесихия (Hesych. s. v.). Прилагательное означает «невидимый, незримый, тайный, спрятанный». Литературно засвидетельствованная форма этого слова пишется через **-ω(νοφαίων)**, однако в граффити и клеймах нередко омикрон заменяет омегу (и наоборот), при этом с утерей долготы гласного. Например, на одном посвящении из Ольвии мы находим **[Δι:]ωνύσω[ι]** вместо обычного **Διονύσωι**, а на двух других ольвийских граффити женское имя **Μῆτρο** (или **Μητρό**) вместо **Μητρού**⁸. В фасосских амфорных клеймах нередко встречается **Θάσιον** вместо **Θασίων**, а также замена омикрона омегой в имени **Νικόστρατος** — **Νικόστρατος**, происшедшая не без влияния развитого койнэ⁹. И в нашем граффито возможно сохранение более ранней орфографии или утеря долготы гласного звука. Не исключено, что это слово на сосуде означало какую-то магическую формулу либо относилось к содержимому, «спрятанному» внутри.

VI. Усадьба надела 9. Край рыбного блюда III в. до н. э. (рис. 1, 5). Процарапаны знаки **|-|||** — **AN**, что означает «3 драхмы, 1 обол **AN**». Последнее сокращение засвидетельствовано среди граффити из Херсонеса неоднократно (ГАХ, № 216—235); авторы каталога замечают, что такие аббревиатуры могут означать имя (Андрон, Андрион, Андрит, Антиох

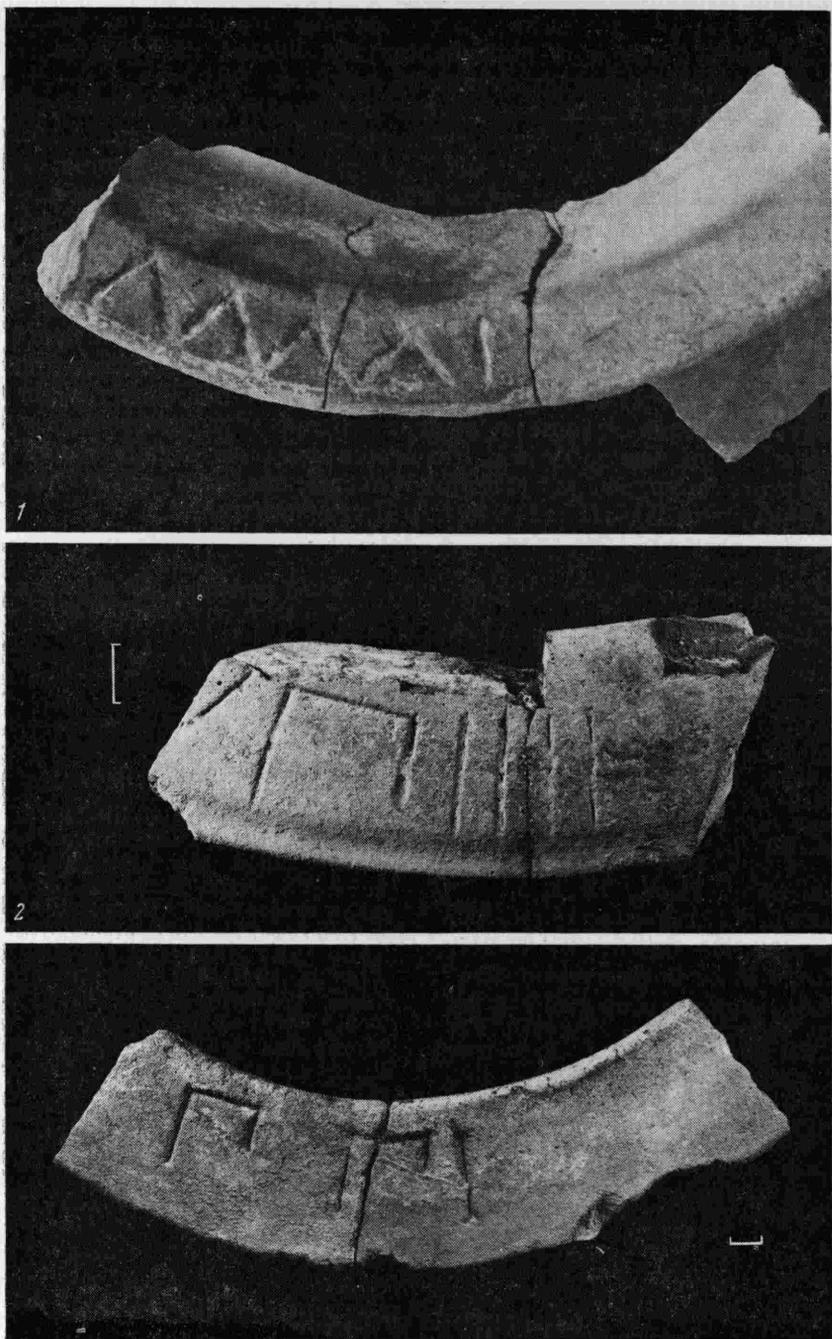

Рис. 2. Метки на пифосах из усадьбы 9 (1—3)

и т. п.) или слово $\acute{\alpha}\nu(\acute{\alpha}\theta\eta\mu\alpha)$ —«посвящение» (возможно, —также $\acute{\alpha}\nu(\acute{\epsilon}\theta\eta\kappa\epsilon\nu)$ — «посвятил»). Последнее кажется более вероятным, поэтому мы расшифровываем граффито как «посвятил три драхмы и обол». К сожалению, нельзя сказать, какому божеству сделали такое подношение. Не исключено, что теоним был вначале и не сохранился из-за скола. Горизонтальная черта означает знак оболы, так как на аттических, южноиталийских и других сосудах с перечнем цен подобные знаки встречаются повсеместно¹⁰. В обнаруженном в 1979 г. на усадьбе № 86 письме на фрагменте черепицы, которому мы намерены посвятить особую статью, также засвидетельствован такой знак.

Знак драхмы — встречен в Херсонесе на чернолаковом фрагменте (ГАХ, № 548), а также в вышеупомянутом письме из усадьбы № 86. Известен он и по материалам Афинской агоры¹¹.

Разбираемые ниже метки на пифосах происходят из раскопок усадьбы на наделе 9: а) край пифоса гераклейского производства, метка $\Delta\Delta\Delta\Delta\Gamma = 41$; (рис. 2, 1); б) край пифоса херсонесского производства, метка $\diagup\Gamma\|\|\|$. Слева, может быть, часть перевернутой Δ , уходящая в облом (рис. 2, 2). Тогда последние четыре знака должны означать ...9, что является, конечно, окончанием более крупной цифры (может быть, 49?); в) край пифоса херсонесского производства, метка $\lceil\Gamma\rceil = 56$ (рис. 2, 3). Метки на пифосах усадьбы 9 совпадают в целом по характеру с теми, которые собрала Г. М. Николаенко, справедливо усматривающая в них обозначение меры объема. По ее расчетам, цифры означают количество амфор синопского производства, вмещавшихся в пифос¹². Поскольку публикуемые цифры примерно соответствуют мерам объема других пифосов из Херсонеса и его хоры, можно думать, что херсонесцы определяли емкость этой крупной тары по количеству амфор из Синопы; наиболее ходовой керамической продукции III—II вв. до н. э. в Причерноморье.

¹ Граффити античного Херсонеса. Киев, 1978. (Далее: ГАХ).

² Николаенко Г. М. Метки на античных пифосах. — В кн.: Херсонес Таврический: Ремесло и культура. Киев, 1974, с. 25—29.

³ Аполония. Разкопките в некропола на Аполония през 1947—1949 гг. София, 1963, 217, № 542.

⁴ Толстой И. И. Греческие граффити древних городов Северного Причерноморья. М; Л., 1953, с. 58, 59, № 82; ГАХ, № 1264, 1265.

⁵ *Theophr. Hist. Plant.*, IX, 7, 2.

⁶ Ср. IOSPE, 1², № 342—344 и др.; НЭПХ, 1, № 19, 43; НЭПХ, II, № 112; Василенко Б. А. О характере клеймения гераклейских амфор в первой половине IV в. до н. э. — НЭ, 1974, XI, с. 22, 23; Виноградов Ю. Г. Керамические клейма острова Фасос. — НЭ, 1972, X, с. 12.

⁷ Виноградов Ю. Г. Керамические клейма..., с. 12; Брашинский И. Б. Керамические клейма Гераклеи Понтийской. — НЭ, 1965, V, с. 22; гераклейское клеймо из Херсонеса (ХМ, инв.

№ 30827) содержит имя эргастериарха ЕРАΚΛΑΕΙΔΑ с характерной заменой Η на Ε.

⁸ Яйленко В. П. Граффити Левки, Брезани и Ольвии. — ВДИ, 1980, № 3, с. 77, № 61—а; с. 104, № 181.

⁹ Виноградов Ю. Г. Керамические клейма..., с. 12, 36; *Grace V. Early Thasian Stamped Amphoras.* — *AJA*, L., 1946, p. 35, 36.

¹⁰ *Hackl R. Merkantile Inschriften auf attischen Vasen. Münchener archäologischen Studien.* München, 1909; *Johnston A. W. Trade Marks on Greek Vases.* — *Greece and Rome*, 1974, 21, p. 138; *Idem. Lists of Contents: Attic Vases.* — *AJA*, 1978, 82, p. 222, 223; *Lang M. Numerical Notation on Greek Vases.* *Hesperia*, 1956, 25, 1, p. 15, N 64, 65ff.; *Jonkees J. H. On Price Inscriptions on Greek Vases.* *Mnemosyne*, 1951, ser., IV, vol. 4, fasc. 3—4, p. 258—266.

¹¹ *Lang M. Graffiti and Dipinti from Athenian Agora.* — *The Athenian Agora.* Princeton, 1976, XXI, p. 22, 23, E4, E13.

¹² Николаенко Г. М. Метки..., с. 28, 29.

В. А. ГОРОНЧАРОВСКИЙ

СОСУД ИЗ СЕЛЬСКОЙ УСАДЬБЫ БЛИЗ МИРМЕКИЯ

В общей массе керамического импорта эллинистического времени на Боспоре выделяется количественно небольшая группа рельефной керамики, отличающейся хорошим качеством исполнения и живописностью декора. Сосуды этой группы изготовлены из плотной, тщательно отмученной глины серого цвета, покрытой слоем жидкого черного лака графитового оттенка. До сих пор они не подвергались специальному анализу на предмет выявления центра их производства. Можно упомянуть лишь статью Э. Р. Штерна, посвященную ситулообразной вазе из Ольвии, отно-

сящейся к кругу интересующих нас изделий, где он, не делая определенного вывода, отмечает связь рельефного декора этого сосуда с пергамским искусством¹. Несколько фрагментов таких ситул, происходящих из Пантикапея, было опубликовано Н. М. Лосевой, которая в вопросе о месте их изготовления ограничилась ссылкой на упомянутое мнение Э. Р. Штерна².

Современный уровень изучения рельефной керамики позволяет, на наш взгляд, вновь коснуться этой проблемы. В данном отношении определенный интерес представляет фрагментированный рельефный сероглиняный сосуд (инв. № М/53—348) из помещения «И» сельской усадьбы III—I вв. до н. э. близ Мирмекия. Усадьба площадью около 0,27 га раскапывалась Боспорской экспедицией с 1951 по 1956 гг. Она состояла из комплекса помещений, объединенных небольшим двориком, и большого мощеного двора с хозяйственными постройками и винодельнями, рассчитанными на производство большого количества вина на продажу. На тесную связь с рынком указывают многочисленные находки пантикапейских и фанагорийских монет.

Здание усадьбы, имевшее черепичную кровлю и в некоторых помещениях украшенное многоцветной росписью, напоминает дом зажиточного горожанина. О достатке его хозяина свидетельствует широкое использование в быту импортных изделий³.

По имеющимся фрагментам (рис. 1) нельзя уверенно говорить о форме всего сосуда в целом, но, видимо, он представлял собой глубокую чашу диаметром около 0,44 м на невысокой профилированной ножке (рис. 2)⁴. Венчик сосуда плавно отогнут и несколько нависает наружу. Внешняя и внутренняя поверхность покрыта полустершимся жидким черным лаком местами с бурыми пятнами. Венчик сосуда и неширокая полоса под ним не орнаментированы. Тулово украшено рельефным декором в технике «мегарских» чаш, сочетающимся с применением накладных рельефов, изготовленных отдельно. Таким образом, только часть сосуда отгиснута в форме.

Изображения сгруппированы по нескольким горизонтальным поясам, выделенным линиями рельефных точек. Самый верхний включает ряд десятилепестковых розеток, под которым располагается процессия обнаженных крылатых эротов. Одни из них танцуют, другие играют на лирах или флейтах. В одном месте, видимо у основания ручки, две верхние зоны изображений перекрыты рельефным виноградным листом, отгиснутым в отдельной форме. Возможно, отсюда же происходит фрагмент ручки шириной 2 см с тремя глубоко вдавленными каннелюрами, которая, судя по всему, имела полукруглую форму. Она украшена головой безбородого сатира в высоком рельефе. Несмотря на небольшие размеры, она отличается высоким мастерством исполнения: отдельные детали волос и лица, видимо, были проработаны стекой. На груди сатира, судя по деталям, сохранившимся на основном фрагменте сосуда, была завязана шкура животного. Выделенные надбровные дуги, глубоко запавшие глаза, жесткие волосы, вздымающиеся над лбом и заостренными звериными ушами, близко напоминают образы сатиров и галатов, широко распространенные в искусстве пергамских мастеров, например бронзовые статуэтки сатиров, найденные в Пергаме в жилых домах эллинистического времени⁵, или известную статую «Умирающего галла», являющуюся копией фигуры из скульптурной группы в честь военных побед Аттала⁶.

Следующий пояс изображений состоит из охотничьих сцен: навстречу львам устремляются всадники и пешие воины с копьями и щитами, собака вцепилась в горло оленя, а амазонка в высоко подпоясанном хитоне со щитом в левой руке, обернувшись назад, поражает какое-то животное копьём.

Нижняя часть тулова рельефного сосуда украшена растительным декором из чередующихся листьев аканфа различной формы и каплевидных лепестков, обрамленных посохообразными побегам.

Следует, прежде всего, отметить, что декор исполнен в довольно высоком рельефе, явно с целью максимально приблизить внешний вид изделия к металлическим сосудам, которым оно подражает. Этот эффект усиливает-

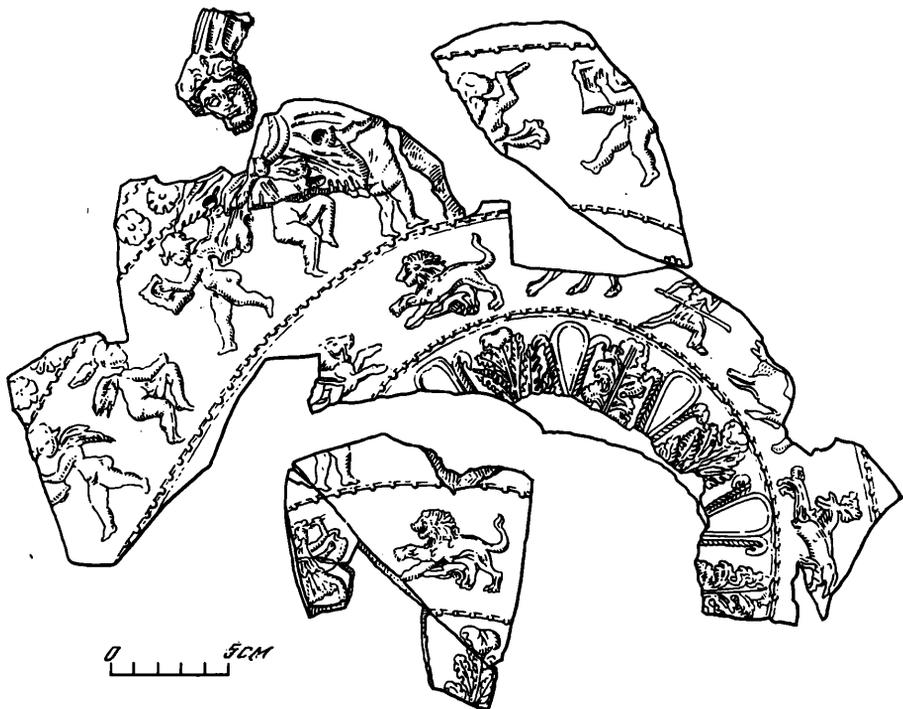

Рис. 1. Фрагменты рельефного сосуда из сельской усадьбы

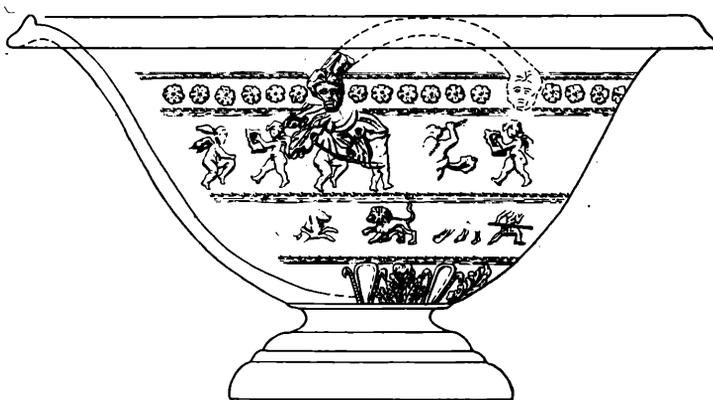

Рис. 2. Реконструкция рельефного сосуда

ся благодаря обжигу, придавшему глине ровный серый цвет, и жидкому черному лаку.

Сюжеты орнаментальных поясов рельефного сосуда на первый взгляд близки кругу делосских изделий, но не для всех имеющихся фигурных композиций можно подобрать аналогии в делосской рельефной керамике⁷. Их большая рельефность, живописность и качество глины свидетельствуют о том, что они относятся к продукции другого центра производства.

В существующих публикациях керамических материалов крупных эллинистических центров сосуда такого рода известны только в Пергаме⁸. Это вполне соответствует его роли в развитии керамического производства Малой Азии. Здесь имеются яркие примеры влияния торевтики на формы и орнаментику керамических изделий⁹. Все это заставляет предполагать пергамское происхождение сосуда из сельской усадьбы, несмотря на наличие делосских сюжетов, особенно если учесть, что многие исследователи склоняются в пользу мнения, высказанного некогда М. И. Ростовцевым,

о том, что керамическое производство эллинистического Делоса испытало значительное влияние со стороны Пергама¹⁰.

Интересно отметить, что среди материалов из сельской усадьбы известен ряд находок, причисляющихся к кругу пергамских изделий II в. до н. э., в частности фрагмент тарелки с рельефным медальоном, изображающим крылатого эрота, и краснолаковые тарелки, украшенные в центре концентрическими кругами из насечек или прочерченных линий¹¹. К тому же времени по форме, стилю и технике исполнения можно отнести и публикуемый нами сосуд.

Это, наряду с имеющимися данными об импорте на Боспор пергамской керамики и произведений горевтики¹², показывает, что пергамские изделия были широко распространены в быту зажиточных слоев населения Боспора во II в. до н. э.

- ¹ Штерн Э. Р. Ваза с рельефными украшениями из Ольвии. — ИАК, 1902, № 3, с. 112.
- ² Лосева Н. М. Об импорте и местном производстве «мегарских» чаш на Боспоре. — МИА, 1962, № 103, с. 201, рис. 3.
- ³ Гайдукевич В. Ф. Некоторые вопросы экономической истории Боспора. — ВДИ, 1966, № 1, с. 53, и след.; Кругликова И. Т. Сельское хозяйство Боспора. М., 1975, с. 96 и след.
- ⁴ Ср.: Courby F. Les vases grecs à reliefs. Paris, 1922, Fig. 62, XIII, Pl. XIV, 2; Laumonier A. La ceramique hellenistique à reliefs. — Delos. Paris, 1977, fase. XXXI. Pl. 14, 6000, Pl. 23, 6005 в подобной технике: Pl. 22, 6201, Pl. 108, 6002; Pl. 109, 6174.
- ⁵ Furtwangler A. Der Satyr aus Pergamon. — In: 40 Programme Winkelmann-feste. Berlin, 1880.
- ⁶ Webster T. B. Hellenistic Art. London, 1967, p. 143, Pl. XVI; Havelock C. M. Sztuka hellenistyczne. Warszawa, 1972, s. 146, rys. 142.
- ⁷ Ср.: Courby F. Les vases grecs..., p. 384, Fig. 79; Laumonier A. La ceramique hellenistique à reliefs, Pl. 6, 3216 bis. 3424.
- ⁸ Conze A. Altertümer von Pergamon. Berlin, 1913, Bd. 1, 2, S. 274, Beibl. 43, 9.
- ⁹ Hansen E. The Attalids of Pergamon. — Ithaca. N. Y., 1971, p. 368
- ¹⁰ Rostovtzeff M. The social and economic history of hellenistic world. Oxford, 1941, p. 653; Schafer J. A. Hellenistische Keramik aus Pergamon. Berlin, 1968, S. 21.
- ¹¹ Шургай И. Г. К вопросу о пергамском импорте на Боспоре во II в. до н. э. — КСИА, 1963, вып. 103, с. 42, след., рис. 14, 2.
- ¹² Книпович Т. Н. К вопросу о торговых сношениях античных колоний Северного Причерноморья в эпоху эллинизма. — СА, 1949, XI, с. 271 и след.; Шургай И. Г. Позднеэллинистические рельефные кубки из Мирмекия. — КСИА, 1963, вып. 95, с. 107 и след.; Максимова М. И. Артюховский курган. Л., 1979, с. 79.

Т. Г. ШАВЫРИНА

РАСКОПКИ НЕКРОПОЛЯ ФАНАГОРИИ В 1978 Г.

В 1978 г. Фанагорийской экспедицией под руководством А. А. Масленникова был исследован новый «юго-западный» участок фанагорийского некрополя эллинистического времени и первых веков нашей эры. Участок находился в 500 м к юго-востоку от берега Таманского залива и в 200 м от западной границы древнего города Фанагория. Некрополь располагался вдоль шоссе на дороге Сенная — Тамань, рядами, в сторону Таманского залива. На площади 850 кв. м раскрыто 72 погребения, из которых 70 находилось в грунтовых могилах с обрядом трупоположения и 2 — в амфорах.

Могила грунтовая, без какого-либо внешнего оформления, что часто позволяло выявить их контуры. Глубина залегания могил от 0,40 м до 1,50 м от современной поверхности. Самыми глубокими были могилы «с заплечиками» — 1,20 м — 1,50 м и могилы, относящиеся к первым векам нашей эры, врезанные в материк (№ 7, 13, 14, 29, 37, 39, 47, 55, 62,

67, 72). Борты могильных ям нередко обкладывались черепицами боспорского производства (№ 60, 65, 71); в некоторых случаях могилы были перекрыты черепицами (№ 15, 22, 32, 33, 60, 65, 71). Следы деревянного гроба зафиксированы только в трех погребениях (№ 41, 61, 69). В более ранних могилах (III в. до н. э.) можно заметить устойчивость восточной ориентации, которая была принята в греческих некрополях (17 могил). В последующее время в связи с влиянием меото-сарматского погребального обряда ориентировка меняется и преобладание получает северная (18 могил). Только по несколько погребенных в каждом ряду ориентированы на юго-восток (№ 7, 29), северо-восток (№ 17, 28, 35, 41, 57—59, 70), северо-запад (№ 1, 16, 17, 45, 63).

Костяк обычно лежал на спине, с руками вдоль туловища, вытянутыми ногами, с лицом, обращенным вверх (36 могил). Иногда руки (или одну из них) сгибали в локтях так, что кисти рук у костяков покоились на тазовых костях или в области лобковых костей таза. Этот обряд свойствен женским захоронениям (12 могил). Ноги часто перекрещивали в щиколотках или в коленях (5 могил), редко ноги были согнуты коленями вверх (2 могилы). Такое положение рук и ног принято считать принадлежащим сарматам¹. Одной из особенностей фанагорийского погребального ритуала является подсыпка серой глины на дно могильной ямы². Она отмечена в 8 могилах (№ 1, 19, 25, 51, 63, 66, 70, 71) II в. до н. э. — I в. н. э. Подсыпка встречалась в могилах I в. до н. э. — I в. н. э. (№ 25, 51, 63, 66), принадлежащих негреческому населению Фанагории³.

Над некоторыми погребениями были замечены остатки тризны в виде пережженного грунта, содержавшего пережженные фрагменты бытовой керамики, кусочки угля, кости мелких домашних животных. Следы тризны зафиксированы в погребениях (№ 8, 11, 25, 37, 57), относящихся к различному времени, причем в тризне двух из них (№ 11, 25) найдены черепа лошади. Во всех могилах тризны располагались к западу от захоронения, что типично для некрополей Таманского полуострова⁴.

Часто захоронения производились без вещей (30 могил). Найдено всего восемь медных монет. В двух погребениях (№ 22 и 53) монеты находились во рту, в погребениях № 51 и 72 две монеты лежали в области грудной клетки, в могиле № 57 три монеты были в левой руке.

В могилах с вещами набор посуды был обычен для погребального культа. В женских погребениях встречаются леканы с крышкой, в том числе леканы местного производства, напоминающие две глубокие миски, накрывающие одна другую, пряслица, бусы. Среди бус преобладают мелкие стеклянные, темно-синие, крупные черные стеклянные и гагатовые. К предметам украшения относятся и височные кольца из круглой в сечении проволоки, свернутые в полтора оборота, иногда они были обернуты тонким листовым золотом (могила № 62). В четырех могилах (№ 32, 62, 69, 72) найдены бронзовые зеркала. Зеркала из эллинистических могил № 32 и 69 однотипны: круглые с вертикальными бортиками одинакового размера — 10,5 см. Зеркальца из могил № 62 и 72 очень маленькие (5 см в диаметре) орнаментированы по внешней стороне тремя рельефными кругами и имеют петельку-ручку. Чаще встречаются перстни. В основном они сделаны из бронзы, небольшого размера, с вытянутым щитком, плавно переходящим в плоскую в сечении дужку. Исключение составляют один железный перстень-печатка с плоским прямоугольным щитком (из могилы № 53), один стеклянный литой перстень-печатка с овальным вогнутым во внутрь щитком (из могилы № 12) и один золотой перстень с плоским круглым щитком (могила № 15).

Все могилы «юго-западного» некрополя распределяются на 4 хронологические группы.

1. III в. до н. э. — 9 погребений (№ 4, 8, 12, 15, 32, 60, 65, 69, 71).

2. II в. до н. э. — 6 погребений (№ 11, 24, 57, 58, 59, 70).

3. I в. до н. э. — I в. н. э. — 17 погребений (№ 28, 66, 17, 19, 25, 26, 27, 38, 41, 45, 50, 53, 55, 56, 63, 64, 68).

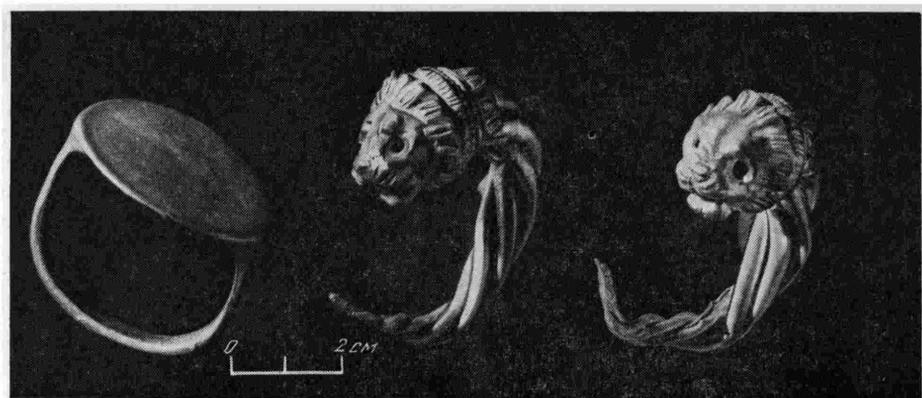

Рис. 1. Перстень и серьги из золота, могила 15

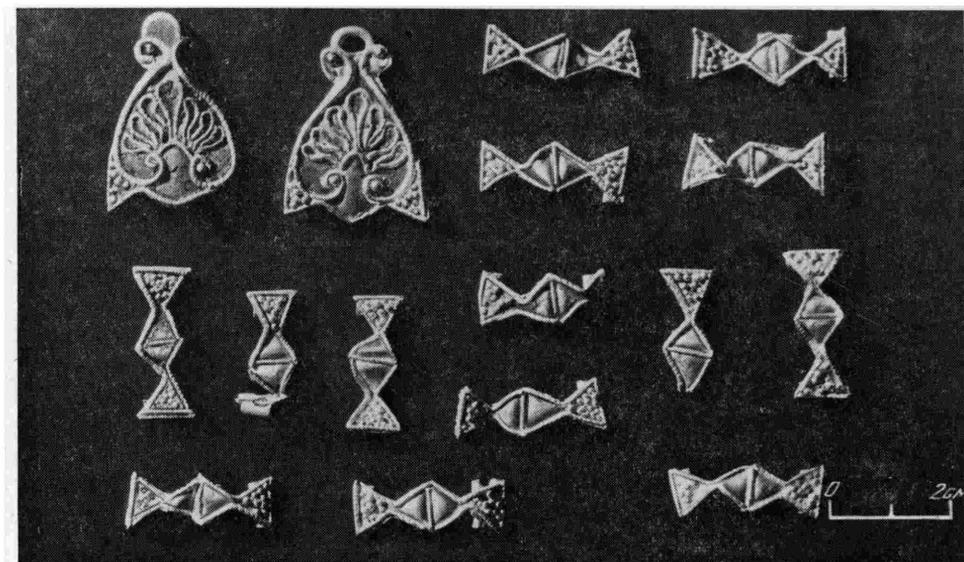

Рис. 2. Золотые пластинки из могилы 15

4. II—III вв. н. э.— 10 погребений (№ 7, 13, 14, 29, 37, 39, 47, 62, 67, 72).

30 погребений, разрушенные, или не имеющие инвентаря, остались вне групп.

Погребения III в. до н. э.

Из погребений этого времени представляют интерес захоронения 4, 12 и 15. В первых двух находилась посуда новой формы — акварельная пелика и алабастр, получившие широкое распространение на Боспоре в III в. до н. э. Эти сосуды часто встречаются в некрополях Фанагории, Тирамбы⁵. Кроме того, алабастр, подобный нашему, был найден в 1965 г. А. К. Коровиной в некрополе Тирамбы и имел следы росписи⁶. Третья могила содержала золотые ювелирные изделия: перстень-печатку с гладким, плоским круглым щитком; серьги в форме львиных головок (рис. 1); 17 накладных пластинок (рис. 2), по-видимому, от головного убора, лежавших в области черепа.

Пластинки штампованные, из тонкого листового золота, по форме напоминающие соединенные между собой по четыре «ласточьи хвосты», по краю проходит ободок из рельефных точек, нанесенных пуансоном.

Серьги с круглой дужкой. Головка льва и втулка, полые внутри, изготовлены из тонкого листового золота посредством штамповки. В нижней части головки хорошо виден шов — место спайки. Под нижней челюстью припаяна круглая петелька-застежка. Выходящая из втулки витая дужка постепенно суживается к концу. Среди большого количества разнообразных золотых серег эллинистического времени широко распространены серьги с головками животных, которые обычно датируются III, а иногда II вв. до н. э.⁷ Наиболее близкие к нашим серьги из пантикапейского некрополя, описанные Ашиком⁸, и серьги из раскопок В. Э. Кунина в 1954 г. в Керчи⁹. Они объединяются рядом характерных признаков, например сравнительно небольшими размерами, головки животных более или менее стилизованы и близки по трактовке, конические втулки украшены филигранными поясками: дужки витые или с обмоткой.

Погребения II в. до н. э.

Ориентация погребений: южная (могила 11), восточная (24), северо-восточная (57, 58, 59, 70). Материал данной группы могил так незначителен, что трудно сделать какие-либо выводы. Несомненно, что именно со II в. до н. э. в состав погребального инвентаря входят флакон, лягинос, тарелка или миска (могилы 24, 70). В фанагорийском некрополе этого времени часто встречаются сероглиняные кувшинчики с цилиндрическим горлом, заканчивающимся округлым валиком, образующим раструб, с профилированной, овальной в сечении ручкой, согнутой под углом. Тулово как бы делится на две части — нижнюю коническую и верхнюю шаровидную (могилы 24, 70).

Погребения I в. до н. э. — I в. н. э.

В погребальном обряде появляется ряд существенных изменений. Чаще встречается северная (могилы 19, 26, 55), северо-западная (№ 17, 45, 68) и северо-восточная (27, 38, 41, 53, 56) ориентации. В некоторых могилах есть следы подсыпки из глины (25, 63), в могиле 19 на слой ракушки был сделан настил из камки. Ноги умершего иногда перекрещиваются (50), а руки кладутся на таз (2, 6, 49, 53). Существенные изменения происходят и в наборе погребального инвентаря. Среди керамики характерны новые типы — краснолаковая посуда, привозная и подражающая ей местная. Появляются фибулы (17, 27, 45) и терракотовые статуэтки (26).

Интересная могила 38 с оружием. В могиле с погребением мужчины-воина около левого бедра лежали десять железных трехлопастных черешковых наконечников стрел. Рядом находились три железных втульчатых наконечника копья. Вдоль левой руки лежал железный нож (длиной 9 см), с внешней стороны левой ноги — железный меч со следами деревянных ножен. Форма меча характерна для I в. до н. э. — II в. н. э.¹⁰ Клинок обоюдоострый, навершие брусковидное. Положение акинака слева, а не справа, как было принято у сарматов, соответствует греческому способу ношения мечей¹¹. Оно часто встречается в могилах Таманского полуострова. С началом проникновения сарматских элементов в погребальный культ связано появление мечей без перекрестия и трехперных черешковых железных наконечников для стрел, однако при сарматском обряде сохраняется греческий обычай класть акинак слева.

Погребения II—III вв. н. э.

Следует выделить могилы № 13, 62, 72. В детском захоронении 13 обнаружено 4 бронзовых колокольчика, лежащие в левой стороны черепа. По-видимому, это была своего рода погремушка. Колокольчики конусообразной формы, с внешней стороны имеют гладкую поверхность, с внутренней — шероховатую. Внешняя сторона украшена 3 двойными правильными врезанными линиями, что свидетельствует об их обработке на токарном станке¹².

В погребении 62 в большом количестве представлены изделия бронзового литья, изготовленные в Фанагорийских мастерских. На ступнях ног

лежали литые бронзовые квадратные пряжки-застежки для обуви, на линии талии — бронзовые квадратные пластинки с рельефным орнаментом и бронзовые кружки в форме штурвала, некогда украшавшие кожаный пояс погребенного. Около левого бедра находилось бронзовое зеркальце диаметром 5 см. На его внешней стороне три рельефных круга, а посередине ручка-петелька. Такие зеркальца крайне редки в могилах Азиатского некрополя и появляются начиная со II в. н. э.

Могила 72, помимо того, что представляет собой весьма редкое явление в некрополе — парное детское захоронение, интересна еще и двумя подвесками, дополняющими ожерелья погребенных девочек. Первая подвеска стеклянная, круглая с ушком для подвешивания. На поверхности резкое рельефное изображение лица медузы — горгоны. Для второй подвески использовали бронзовое зеркальце диаметром 5 см, орнаментированное тремя рельефными горизонтальными линиями. Отверстие, образовавшееся в результате поломки ручки-петельки, использовали для подвешивания.

В могиле 14 найден клык собаки, в могилах 29, 39 присутствовала охра, что говорит о возрастающем влиянии сарматских племен на погребальный обряд Фанагории.

Погребения «юго-западного» участка дают нам право утверждать, что деревянное перекрытие иногда применялось в Фанагории, а иногда и не применялось, могилы иногда выстилались камкой или глиной, а иногда и нет. Особенностью данного участка является наличие на небольшой территории, совсем рядом друг с другом, погребений типично греческих и типично местных. Погребения младенцев в амфорах, особенно характерные для греческих некрополей, а также грунтовые погребения с вытянутыми костяками оказываются в непосредственном соседстве с типичнейшим местным погребением «скорченника», с могилами с деревянными перекрытиями («заплечики») представляющими один из элементов местного ритуала¹³. При этом один и тот же уровень этих погребений убеждает нас в том, что в этом месте некрополя греческий и местный обряд сосуществовали в эллинистическое время, очевидно, глухой стены, разделяющей эти две основные этнические группы населения, уже в это время не существовало, хотя погребения этих групп четко разделяются.

¹ Коровина А. К. Тирамба (город и некрополь) — Сообщения ГМИИ, М., 1968, IV, с. 73.

² Марченко И. Д. Раскопки восточного некрополя Фанагории. — МИА, 1956, № 57, с. 123.

³ Коровина А. К. Раскопки некрополя Фанагории в 1964 г. — КСИА, 1967, вып. 109, с. 133.

⁴ Кастанаян Е. Г. Обряд тризны в Боспорских курганах. — СА, 1950, XIV, с. 125.

⁵ Кобылина М. М. Раскопки восточного некрополя Фанагории в 1948 г. — МИА, 1951, № 19, с. 241, мог. 23, рис. 3 (1).

⁶ Коровина А. К. Тирамба..., с. 75.

⁷ Marshall F. H. Catalogue of jewellery, greek, etruscan and roman in the Department of Antiquities. — British Museum, London, 1911, tab. XXI, N 1786—1787.

⁸ Ашик А. Часы досуга с присовокуплением писем о керченских древностях. Одесса, 1851, табл. к письмам III и V. № 19 (серьги).

⁹ Кунин В. Э., Кунина Н. Э. Курганные погребения пантикапейского некрополя на северо-восточной окраине г. Керчи. В кн.: — Археология и история Боспора. Симферополь, 1962, II, с. 290.

¹⁰ Сокольский Н. И. Боспорские мечи. — МИА, 1954, № 33, с. 129.

¹¹ Смирнов К. Ф. Савроматы. М., 1964, с. 91.

¹² Марченко И. Д. Раскопки восточного некрополя, с. 170.

¹³ Книпович Т. Н. Некрополь в северо-восточной части ольвийского городища. — СА, 1940, VI, с. 104.

АККОСОВ ВАЛ

Замечательным и вместе с тем недостаточно изученным среди археологических объектов Керченского полуострова является Аккосов ров * и вал (рис. 1), который берет начало у с. Новоотрадное на берегу Азовского моря, и, пересекая с севера на юг весь полуостров, заканчивается у озера Узунлар.

О валах, существующих и вымышленных, упоминают античные авторы: Геродот, Платон и Овидий. Ценны свидетельства путешественников Кларка, Палласа и Сумарокова.

В работах Р. В. Шмидта¹, К. Э. Гриневича, В. Д. Блаватского, В. Ф. Гайдукевича, П. Н. Шульца, И. Б. Бабкова, Н. И. Сокольского дана характеристика Боспорских валов, содержащая чрезвычайно ценные материалы².

Автор настоящего сообщения руководил одним из отрядов Северо-Крымской экспедиции ИА АН УССР, принимавшим участие в охранных раскопках в зоне строительства Керченского водохранилища.

Нами была произведена геодезическая инструментальная съемка, позволившая довольно точно нанести на карту линию вала от Казантипского залива до Узунларского озера общей протяженностью 37,45 км. Близ вала с восточной стороны выявлено 24 курганные насыпи, расположенные чаще всего между разрывами в линии вала. В более выраженных местах нами были отсняты профили рва, вала и курганов. По данным инвентаризации, средняя глубина рва в исследуемом районе 1,2 м, ширина 15 м, высота 2,6 м и ширина по основанию 27 м.

Раскопки проводились в большой долине Эль-Шенгель, между двумя водоразделами, образующими котловину, через которую с северо-северо-запада на юго-восток — восток проходят ров, вал и два идущих параллельно основному и примыкающих к нему вала (рис. 2). Здесь были произведены при помощи механизмов и вручную 13 разрезов-раскопов.

Первый вал имеет протяженность 1735 м, высоту 1,6 м и ширину до 35 м. Второй вал расположен в 68 м к северо-востоку-востоку от первого

и длина его 1310 м, а высота и ширина составляют 0,6 и 15 м. Третий вал протяженностью 900 м пролегает к северо-востоку-востоку в 88 м от первого и 20 м от второго вала и параллельно им. Высота третьего вала 0,5 м, а ширина 13 м.

Первый разрез-раскоп основного рва и вала (рис. 3) и второго вала (рис. 4) производился общей траншеей, начатой в 230 м от северо-западного гребня водораздела в направлении с запада на восток. Длина раскопа составила 90 м.

Под слоем дерна выявляются профили двух погребенных валов, состоящих из бурых глин. Первый расположен ближе к рву, ширина его по основанию 3,05 м и высота 1,3 м. Второй вал находится в основ-

Рис. 1. Аккосов вал. Вид с северного гребня водораздела

* Назван так по имени бывшей деревни Ак-Кос, расположенной близ вала.

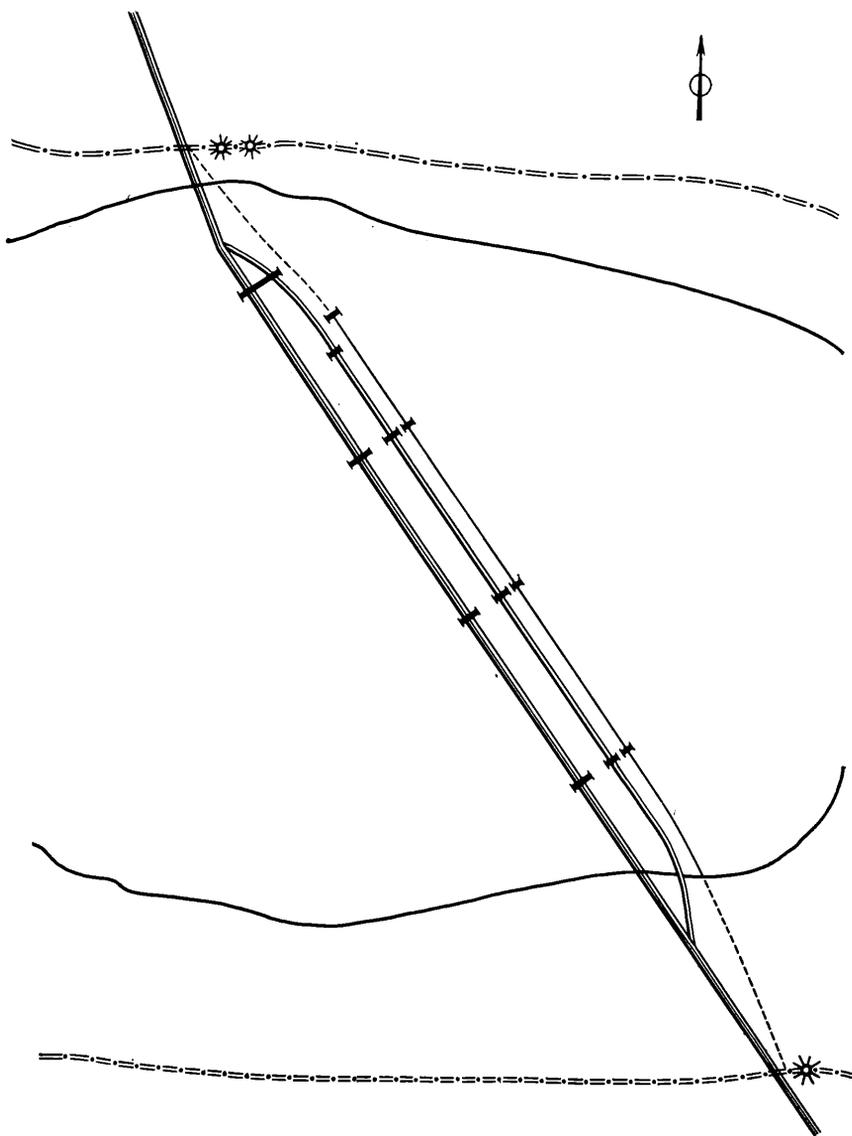

Рис. 2. План-схема Аккосова рва и вала с указанием мест разрезов

ной зоне современного вала, ширина его 4,01 м, а высота 1,8 м. Склоны погребенных валов находятся под слоем светло-коричневых глин. Древняя почва мощностью до 0,5 м по составу однородна. В целом вал сформировался на светло-коричневых глинах, содержащих вкрапления оксидов железа. В материке встречаются друзы кристаллического и пятноаморфного гипса.

Ров вырыт в бурых глинах, в осевой его части находятся темно-серые гумусированные илы до 1,2 м. У правой стороны рва по его древнему дну параллельно валу тянутся крепиды из кремня размером $0,3 \times 0,5$ м. Материковый слой состоит из светло-коричневых глин. В древности ширина рва равнялась 21 м, а глубина 2,5 м.

Первый раскоп второго вала производился полностью вручную, так как в 12 м от подошвы основного вала, в направлении с северо-северо-запада на юго-восток — восток были выявлены три параллельно лежащих ряда камней (рис. 3). Это кладка с забутовкой без раствора, состоящая из трех рядов равного не обработанного известняка. Первый ряд из камня размером $0,3 \times 0,4$ м, далее через 0,7 м лежит ряд из более крупного кам-

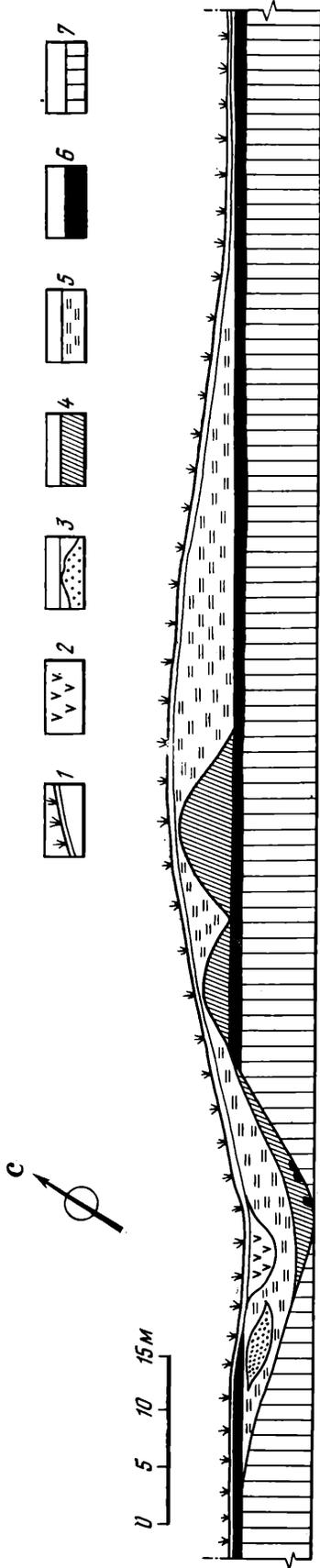

Рис. 3. Профиль разреза 1 основного вала и рва

1 — дерновый слой; 2 — гумусованные ялы; 3 — аллювиальные породы; 4 — бурые глины; 5 — светло-коричневые глины; 6 — древесная поверхность; 7 — материк

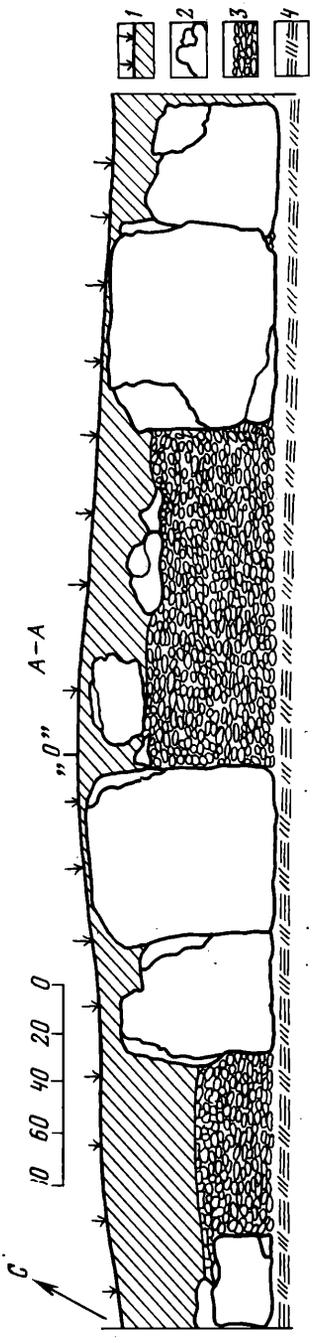
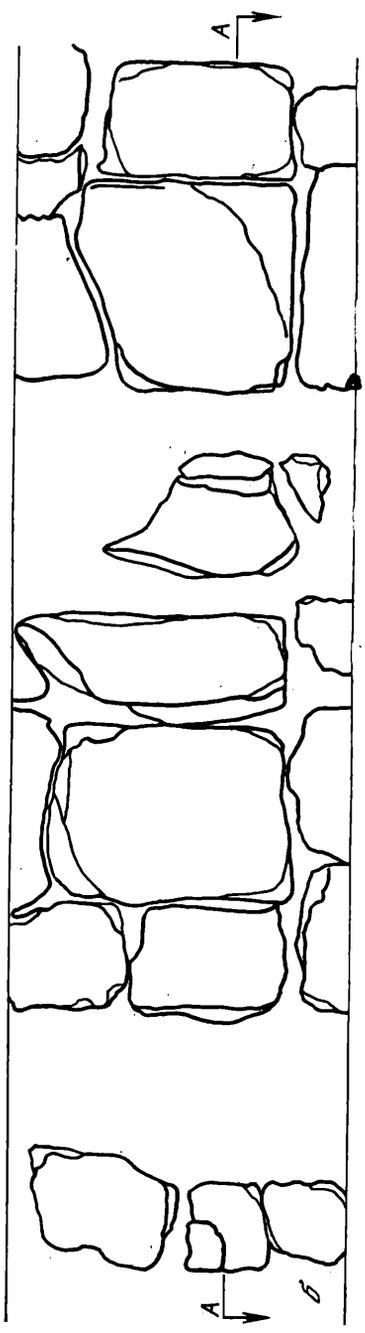

Рис. 4. Разрез и план раскопа второго вала (а, б)

1 — дерновый слой; 2 — камни; 3 — засыпь из щебня; 4 — материк

ня (0,6 × 0,7 м) и через 1,4 м от второго ряда еще кладка ряда из такого же камня. С наружной стороны второго и третьего рядов вплотную к ним примыкают более мелкие камни, не образующие сплошной линии. Между рядами забутовка из мелкого щебня. Общая ширина конструкции равна 5 м. По профилю она имеет наклон с северо-востока на юго-запад до 15°. Вероятно, это остатки оборонительного сооружения, примыкавшего к валу близ водоразделов. На глубине 0,3 м в 1,5 м к юго-западу от «0» точки была найдена стенка красноглиняной амфоры.

Первый разрез третьего вала был произведен в 88 м к северо-северо-востоку от основного вала. Под задернованным слоем прослеживается полоса от светло-коричневых глин шириной до 0,5 м. Мощность слоя древней поверхности равна 0,7 м. Материковый слой при наличии вкраплений кристаллического гипса по составу однороден. Остальные десять раскопов по своей стратиграфии аналогичны этому.

Нами, к сожалению, не исследованы руины «башен» и крепостных стен на гребне водораздела, а также курганы близ вала. Незначительное число фрагментов керамики (31) из боспорской, синопской и родосской глин без орнамента или граффити, отсутствие среди фрагментов амфор венчиков, ручек или ступок значительно затрудняют датировку настоящего памятника. В. Д. Блаватский, В. Ф. Гайдукевич и Н. И. Сокольский предполагают догреческое происхождение Боспорских валов.

Использование данных оборонительных сооружений, возможно, и в обратной последовательности, наталкивает на мысль о причинах, побудивших к строительству второго вала и укрепления меж ними по низовью долины Эль-Шенгель, удобной для прорыва неприятельской конницы.

¹ Шмидт Р. В. К исследованию Боспорских оборонительных валов.— СА, 1941, VII.

² Гриневич К. Э. Оборона Боспора киммерийского на основании археологического материала.— Учен. зап. Гос. Том. ун.-та, 1947, № 7; Блаватский В. Д. Материалы по античной фортификации в Северном Причерноморье.— Учен. зап. МГУ, 1950, № 143; Блаватский В. Д. Очерки военного дела в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1954; Гайдукевич

В. Ф. Некоторые итоги раскопок Тиритак и Мирмекия.— ВДИ, 1947, № 3; Шульц Н. П. О комплексных историко-археологических и палеографических исследованиях в Северном Крыму.— ИКОГО СССР, 1953, вып. 2; Бабков И. И. К вопросу о местонахождении Асандрова вала.— В кн.: История и археология древнего Крыма. Киев, 1957; Сокольский Н. И. Валы в системе обороны Европейского Боспора.— СА, 1957, XXVII.

О. Н. УСАЧЕВА

ТЕРРАКОТОВЫЕ СТАТУЭТКИ ИЗ КУРГАНА ВБЛИЗИ КЕП

В 1978 г. при исследовании почти полностью разрушенного кургана 18 вблизи Кеп было открыто девять погребений. Четыре из них совершены в плитовых могилах, в которых содержался различный погребальный инвентарь. В плитовой могиле 3, кроме других вещей, были 18 терракотовых статуэток. В курганном и грунтовом некрополе Кеп¹ впервые встречено погребение со столь большим количеством статуэток. Кроме 18 хорошо обожженных фигурок, были обломки от плохо обожженных². Это заставляет вспомнить комплекс из 28 терракот одной из плитовых могил IV в. до н. э. кургана Большой Близицы.

Терракоты из кепского кургана 18.

1. Стоящая женщина в хитоне и гиматии, окутывающем всю фигуру. Правая рука опущена, кисть левой — у груди. На голове высокий остроконечный головной убор³. Лицо сбито. Следы красной краски в складках одежды по всей терракоте (рис. 1, 1).

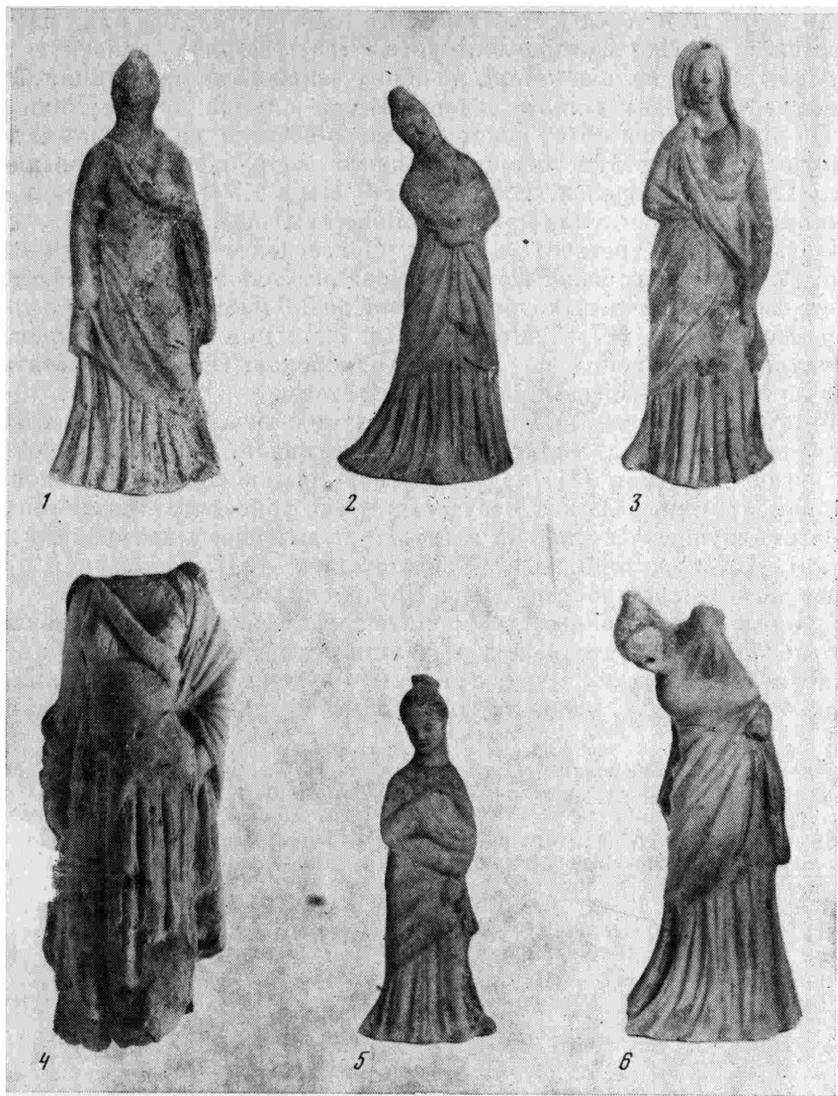

Рис. 1. Терракоты из кургана 18, могила 3 (1—6)

2. Стоящая женщина в хитоне и гиматии, наброшенном на голову, наклоненную вправо, правая рука под подбородком, левая под локтем правой⁴ (рис. 1, 2).

3. Стоящая женщина в хитоне и гиматии, накинутом на голову⁵. Лицо попорчено при формовке. Следы черной краски по краям одежды и внизу у левой ноги (рис. 1, 3).

4. Стоящая женщина в длинном одеянии, подпоясанном под грудью. На спину, левую руку и отчасти правую наброшен плащ, который закреплен перевязью, проходящей от правого плеча к левому бедру через грудь. Правая рука опущена, левая опирается на бедро. Голова утрачена. Низ расслоился. В складках одежды под левой грудью и на перевязи — следы красной краски (рис. 1, 4).

5. Стоящая женщина в гиматии. Правая рука у груди, левая опущена. Волосы собраны высоко на затылке, на лбу повязка. В левой руке держит какой-то предмет, возможно мешочек⁶. Следы розовой краски в складках одежды у ног (рис. 1, 5).

6. Танцующая женщина в хитоне и плаще. Голова обращена вправо, правая рука согнута в локте, приближена к лицу⁷. Следы коричневой краски на прическе и на одежде (рис. 1, 6).

Рис. 2. Терракоты из кургана 18, могила 3 (7—15)

7. Сидящая женщина с музыкальным инструментом. Голова утрачена. Следы коричневой краски на одежде у ног (рис. 2, 7).

8. Девушка, стоящая около небольшой колонки. Ноги перекрещены. Голова утрачена. Следы черной краски на одежде, розовой — на обнаженном теле, красной — на постаменте (рис. 2, 8).

9. Сидящая женщина с кифарой, на голове — венок с остроконечными листьями, волосы собраны на затылке. Сильно сбита (рис. 2, 9).

10. Юноша в плаще и шляпе, опирающийся левой рукой на колонку. Ноги перекрещены. Правая рука не бедре (рис. 2, 10).

11. Обнаженный юноша, стоящий на высоком постаменте. В правой руке яблоко, в левой — сосуд. У правой ноги гусь. На голову и спину юноши наброшен плащ (рис. 2, 11).

12. Девочка в длинном одеянии с бегущей собачкой у правой ноги. Левая рука согнута в локте, кисть ее на левом бедре. В некоторых местах сохранились следы темно-коричневой краски (рис. 2, 12).

13 и 15. Обнаженный юноша в остроконечном головном уборе с развевающимся плащом за спиной. Руки положены на голову животного, стоящего на задних ногах. Терракоты различаются только степенью обжига: одна светлее (рис. 2, 13), другая темнее (рис. 2, 15). У первой утрачена часть задней стороны, у второй — сколота нижняя часть отверстия.

14. Женщина на ложе и склоненная к ней мужская фигура. Сохранилась розовая краска, нанесенная на белую обмазку (рис. 2, 14).

16. Женская полуфигура в хитоне, подпоясанном под грудью, и в гиматии, перекинутом через левую руку. На голове остроконечная шляпа и венки из листьев, частично отбитых (рис. 3, 16).

17. Женская полуфигура в хитоне, подпоясанном под грудью, и в гиматии, перекинутом через левую руку. На голове остроконечная шляпа и венки из листьев (рис. 3, 17).

18. Женская головка в венке и покрывале, наброшенном на голову. В ушах серьги. Следы черной краски (рис. 3, 18).

Все статуэтки находились в ногах погребенной (северная часть плитового ящика). Там же были истлевшие остатки большого деревянного ларца, обложенного костяными пластинами. Возможно, часть терракот лежала в ларце.

Глиняные флаконы ⁸, лагинос ⁹ и монета ¹⁰, найденные в могиле, дают основание датировать ее серединой второй половины II в. до н. э., следовательно, фигурки могли быть изготовлены не позднее этого периода.

Большинство статуэток по тематике и стилю изображения тесно примыкают к группе изделий коропластов эллинистического периода широкой территории античного мира, включая сюда прежде всего мастерские Боспора ¹¹.

Выделяются три статуэтки, отличающиеся статичностью поз и фронтальностью — женская фигурка в хитоне (№ 4) ¹² и две полуфигуры в венках (№ 16 и 17), изображающие Деметру или Кору-Персефону. Видеть в этих терракотах изображения именно богинь греческого пантеона, а не просто смертных позволяет их иконография, сохранившаяся на протяжении не одного столетия, что хорошо прослеживается по терракотам такого же типа от IV в. до н. э. до позднего эллинизма ¹³. Интересно аналогичное изображение женской полуфигуры из Пантикапея. В отличие от кеппских коропласт представил ее с собакой. В греческой религии и особенно в ее отражении в искусстве собака могла играть роль атрибута, уточняющего персонаж изображаемого. Так, охотничья собака связывалась с Артемидой, Гераклом, Мелеагром; овчарка — с Сильваном, Паном; дворняжка — с Юпитером; бродячие, бездомные собаки — с Гермесом, Гекатой и с царством мертвых ¹⁴.

Хотя по своему типу кеппские полуфигуры отличаются от прочих терракотовых фигурок того же погребального комплекса, они могли быть сделаны одновременно с ними.

В комплексе выделяется группа стоящих в разных позах задрапированных женских фигур (№ 1—6), находящихся аналогии среди терракот других центров. Среди них только одна (№ 4) по своему типу относится к более раннему периоду. Ее потертость и нечеткость деталей дают основание предполагать ее более длительное существование.

Сюжетную линию музизирующих женщин, хорошо представленную в коропластике северопричерноморских центров ¹⁵, продолжают два новых варианта сидящих кифаристок (№ 7 и 9).

Две фигурки — полуобнаженной женщины (№ 8) ¹⁶ и задрапированного в плащ юноши (№ 10) ¹⁷, опирающихся, хотя и по-разному, на колонки, — типичны для эллинизма, так же как и девочка с собакой

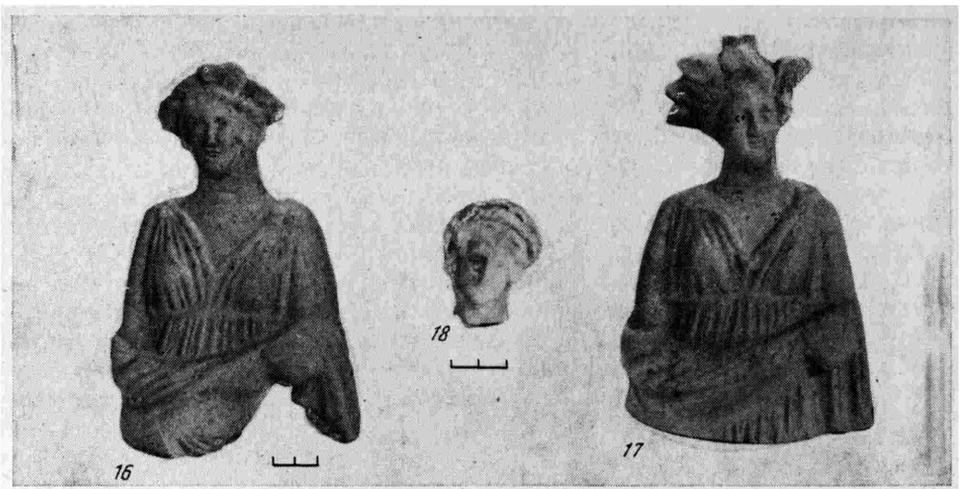

Рис. 3. Терракоты из кургана 18, могила 3 (16—18)

(№ 12)¹⁸. Однако среди северопричерноморских терракот аналогий им найти не удалось.

Группа из трех обнаженных юношей обращает на себя внимание своеобразием сюжетов и редкостью каждого из них. Юноша с гусем и яблоком (№ 11) представляется нам эфебом, который готовится совершить жертвоприношение. Гусей нередко содержали при храмах, считая их священными птицами. Они посвящались Афродите, Эроту, Артемиде, Дионису. Яблоко же связывалось исключительно с культом Афродиты¹⁹. Возможно, коропласт отразил не раз виденную им в жизни сцену, когда юноши в знак почитания богини возлагали на алтарь при ее храме посвященные ей яблоки и совершали возлияния. Поэтому сюжет этой терракоты представляется локальным, аналогий ей мы не нашли.

Терракоты № 13 и 15 оттиснуты в одной форме. Юноша как бы останавливает животное на ходу, с силой опираясь на левую ногу. Породу животного определить трудно из-за неясности изображения. Может быть, это лань или коза. Если видеть в животном лань, то скорее всего коропласт хотел изобразить четвертый подвиг Геракла, связанный с Керинейской ланью. Думается, именно так нужно трактовать сюжет этой терракоты. А атрибутом юноши как Геракла может служить, переданная правда очень плохо, накинутая на его голову львиная шкура. Эта терракота позволяет судить о том, как коропласт реагировал на ставший популярным в конце II в. до н. э. в культе социальных низов Боспора образ Геракла²⁰.

Терракота № 14 не находит аналогий в северопричерноморской коропластике, но близкие изображения эротических сцен можно найти в керамике, для украшения которой они использовались довольно часто. Особенно выделяется в этом плане группа эллинистических пергамских кубков, которые поступали в Северное Причерноморье, и в частности в центры Азиатского Боспора²¹.

Статуэтки были положены в могилу целыми (№ 2, 3, 5, 6, 11, 12, 13, 14, 15), с повреждениями (1, 10, 16, 17), утратами (№ 4, 7, 8, 9), имелись также только части фигурок (№ 18). Скорее всего, подбор их был случайным. Их сохранность различна. Пострадали от времени те, которые были плохо обожжены. Часть статуэток превратилась в комки глины, имевшие слабые очертания фигур или их деталей. Случаи положения таких изделий в могилы отмечались и при исследовании грунтового некрополя²², что убеждает в правильности предположения об изготовлении статуэток специально для погребального инвентаря.

Все фигурки оттиснуты в формах. Внутри они полые, с отверстиями на задней стороне. У основной массы отверстия прямоугольной формы,

но имелись и круглые (№ 16) и треугольные (№ 17). Последние в коро-пластике встречаются редко.

Статуэтки были раскрашены. Для их раскраски использовались коричневый, черный, розовый цвета. Их глина аналогична глине керамических изделий широкого круга, вышедших из мастерских Кеп, наличие которых выявлено уже давно²³. Она рыхлая, содержит примеси песка. Цвет ее варьируется от оранжево-красного до коричневатых оттенков. По глине отличается статуэтка № 14. Она плотная, содержит мелкие блестящие, розовато-коричневого оттенка.

Публикуемые статуэтки второй половины II в. до н. э. относятся к начальному периоду расцвета кепской коро-пластики. Если исполнение некоторых из них не отличается тщательностью и большим искусством, то в области сюжетов и композиционных решений кепские фигурки выделяются своеобразием и оригинальностью. Сейчас известно 96 терракотовых статуэток, происходящих из Кеп.

- ¹ Николаева Э. Я. Терракоты города Кеп.— САИ, 1974, Г1—11, с. 13—16; Сорокина Н. П. Терракоты из некрополя | Кеп.— САИ, 1974, Г1—11, с. 16—20.
- ² Терракоты и прочие памятники из кургана № 18 раскопок 1977—1978 гг. хранятся в ГИМ, инв. № 104748.
- ³ Winter Fr. Die Typen der figurlichen Terrakotten. Berlin — Stuttgart, 1903, т. II, 18, 6; 44, 3.
- ⁴ Силантьева П. Ф. Терракоты Пантикапея.— САИ, 1974, Г1—11, с. 24, табл. 19, 1; Кобылина М. М. Терракотовые статуэтки Пантикапея и Фанагории. М., 1961, с. 104, табл. XVIII, 1.
- ⁵ Winter Fr. Die Typen..., 38, 6.
- ⁶ Кобылина М. М. Терракоты из г. Феодосии.— САИ, 1970, Г1—11, табл. 25, 3; Силантьева П. Ф. Терракоты..., табл. 18, 1; Кобылина М. М. Терракотовые статуэтки..., табл. 27, 3.
- ⁷ Бритова Н. Н. Греческая терракота. М., 1969, с. 104, с. 106; Winter Fr. Die Typen. . . ., 152, 3; Griechische Terrakotten aus Tanagra und Ephesos in Berliner Museum. Berlin, 1978, s. 29, taf. 69.
- ⁸ Парович-Пашикан. М. Некрополь Ольвии эллинистического времени. 1974, Киев, 1974, с. 108—111; Погребова Н. Н. Погребение в Мавзолее Неаполя Скифского.— МИА, 1966, № 96, с. 111; Максимова М. И. О дате Артоховского кургана.— СА, 1960, № 3, с. 50—51, рис. 2; Марченко И. Д. Раскопки восточного некрополя Фанагории в 1950—1951 гг.— МИА, 1956, № 57, с. 112, 114, рис. 3.
- ⁹ Парович-Пешикан М. Некрополь . . ., с. 98; Максимова М. И. О дате . . ., с. 54, рис. 9, 10.
- ¹⁰ Шелов Д. Б. Монетное дело Боспора IV—II вв. до н. э. М., 1956.
- ¹¹ Силантьева П. Ф. Терракоты . . ., с. 10 и след.
- ¹² Hamann R. Geschichte der Kunst. Berlin, 1955, Bd. 1, Abb. 792, s. 750.
- ¹³ Силантьева П. Ф. Терракоты . . ., табл. 14, 3; 39, 2.
- ¹⁴ Кагаров Е. Культа фетишей, растений и животных в Древней Греции. СПб., 1913, с. 284 и след.
- ¹⁵ Сорокина Н. П. Терракоты . . ., табл. 13, 1; Winter Fr. Die Typen..., II, 138, 2.
- ¹⁶ Winter Fr. Die Typen . . ., 95, 7.
- ¹⁷ Pottier E., Reinach S. La nécropole de Myrina. Paris, 1887, taf. XLIII.
- ¹⁸ Winter Fr. Die Typen . . ., 78, 6.
- ¹⁹ Кагаров К. Культа . . ., с. 282 и 163 и след.
- ²⁰ Пругло В. И. Терракоты из городов и поселений Боспора как исторический источник: Автореф. дис . . . канд. ист. наук. М., 1974, с. 16.
- ²¹ Сокольский Н. И. Таманский толос и резиденция Хрисалиска. М., 1976, рис. 49.
- ²² Сорокина Н. П. Терракоты . . ., с. 18.
- ²³ Сокольский Н. И. Керамическая мастерская в Кепях.— В кн.: Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. Л., 1968, с. 265—270.

Н. А. ОНАЙКО

ПОГРЕБЕНИЕ ВОИНА У ПОСЕЛКА МЫСХАҚО

В 1979 г. Новороссийско-Геленджикская экспедиция доследовала разрушающийся могильник, случайно обнаруженный в обрыве берега моря у пос. Мысхако, близ Новороссийска¹. Могильник располагался на юго-восточной окраине античного поселения рубежа и первых веков нашей эры. Это поселение раскапывалось нами в 1967 и 1969 гг.²

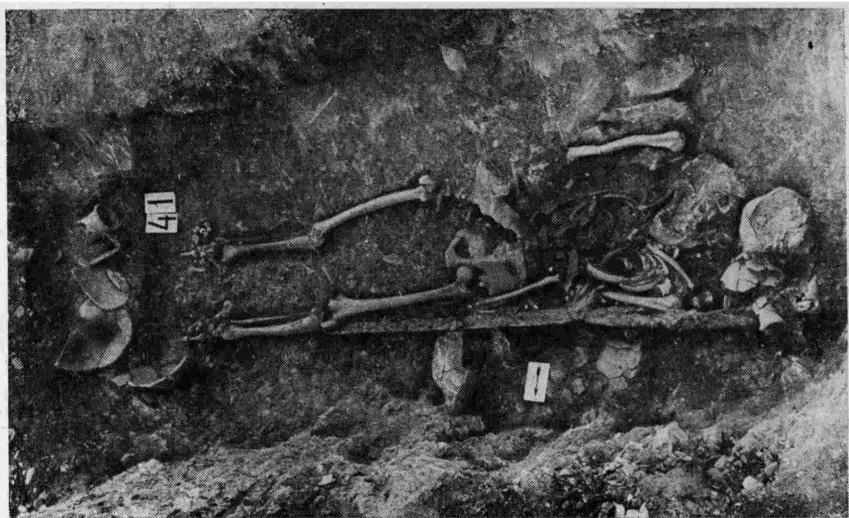

Рис. 1. Погребение воина

Сохранившаяся часть грунтового могильника занимала площадь около 1100 кв. м. Вскрыто 80 погребений античного и более раннего времени. Среди первых сравнительно богатыми оказались мужские погребения, содержавшие оружие (мечи, наконечники копий), орудия труда (ножи, точильный камень), металлические детали костюма (в основном поясные пряжки), золотые украшения, глиняную и стеклянную посуду и монеты. Монеты в основном бронзовые, боспорские конца I в. до н. э. и I в. н. э.

Одна золотая и, как оказалось, уникальная монета — статер Котиса I — была обнаружена в погребении 41 в кисти левой руки покойного. Захоронение было совершено в могильной яме (2,40 × 1 м), выдолбленной в скале. Покойник лежал вытянуто на спине, головой на запад с небольшим отклонением к северу (рис. 1). Кроме монеты, при нем были следующие вещи. Слева у черепа — раздавленный краснолаковый кувшин (рис. 2, 1), рядом с ним — разбитый стеклянный унгентарий (рис. 2, 2). В области головы и шеи обнаружены узкие спиральки из тонкой золотой фольги (рис. 3, 1). У левого плеча, острием уходя под горло краснолакового кувшина, торчал железный наконечник копья (рис. 4, 2). Там же, вдоль левого бока покойного, располагался железный обоюдоострый меч длиной 0,95 м (рис. 4, 1); поверх него, у пояса лежал небольшой железный нож (рис. 2, 3). У головы покойного, справа найдены крупные бусины; две из них золотые (рис. 2, 4) и две гешировые (рис. 2, 5); семь ребристых бусин из египетского фаянса и стекла (рис. 2, 6) найдены справа у голеностопного сустава. На левой половине таза лежала прямоугольная серебряная пряжка (рис. 2, 7), у ног — обломки сероглиняного кувшина. По всему погребению, без определенного порядка, были разбросаны небольшие бляшки в виде розетки из очень тонкой золотой фольги (диаметр 10—11 мм). Всего их собрано 63 экз. (рис. 3, 2).

Длинные мечи получили распространение на Боспоре в I — II вв. н. э. Однако в Прикубанье, как отмечает Н. И. Сокольский, они относятся к еще более раннему времени. Это сарматский тип меча; он, как известно, оказал влияние на развитие синдо-меотских мечей. Для мечей этого типа характерен неширокий, слегка суживающийся книзу плоский клинок, без ребра и перекрестия. Он выкован вместе с черенком, который обычно завершается «пуговицевидным» навершием³ (у нашего меча не сохранилось). Как полагают, длинный меч был в основном оружием кавалеристов, его носили слева, пристегивая ремнем к поясу.

Копье втульчатое, с большим ланцетовидным пером. Длина наконечника копья 0,46 м.

Рис. 2. Предметы из погребения

1 — краснолаковый кувшин; 2 — стеклянный унгентарий; 3 — железный нож; 4 — золотые бусы; 5 — гешировые бусы; 6 — бусы из египетского фаянса; 7 — серебряная пряжка; 8 — золотой статер Котиса I

Железный нож небольшой, фрагментированный. На одном из его обломков видны две заклепки, ручка не сохранилась.

Бусы из египетского фаянса бирюзового цвета, округлые с ребристой поверхностью. Основная масса таких бус в могильниках Северного Причерноморья характерна для погребений I — II вв. н. э.⁴ Но они встречаются в могилах и более раннего и более позднего времени. Гешировые (гагатовые) бусы имеют круглую форму, их находят в могилах I — II вв. н. э., но редко⁵. Золотые бусины имеют боченкообразную форму, украшены треугольниками из зерни.

Найденными в изголовье покойника золотыми спиральками был, видимо, обшит головной убор. Многочисленные золотые бляшки в виде розеток украшали, очевидно, погребальный полог покойника. Такая форма бляшек, а также очень тонкая золотая фольга, из которой они оттиснуты, характерны для римского времени⁶.

Унгентарий (высота 16 см) изготовлен из очень тонкого бесцветного стекла. По форме (конусовидное тулово и высокое цилиндрическое горло), он близок подобным сосудам I в. н. э.⁷ К тому же времени относится краснолаковый кувшин (высота 16,8 см).

Для датировки погребения важен золотой статер боспорского царя Котиса I (рис. 2, 8), он датируется 49 г. н. э. На лицевой его стороне изо-

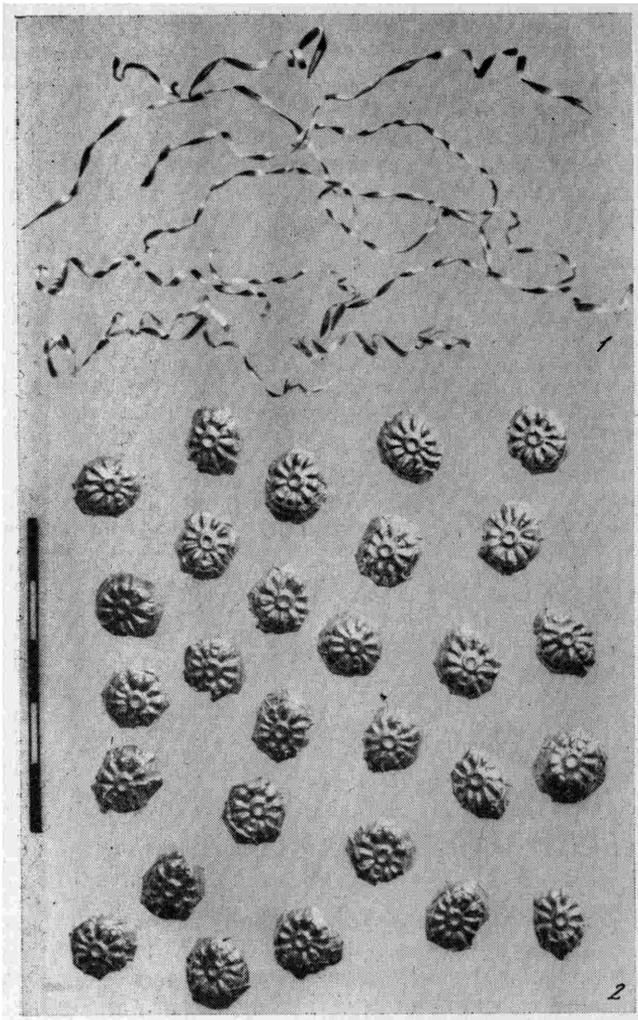

Рис. 3. Золотые предметы
1 — спиральки; 2 — бляшки

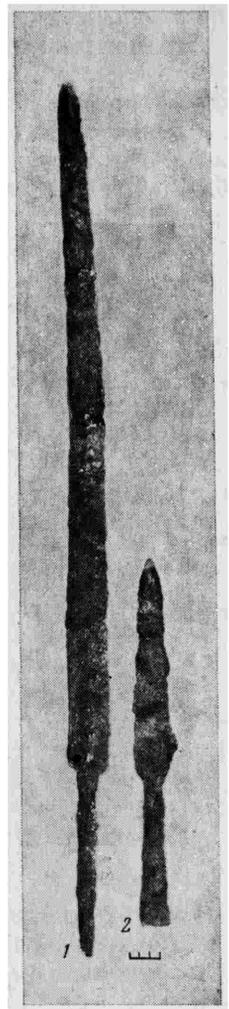

Рис. 4. Оружие
1 — меч; 2 — копье

бражена голова императора Клавдия в лавровом венке вправо; на оборотной — голова его сына Британика вправо, слева от нее — монограмма Котиса и внизу — дата — 346 г. боспорской эры. Монета очень хорошей сохранности. Для золотых, как и медных, монет Котиса I характерны изображения членов римского императорского дома и монограммы, в которых заключались инициальные буквы имени и титула царя. Золотых монет Котиса I, выпуск которых ограничивался 45—62 гг. н. э., известно очень мало⁸. Найденный в Мысхакском могильнике статер относится к особенно редким золотым монетам этого царя. До сих пор их было известно всего лишь две: одна хранится в Гос. Эрмитаже, другая издана А. Л. Бертье-Делагардом⁹.

Кроме публикуемого погребения, в Мысхакском могильнике обнаружено еще два сравнительно богатых погребения воинов I в. н. э. Как известно, первое столетие нашей эры было периодом экономического возрождения Боспора, что подтверждается и результатами наших раскопок в окрестностях Бат (богатая вилла в Широкой балке, укрепленные сторожевые посты, Владимирский и Цемдолинский). Как и в других районах Боспора, здесь в это время отмечается особенно оживленная жизнь. В то же время где-то во второй половине I в. н. э. обитатели этого района, как свидетельствуют об этом те же памятники, переживают большую

катастрофу, наиболее ярко выразившуюся в гибели мощных сторожевых постов на подступах к Батам. Их разрушение и гибель воинов Мысхакского поселения можно связать с одним и тем же событием, постигшим обитателей юго-восточных окраин Боспора. Не исключено, что эта катастрофа коснулась и самого города Бат.

Этническая принадлежность Мысхакского могильника недостаточно ясна. Его изучение в этом плане целесообразно провести с исследованием ближайшего к нему могильника в Широкой балке, раскопки которого начаты в 1980 г.¹⁰

¹ *Онайко Н. А., Дмитриев А. В.* Раскопки античного могильника у пос. Мысхако.— АО 1979 г. М., 1980, с. 121, 122.

² *Онайко Н. А.* Раскопки поселения на Малой земле.— КСИА, 1970, вып. 124, с. 73; *Она же.* Новые данные о поселении на Малой земле.— КСИА, 1973, вып. 133, с. 94.

³ *Соколовский Н. И.* Боспорские мечи.— МИА, 1954, № 33, с. 154.

⁴ *Алексеева Е. М.* Античные бусы Северного Причерноморья.— САИ, 1975, Г1—12, с. 34, табл. 5, 29—30 (тип 16г).

⁵ *Алексеева Е. М.* Античные бусы Северного Причерноморья.— САИ, 1978,

Г1—12, с. 10, 11, табл. 20, 1 (тип 2 б).

⁶ *Гогошидзе Ю. М.* Самадло. Тбилиси, 1979, табл. II.

⁷ *Viscovala M.* Vase antice de Sticla la Tomis Bucuresti, 1968, p. 90.

⁸ *Фролова Н. А.* Монетное дело Котиса I, сына Аспурга (45—68 гг. н. э.).— В кн.: Нумизматический сборник. М., 1977, ч. 5, вып. 2, с. 219.

⁹ *Бертъе-Делагард А. Л.* О монетах властителей Боспора Киммерийского, определяемых монограммами.— ЗООИД, 1910, XXIX, с. 230, № 74.

¹⁰ *Онайко Н. А.* Первый год раскопок некрополя в Широкой балке.— АО 1980 г. М., 1981, с. 121.

В. С. ЩЕРБАКОВА

ГЕММЫ С ИЗОБРАЖЕНИЕМ ГЕРМЕСА ИЗ ХЕРСОНЕССКИХ НАХОДОК

Среди инталий из раскопок Херсонеса Таврического имеется 11 экз. с изображением Гермеса; шесть из них хранятся в Гос. Эрмитаже, три в Херсонесском историко-археологическом заповеднике и две в Историческом музее. Восемь инталий сделаны из сердолика, одна из сардоникса, одна из темно-красной яшмы и одна — литик из прозрачного зеленоватого стекла. Все интальи хоршей сохранности, кроме одной сердоликовой. № 6222, у которой отломан правый верхний угол. Все наши геммы происходят из раскопок некрополя римского времени в Карантинной балке, который был исследован К. К. Косцюшко-Валюжиничем и Р. Х. Лецером. Все они датируются первыми веками нашей эры.

1. Инталя на сардониксе из Эрмитажа найдена в склепе, раскопанном в 1893 г. (инв. № Х.1893.32). Гермес изображен в $\frac{3}{4}$ вправо (от зрителя), голова повернута в профиль влево, левая нога, согнутая в колене, поставлена на возвышение. В левой руке бога кадуцей, на голове — крылатая шапка, сзади стоит овца (рис 1, 1). Гемма была вправлена в серебряный медальон, который рассыпался¹.

2. Яшмовая инталя вправлена в серебряный перстень (инв. № Х.1896.65). На плоской резной поверхности яшмы изображен Гермес в $\frac{3}{4}$ вправо, голова повернута в профиль вправо. Справа невысокая колонна (жертвенник?), на которую Гермес опирается левым локтем, в левой же руке он держит какой-то предмет (кошель, чашу?). Фигура обнажена, левая нога согнута в колене. В правой руке он, вероятно, держит жезл, но резьба, на краю геммы трудно различима (рис. 1, 2). Перстень найден в одном из склепов в 1896 г.

Особый интерес для нас представляют остальные девять гемм, на которых Гермес изображен почти в одинаковой позе: торс в фас или в $\frac{3}{4}$, голова повернута в профиль, причем всегда к той руке, в которой зажат

Рис. 1. Геммы из Мерсонеса (1—11)

кошель. Рука с кошельем проработана четко, она немного опущена вниз и протянута вперед, вторая рука разбирается хуже, так как через нее переброшен плащ, нижний край которого свисает ниже колен, и ею же Гермес придерживает кадуцей, лежащий на плече. Идентичность позы Гермеса на большинстве гемм, вероятно, не случайна, скорее она свидетель-

ствуется о том, что все изображения восходят к какому-либо общему оригиналу. Наша работа является попыткой отыскать этот оригинал. Поскольку поза Гермеса на наших геммах в основном одинакова, мы коснемся только особенностей каждой геммы.

3. Пожалуй, тщательнее других выполнена гемма из темно-красного сердолика, хранящаяся в Эрмитаже (инв. № X.1910.79). Резьба этой геммы хорошего качества (рис. 1, 3).

4. Можно отметить качественную резьбу еще одной геммы из Эрмитажа (инв. № X.1905.38). Гермес изображен вправо, почти в профиль, но положение рук, ног, атрибуты аналогичны другим изображениям. На этой инталье справа и слева от фигуры ретроградно написанные греческие буквы ϵ и ρ (рис. 1, 4). Сердолик прозрачный, красно-оранжевого цвета.

5. Отличается по стилю литик из зеленоватого стекла (инв. № 20570/2). Резьба глубокая, четкая, рельефно проработана мускулатура. Левая часть литика несколько ирризована и изображение плохо видно (рис. 1, 5).

6. Неплохое впечатление оставляет сердоликовая инталья из Херсонесского заповедника (без инв. №), изготовленная из красно-оранжевого сердолика с черными марганцевыми включениями. Резьба несложная, выполнена крупными штрихами, но вполне выразительная (рис. 1, 6).

7. Очень похожа на предыдущую сердоликовая гемма из Эрмитажа (инв. № X.1894.2), основное отличие состоит в том, что Гермес на гемме из Херсонеса имеет петас на голове, а на эрмитажной гемме он изображен с непокрытой головой (рис. 1, 7).

8. Очень близко изображение и на другой гемме из Эрмитажа (инв. № X.1897.43) (рис. 1, 8).

9. Уже упоминавшаяся инталья Херсонесского заповедника с несохранившейся левой верхней частью и продольной трещиной отличается условностью, схематизмом и небрежностью резьбы (рис. 1, 9).

10. Овальный выпуклой формы сердолик из ГИМ (инв. № 25759) несет изображение Гермеса, стоящего в $\frac{3}{4}$ (рис. 1, 10).

11. Другой овальный сердолик несколько меньшего размера (инв. № 32237), тоже хранящийся в ГИМе, имеет такое же изображение (рис. 1, 11).

Изображение Гермеса становится особенно популярным в первые века нашей эры. Чаще всего бога изображали в позе, подобной описанной нами, хотя существуют некоторые отличия в деталях: сильнее или слабее согнута нога или рука, больший или меньший поворот головы к плечу, наличие или отсутствие на голове крыльев или крылатого петаса и т. д. Следует отметить небольшие бронзовые статуэтки Гермеса, распространенные в римское время, например в Нижней Мезии, Дакии², в Херсонесе. Все они датируются II—III вв. н. э. В коллекции Херсонесского заповедника имеется известняковый жертвенник с изображением Гермеса и Геракла, найденный в районе пятого надела на Гераклеиском полуострове (инв. № 26/36558). Гермес на этом рельефе, несмотря на диспропорциональность и небрежное исполнение, в основных чертах напоминает изображения на наших геммах. Датируется жертвенник также II—III вв. н. э.³ В разных музеях мира имеется значительное количество античных изображений Гермеса, причем подавляющее большинство скульптур — это мраморные римские копии, сделанные с греческого оригинала. Приведем перечень тех скульптур, которые наиболее близки изображениям на геммах.

1. Мраморная статуя из Ватиканского музея. Бог стоит прямо, правая нога слегка выдвинута, рядом с нею ствол дерева. Опушенная левая рука, через которую переброшен плащ, слегка согнута и держит кадуцей. Верхняя часть плаща восстановлена в новое время, так же как и согнутая в локте правая рука. По мнению автора каталога, в ней должен быть зажат кошель⁴. Голова в крылатом петасе слегка повернута к правому плечу (рис. 2, 1).

2. Мраморная скульптура из Ватикана⁵. Гермес почти в той же позе, ствол дерева помещен слева и сзади, в правой руке кошель (рис. 2, 2).

3. Мраморная скульптура из Берлинского музея. Поза Гермеса похо-

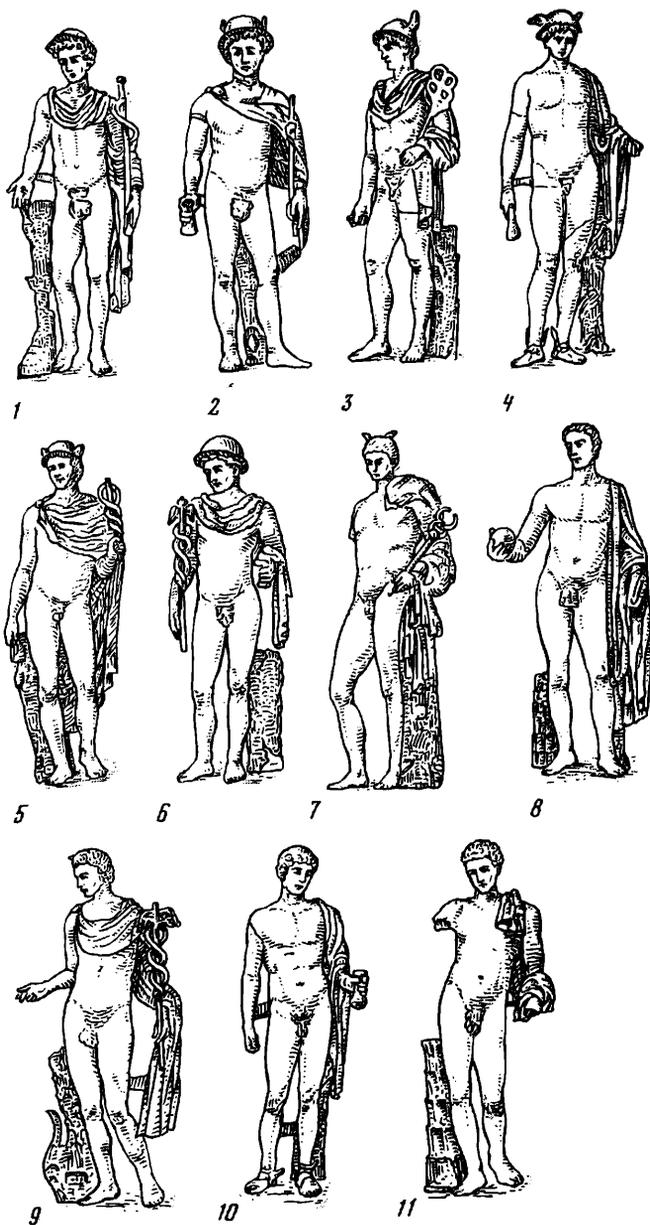

Рис. 2. Изображения Гермеса (1—11)

жа на описанную, но правая рука с кошельком опущена вниз, а левая с переброшенным через нее плащом согнута в локте и держит кадуцей. Ствол дерева у левой ноги свадя, голова в крылатом петасе слегка повернута к правому плечу ⁶ (рис. 2, 3).

4. Скульптура из коллекции этого же музея. Гермес почти в идентичной позе, но плащ наброшен лишь на левый край правого плеча (на предыдущих скульптурах плащ прикрывал оба плеча), а крылышки выполнены и на петасе и на сандалиях ⁷. Ствол дерева у левой ноги (рис. 2, 4).

5. Почти идентична поза статуи Гермеса из Луврского музея ⁸. Отличие лишь в том, что кадуцей крепко зажат в кулаке, в то время как Гермес из Берлинского музея только придерживает кадуцей кистью руки, прислонив его к плечу (рис. 2, 5).

6. Еще одна скульптура Гермеса из ватиканских музеев. Кадуцей в правой опущенной руке, кошель в согнутой левой, плащ на обоих пле-

чах и переброшен через левую руку. Ствол дерева у левой ноги ⁹ (рис. 2, 6).

7. Скульптура Гермеса из Луврского музея с крылышками на кудрявой голове. Кадуцей в левой руке, через которую переброшен плащ, лежащий на левом плече, правая рука утрачена. Ствол дерева у левой ноги ¹⁰ (рис. 2, 7).

8. Мраморная скульптура из Мюнхенской глиптотеки. Левое плечо и рука покрыты плащом, пальцы левой руки сложены так, как будто придерживают кадуцей. Правая рука, согнутая в локте, держит шар, но здесь скульптура повреждена. Она дополнена в новое время. Скорее всего, в оригинале в руке был зажат кошель. Ствол дерева у правой ноги ¹¹ (рис. 2, 8).

9. Мраморная скульптура из Ватикана. Плащ задрапирован вокруг шеи, закрывает левое плечо и переброшен через левую руку, держащую кадуцей. Кошель в правой, согнутой руке отсутствует, но, несомненно, был, судя по тому, как сжата кисть. Ствол дерева у правой ноги ¹² (рис. 2, 9).

10. Скульптура из Берлинского музея. Плащ на левом плече, закрывает до локтя согнутую руку, держащую кошель, правая рука опущена вниз и слегка сжата. На ногах крылышки, ствол дерева у левой ноги ¹³ (рис. 2, 10).

11. Скульптура из Ватикана. Плащ на левом плече, переброшен через левую руку, кисть которой отсутствует. Правая рука не сохранилась до самого плеча. Ствол пальмы у правой ноги ¹⁴ (рис. 2, 11).

Можно выделить черты, общие для всех рассматриваемых нами скульптурных изображений Гермеса. Это, прежде всего, спокойная статичная поза фронтально стоящего бога, очень легкий наклон или поворот головы к плечу; фигура обнажена, плащ прикрывает только плечо и одну руку или драпируется вокруг шеи на обоих плечах, конец его почти всегда собран и переброшен через руку; одна рука согнута в локте, другая опущена, одна нога немного впереди другой. Одинаковы атрибуты: кадуцей и кошель. Крылышки бывает расположены на петасе, на голове или на сандалиях.

Все эти признаки можно отметить и на изучаемых нами геммах, и мы с определенной уверенностью можем утверждать, что скульптура была источником вдохновения для резчиков по драгоценным камням.

Античные скульпторы, копировавшие классические образцы по чьему-либо заказу или по собственному желанию, далеко не всегда стремились сделать свои работы как можно более точными копиями оригинала. Напротив, большинство мастеров старалось придать некоторые элементы самостоятельности своей работе, изменяя детали и повторяя оригинал только в общих чертах. Наша задача заключается в том, чтобы определить наиболее раннюю авторскую работу, несущую в себе все те основные признаки, которые характерны для всей группы описываемых скульптурных изображений Гермеса.

Авторство одной из упомянутых скульптур (авторство бронзового оригинала, а не мраморной копии) было установлено О. Ф. Вальдгауэром. Эта статуя описана выше под номером 9. О. Ф. Вальдгауэр убедительно доказал, что эта мраморная римская копия выполнена с бронзовой статуи Мирона. Скульптура Мирона самая ранняя из изображений стоящего Гермеса с кошелем и кадуцеем. Позднейшие копии были выполнены либо в виде торса или фигуры в стиле другого скульптора или в стиле своей эпохи, но общий вид скульптуры повторял произведение Мирона.

При внимательном рассмотрении группы гемм-инталей с изображением Гермеса, которые являются предметом нашего изучения, можно обнаружить и в них комплекс общих признаков, позволивших выделить в единую группу статуи стоящего Гермеса с кошельком и кадуцеем. Следовательно, и инталей имели своим далеким прообразом скульптуру Мирона.

¹ *Venedikov I., Todorov N. Prehistoric and antique reliefs in Bulgaria. Sofia, 1973, fig. 107.*

² *Irimia M. Bronsuri figurate. Constanta,*

1966, p. 15, N 6, p. 17, 18, N 8.

³ *Античная скульптура Херсонеса. Киев, 1976, с. 33, табл. 39, № 66.*

⁴ *Amelung W. Die Sculpturen des Vati-*

- canischen Museum. Berlin, 1908, I, s. 85—86; II, Taf. 8, 34.
- ⁵ *Amelung W.* Die Sculpturen... II, taf. 29, 102.
- ⁶ Beschreibung der antiken Sculpturen Königliche Museen zu Berlin. Berlin, 1891, S. 85—86, N 198.
- ⁷ Beschreibung der antiken Sculpturen... S. 85, N 196.
- ⁸ *Менар Рене.* Мифы в искусстве старом и новом. СПб., 1899, с. 144, рис. 183.
- ⁹ *Amelung W.* Die sculpturen, II, Taf. 75, 589.
- ¹⁰ *Менар Рене.* Мифы в искусстве..., с. 145, рис. 184.
- ¹¹ Ein Hundert Tafeln nach den Bildwerken der KGL. Glyptothek zu München herausgegeben von A. Furtwängler. München, 1903, Taf. 65.
- ¹² *Amelung W.* Die sculpturen..., II, Taf. 61, 417.
- ¹³ Beschreibung der antiken Sculpturen... S. 86, N 129.
- ¹⁴ *Amelung W.* Die Sculpturen..., II, Taf. 12, 53; *Вальдгауэр. О. Ф.* Мирон. Берлин, 1923, с. 28, 29, табл. XVII.

А. А. МАСЛЕННИКОВ, О. Д. ЧЕВЕЛЕВ

ОХРАННЫЕ РАСКОПКИ НА НОВО-НИКОЛАЕВСКОМ ГОРОДИЩЕ

Западнее Керчи, к северу от шоссе Керчь — Феодосия, на естественном холме находится городище площадью около 1,5 га. С севера, востока и юго-востока к нему примыкают пять зольных холмов. Оно расположено почти в центре Керченского полуострова и лежит непосредственно на изгибе древнего так называемого Узунларского или Аккосова вала, служившего оборонительной линией и в античную эпоху.

В ясную погоду с городища отчетливо просматривается на северо-западе и севере Казантипский мыс, Азовское море и гора Сююрташ, на востоке — холмы Тосуновского и Михайловского городищ и плоская вершина горы Опук близ Киммерика на юге.

Безусловно, городище занимало видное, если не узловое, место во всей системе обороны европейской стороны Боспора. В 1901 г. поблизости от городища вблизи западной стороны вала был найден обломок мраморной плиты с надписью II — первой половины III в. о сооружении города Савроматия. От названия города сохранились лишь первые четыре буквы, но А. И. Доватур убедительно аргументирует возможность восстановления названия города как Савроматий и правомерность связи его с боспорским царем Савроматом II (173—210 гг.)¹.

В 1940 и в 1951 гг. вал и городище обследовала Боспорская экспедиция². В 1962 г. экспедицией под руководством И. Т. Кругликовой там были проведены небольшие раскопки разведочного характера, при этом городище названо Ново-Николаевским по имени современного близлежащего села³. Были вскрыты только верхние слои II—III вв. н. э. на двух площадях по 25 кв. м.

В 1978—1980 гг. городище обследовалось Восточно-Крымской экспедицией под руководством автора. Было установлено, что при прокладке водопровода от водохранилища до с. Горностаевка к востоку от городища и в 6 м к югу — юго-западу от смотрового колодца водопровода была частично разрушена винодельня.

При охранных раскопках ее в 1980 г. на глубине 0,3—0,2 м были расчищены остатки плохо сохранившейся давяльной площадки (рис. 1). Длина ее 2,73 м, уцелевшая ширина — 1,1 м. Удалось проследить, что на слой щебенки и мелких камней дважды наносилось цементное покрытие.

С востока к площадке примыкала цистерна А 0,51 × 0,4 × 0,63 м с отстойником в западной части, покрытая тремя слоями цемента. Верхняя часть ее надстроена плитами из тесаного известняка и не сохранила следов цементной обмазки. Цистерна была завалена камнями и темно-коричневым грунтом, носившим явные следы пожара. Находки из цистерны (главным образом обломки амфор) датируют ее II—III вв. н. э.

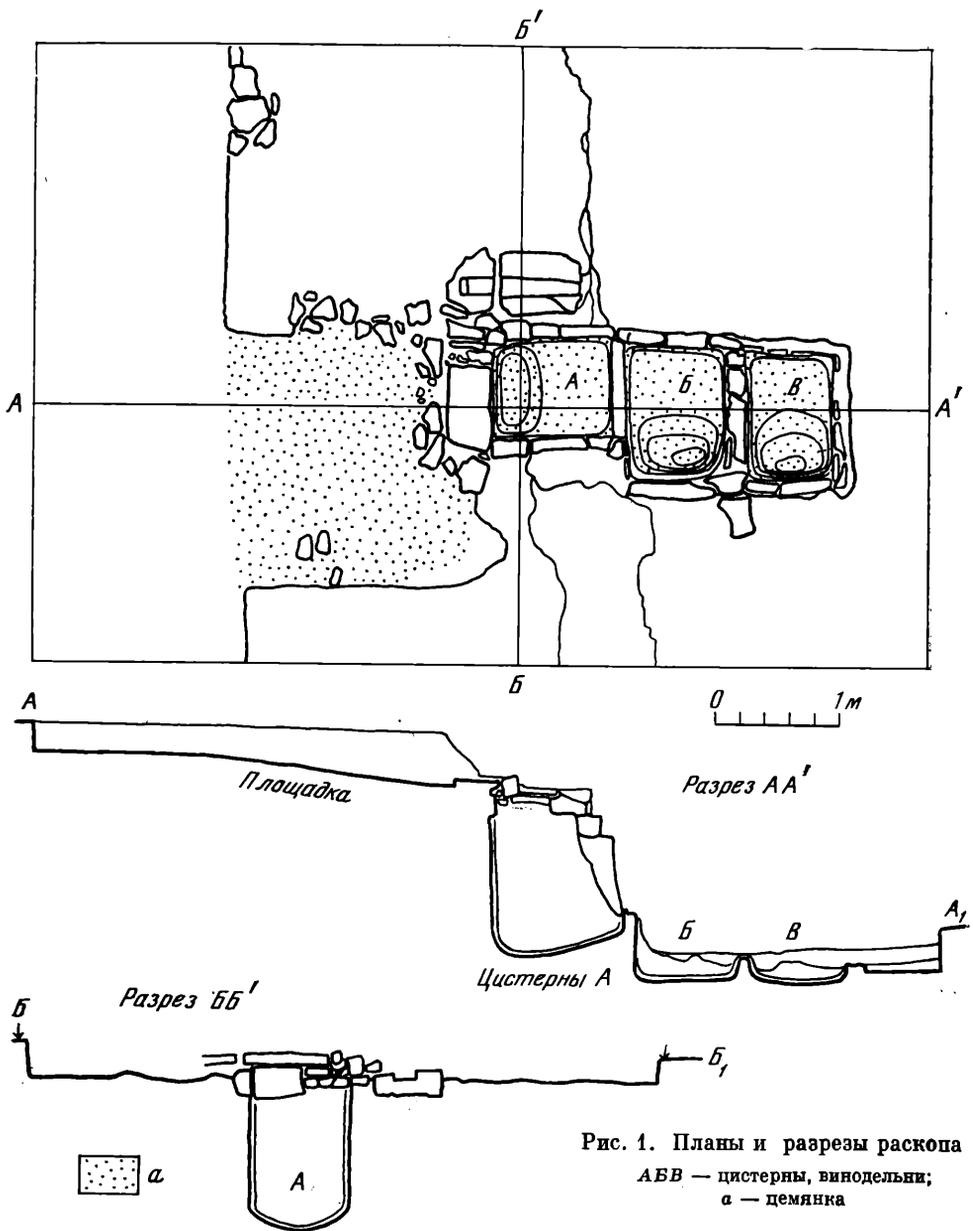

Рис. 1. Планы и разрезы раскопа
 АВВ — цистерны, винодельня;
 а — цемянка

Вдоль северного борта цистерны лежали два плотно пригнанные друг к другу известняковых слива. С юга также имелся слив, отмеченный во время разведок 1978 г. С востока к цистерне А пристроены еще две цистерны Б и В с отстойниками в южной части. Они разрушены почти до дна и сохранились в высоту на 0,1—0,3 м. Каждая из них покрыта одним слоем цемянки.

По-видимому, вначале была построена площадка и цистерна А, сложенная из больших тесаных плит известняка. Слив, видимо, вел с площадки. Затем винодельня перестраивается. Восточная стенка цистерны А сдвигается, в результате чего ее объем уменьшился. Цистерна и площадка покрывается вторым слоем цемянки. Одновременно пристраиваются цистерны Б и В, сложенные из таких же плит. Для них, возможно, были сооружены несохранившиеся отдельные площадки. Цистерна А покрывается еще одним слоем цемянки.

В дальнейшем винодельня, по крайней мере цистерна А, уже не соответствует своему прямому назначению. Убирается слив, ведущий в нее

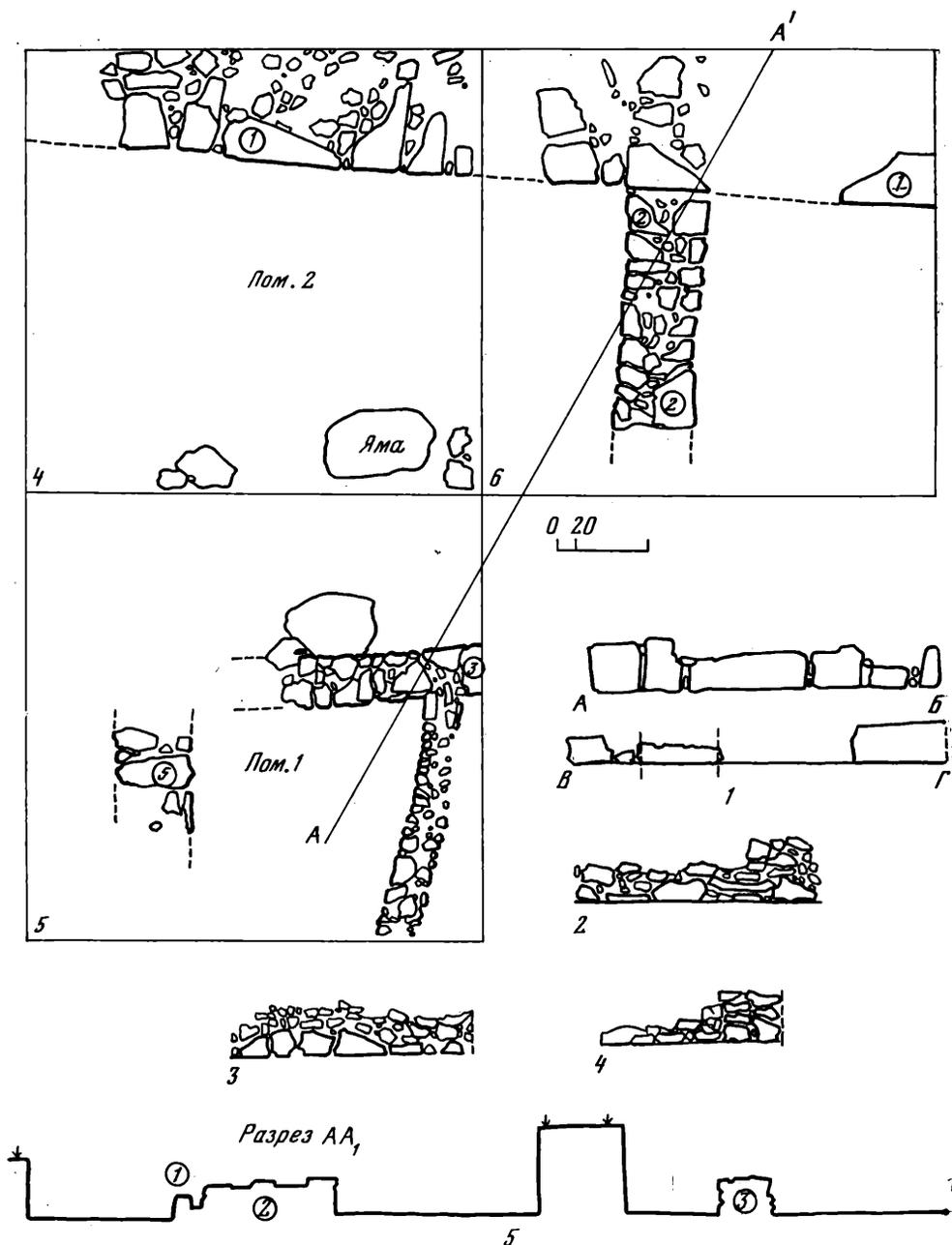

Рис. 2. План раскопа II

1 — фас стены 1; 2 — фас стены 2; 3 — фас стены 4; 4 — фас стены 3; 5 — разрез по линии AA₁.

с площадки. Обломанный верхний край цистерны надстраивается тесаными плитами. Сливы укладываются справа и слева вдоль цистерны А. Характер этих перестроек не ясен. Окончательно винодельня гибнет во время пожара не позднее III в. н. э.

Одновременно в северном углу городища в ложбине у грунтовой дороги, ведущей в с. Ново-Николаевку, был разбит раскоп площадью 75 кв. м. Здесь было несколько свежих ям диаметром от 0,5 до 3 м. Возле одной из них лежал крупный тесаный известняковый блок.

Раскоп показал, что на материковом слое — предскальной щебенке — было сооружено основание оборонительной стены, наружные стороны ко-

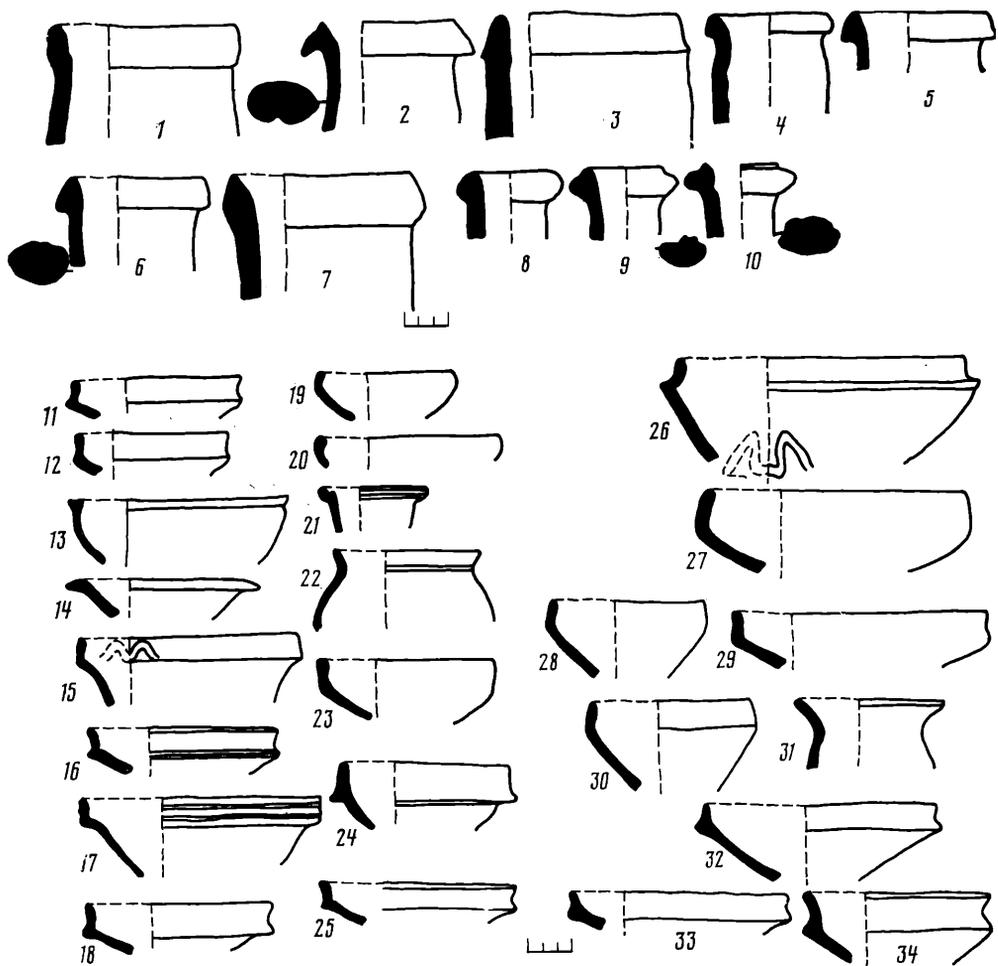

Рис. 3. Керамика из раскопок городища
1—25 — гончарная; 26—34 — лепная

торой сложены из крупных тесаных блоков известняка, пространство между ними забутовано мелкими и средними камнями, от стены сохранился лишь частично всего один ряд кладки (рис. 2). Хорошо прослеживается траншея выборки камней стены в новейшее время. Судя по ней и по сохранившимся участкам, ширина стены была 2,1—2,2 м. Следуя рельефу местности, стена поднималась с запада на восток. В связи с этим при строительстве помещений, примыкающих к внутреннему фасу стены, проводилась необходимая нивелировка или подсыпка грунта.

Так, на одном из участков слой подсыпки из плотной темно-коричневой глины имел толщину 0,3—0,5 м. В ней найдено довольно много обломков амфор⁴, в том числе светлоглиняных узкогорлых и широкогорлых боспорских со сложнопрофилированными ручками, венчик итальянской амфоры с клеймом и др. Почти нет стенок реберчатых амфор, встречаются фрагменты краснолаковых (рис. 3, 11—13, 19, 20) и лепных сосудов (рис. 3, 27—29). Найдена каменная крышка от пифоса.

Этот слой относится, по-видимому, ко времени строительства городища — ко второй половине II в. н. э.

К оборонительной стене были пристроены хозяйственные помещения. Помещение I с востока было ограничено стеной 4, которая, судя по незначительной толщине и неровной кладке, была внутренней перегородкой. Сложена она из мелких камней на глине. Лишь в основании ее лежали более крупные камни. С севера помещение замыкалось стеной 3, сложен-

ной впереплет, со стеной 4. Толщина ее 0,6 м, характер кладки более основательный, чем у стены 4. Западная стена помещения почти полностью выбрана в недавнее время. Толщина ее была не менее 0,8 м. Помещение погибло в пожаре и было завалено слоем камней и золистого грунта толщиной 0,5—0,6 м. В нем много фрагментов амфор II—III вв. н. э., а также лепной и простой тонкостенной посуды (рис. 3, 1—10, 26).

Помещение II со стенами 1, 2, 3. Западная стена не сохранилась. Пол помещения из плотной глины, а вдоль оборонительной стены — из слоя известняковой крошки, толщиной 0,1—0,15 м. Помещение II, так же как и первое, засыпано золистым грунтом с камнями и керамикой. Встречены обломки светлоглиняных узкогорлых и широкогорлых боспорских амфор, красноглиняной тонкостенной, лепной и краснолаковой посуды, в основном тарелки и чашки (рим. 3, № 14—18, 20—25, 30—31). Обращают на себя внимание два крупных обломка соленов из плотного известняка, свидетельствующие о наличии на городище какого-то монументального здания.

У стены 3 расчищен завал керамики, среди которой было не менее двух светлоглиняных узкогорлых амфор II—III вв. н. э.⁵, широкогорлая розовоглиняная боспорская (того же времени) и небольшой пифос.

Найдено также несколько фрагментов лепных сероглиняных чашек с бурым лощением, подражавших формам краснолаковой посуды⁶.

Раскопки на данном участке позволяют предположить, что большая лощина в северной части городища образовалась относительно недавно в результате массовой выборки камня для близлежавшей деревни.

Таким образом, проведенные раскопки подтверждают высказанное предположение об основании поселения, отождествляемого с городом Савроматием во второй половине II в. н. э. Там нет находок конца III—IV в. н. э., однако установить твердую дату пожара и разрушения городища пока не представляется возможным. Впрочем, очень вероятно, что гибель Савроматия, как и целого ряда других поселений и городов европейского Боспора, относится к 60—70-м годам III в. н. э.

¹ ИАК, 1902, вып. 3, с. 50, № 16; *Доватур А. И.* Опыт восстановления надписи.— ИАК (1902), 3, с. 50, № 16; ВДИ, 1961, 1, с. 51; КБН, М., 1964, с. 550, 551, № 970.

² МИА, 1952, № 25, с. 10; КБН, с. 551.

³ *Кругликова И. Т.* Боспор в позднеантичное время. М., 1966, с. 84; *Она же.* Сельское хозяйство Боспора. М., 1975, с. 6, 16 и 269.

⁴ Некоторые типы амфор близки, хотя и не идентичны типам, имеющимся в сводке И. Б. Зеест. См.: *Зеест И. Б.* Керамическая тара Боспора.— МИА, 1960, 83, табл. XXX, № 73е, XXXIV, № 83г, XXXVII, № 91, Отмечено несколько типов амфор, не вошедших в свод И. Б. Зеест (см. рис. 3, 1—3, 7).

⁵ *Зеест И. Б.* Керамическая тара... табл. XXXVII, № 91; *Шелов Д. Б.* Узкогорлые светлоглиняные амфоры первых веков н. э. Классификация и хронология.— КСИА, 1978, вып. 156, с. 18, тип С, рис. 6.

⁶ «Краснолощенная» лепная керамика встречается главным образом в районе мыса Казантип (см.: *Кругликова И. Т.* Боспор в позднеантичное время, с.

138—140; *Она же.* Раскопки поселения у дер. Семеновки.— В кн.: *Поселения и могильники Керченского полуострова* начала н. э. М., 1970, с. 20, рис. 13, 3, 7; с. 23, рис. 15, 4; с. 27, рис. 18, 5; с. 29, рис. 21, 2—6 и т. д.; *Она же.* Сельское хозяйство Боспора, с. 105, примеч. 174). Изредка попадает она в Илурате, а также на мысе Зюк и на других поселениях побережья Азовского моря в слоях II—III вв. н. э. И. Т. Кругликова считает краснолощенное покрытие подражением красному лаку, а формы сосудов и технику покрытия сосудов красной краской и лощением связывает с традициями какого-то сарматского населения, обитавшего в этом районе. Думается, что подражание формам распространенной в это время краснолаковой керамики говорит о том, что изготовление лепной «краснолощенной» посуды было вызвано не столько этническими причинами, сколько перебоями в торговле, «веяниями моды», а может быть, просто бедностью жителей окраинных районов Боспора.

ИЗОБРАЖЕНИЯ ВСАДНИКА И КОНЯ ИЗ ИЛУРАТА

Хорошая сохранность жилых и оборонных сооружений илуратского городища¹ дает возможность изучать на материалах раскопок Илурата вопросы боспорского градостроительства, оборонного зодчества и особенно планировки жилых домов. Особую трудность представляет определение функций помещений жилого дома, в том числе наиболее значительного помещения илуратского дома, в котором наряду с хозяйственными ларями, вместительными ямами-зернохранилищами, ступами и печами, как правило, располагаются кормушки для домашних животных разнообразных типов. Такое помещение обычно характеризуется как жилое и хозяйственное, при этом в хозяйственную функцию включается и содержание в нем домашнего скота. Исследования последних лет позволили выявить наличие двухэтажных флигелей, как правило, во всех домовладениях. Наличие ям-зернохранилищ и кормушек в большом нижнем помещении двухэтажного флигеля приводит нас к убеждению, что главное хозяйственное помещение дома не было жилым. Окончательному решению вопроса о назначении этой части дома способствуют частные находки на илуратском городище изображений лошадей, исполненных в различных материалах и технике, обнаруженные в домах и на мостовых улиц.

Одной из наиболее примечательных находок этого рода является крупная известняковая плита (60 × 30 × 25 см), происходящая с V Центрального участка. Эта плита, вероятнее всего находившаяся в кладке стены дома, была найдена на мостовой Большой поперечной улицы. На ее лицевой стороне, т. е. на той ее поверхности, которая была обращена в сторону улицы, хорошо видно изображение лошади, исполненное острым предметом (рис. 1). В отдельных частях рисунка углубление контурной линии достигает 3 мм, в целом же глубина линии, передающей изображение, не глубже 1,5—2 мм, а при передаче нижних частей ног лошади сходит на нет. Изображена лошадь, по-видимому, несущаяся вскачь, в момент, когда, опираясь на задние ноги, она делает прыжок вперед. Рисунок схематичен, хотя условным его назвать нельзя. Следует учесть и характер материала — твердый мшанковый известняк, и то орудие, которым было исполнено изображение, скорее всего острие ножа с коротким толстым клинком. Несмотря на верный глаз и известное мастерство художника-непрофессионала, изображение удалось не везде. Уши коня получились слишком длинными, а передняя часть морды неестественно приподнята кверху. Однако следует отдать должное наблюдательности художника, оставившего нам рисунок коня с определенно выраженным экстерьером — с маленькой головой, мощной шеей и крупом, поджарого коня с длинными тонкими ногами. В данном изображении, украшавшем стену одной из главных илуратских улиц, для нас особенно важен не уровень профессионализма художника, а непосредственность его наблюдений и точность их воспроизведения. Очевидно, наделенный склонностью к изобразительному творчеству, житель Илурата высек на стене одного из домов наиболее характерный для городской жизни сюжет — верхового коня. Таких коней илуратский художник мог видеть и на городских улицах, и в окружающих город степях. Изображение, занимающее среднюю часть плиты, сравнительно невелико: высота коня от верхней части головы до копыт — 23 см, длина от развевающегося в беге длинного хвоста до вытянутых передних ног — 25 см.

На этой же плите в левом верхнем углу удалось обнаружить процарапанное острым предметом еще одно изображение (рис. 1). Рисунок небрежный, чрезвычайно схематичный, чувствуется рука менее искусного резчика. По-видимому, кто-то другой решил к ранее высеченному на стене изображению коня добавить еще трех лошадей. В целом получился

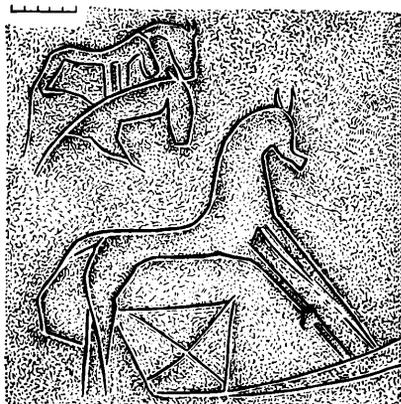

Рис. 1. Плита с изображениями лошадей

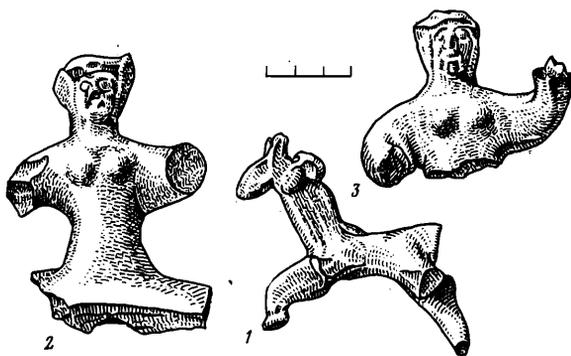

Рис. 2. Терракотовые поделки
1 — фигурка лошади; 2, 3 — фрагментированные фигурки всадников

плоскостной рисунок передней части одного коня: крупной головы с шеей, а над ним — меньших размеров полное изображение лошади, в котором обозначена голова утяжеленных очертаний на толстой шее, непропорционально крупная по отношению к узкому удлинённому туловищу. Процарапаны две передние ноги и одна задняя, хвост не обозначен. Сбоку от этого изображения проступает крупная голова третьей лошади. Изображение всей группы занимает небольшую площадь: 13 × 12 см.

С изображением лошадей на каменном блоке перекликается терракотовая фигурка лошади, грубо вылепленная от руки, очевидно, на месте — в Илурате (рис. 2, 1). Длина статуэтки 5 см, высота — 6 см. Сохранились две правые ноги, обе левые ноги и хвост отбиты. Судя по статуэтке, вылепивший ее илуратец в качестве модели имел перед собою верховую лошадь с небольшой головой на длинной шее, поджарую, с длинными ногами. Статуэтка представляет лошадь, летящую в стремительном беге. На холке возле головы — опоясывающий грубый налест, который, по-видимому, может свидетельствовать о неосуществленном намерении изобразить и всадника, погоняющего коня. По краям налеста едва видимыми неглубокими бороздками обозначены пальцы обеих рук.

Терракотовые изображения всадников, исполненные от руки в грубой технике лепки, в различных вариантах широко распространяются на Боспоре в начале нашей эры. М. М. Кобылина связывает появление данного сюжета в боспорской коропластике с усилившейся сарматизацией культуры Боспора ².

В фрагментированном виде фигурки всадников встречены и в Илурате ³. Одна из терракот высотой 8 см, выделенная из буровато-красной боспорской глины, представляла собой, по-видимому, воина, сидящего на коне (рис. 2, 2). Фигурка коня не сохранилась. У всадника утрачены руки и ноги. По-видимому, изображен воин в довольно длинном панцире. Детали одеяния не проработаны. На голове всадника плоский круглый головной убор, возможно плем. Лицо с хорошо обозначенными скулами, подбородком, выпуклыми глазами и орлиным носом, слегка отбитым, характерно для моделировки лиц в коропластике первых веков н. э.

Вторая статуэтка (рис. 2, 3), вылепленная из более светлой зеленовато-желтой глины, идентична описанной выше. Фигурка всадника сохранилась погрудно, правая рука отбита, у левой отсутствует кисть.

Несомненно, фигуркам всадников принадлежат и обломки двух грубо вылепленных ног, согнутых в коленях. У одной из ног сохранилась обутая в сандалию ступня с завязкой у щиколотки и ремнями на подъеме ступни, переданными в виде углублений. От другой ноги сохранились бедро всадника и часть голени до щиколотки. Обе ноги, найденные совместно, вылепленные из серой глины с примесью шамота, покрытые желтой охристой краской, принадлежали одной статуэтке.

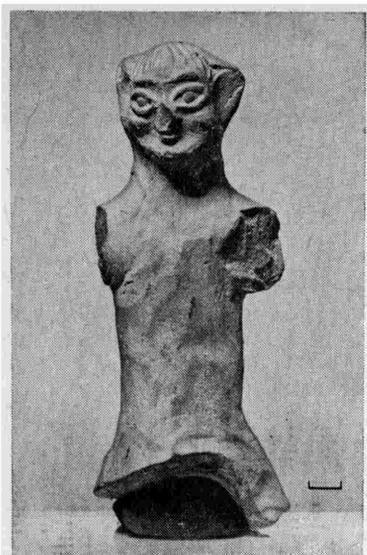
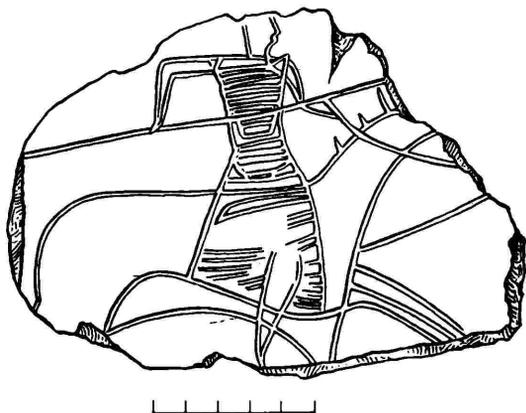

Рис. 3. Глиняная фрагментированная статуэтка всадника

Рис. 4. Процарапанное по штукатурке изображение катафрактария

Из Илурата происходит еще одна статуэтка всадника, высотой 13 см, с отбитыми руками. Фигура коня не сохранилась. Статуэтка вылеплена из хорошо отмученной глины желтоватого цвета. В нижней дугообразно вогнутой части статуэтки, на уровне бедер, видны остатки металлического стержня, при помощи которого всадник крепился на спине лошади. Лицо всадника выделяется резко обозначенными скулами, запавшими щеками и крупным орлиным носом. Величина глаз усилена массивными обрамляющими их валиками. Волосы начесаны на глаза и на непомерно большие уши (рис. 3).

Изображения всадников в боспорской короoplastике связаны как со значительными этническими переменами, прежде всего с проникновением сарматов в среду местного населения, так и с увеличением значения конницы в армии Боспора. Известна деградация искусства Боспора в начале нашей эры, одним из проявлений которой, помимо отступления от канонов, было упрощение техники передачи изображений. Как проявление этого процесса было освобождение короoplastов от традиции короoplastики предшествующих эпох и приобретение ими полной свободы в изображении окружающей их действительности. Непосредственность наблюдений, точность передачи не в технике воспроизведения, а в самом характере сюжетов делает грубые и примитивные изделия боспорских керамистов первых веков нашей эры ценными объектами информации.

Несомненно, часть фигурок сделана на месте. Изображения лошадей и всадников — это отражение жизни города, подтверждающие военный характер поселения, в котором роль конницы была значительна. Об этом красноречиво свидетельствует находка граффито на штукатурке в одном из домов центральной части городища. На красной поверхности обломка штукатурки, сложенного из двух меньших кусков, отчетливо проступает процарапанное острым предметом изображение (16 × 11,5 см) скачущего на коне всадника (рис. 4). Верхняя часть головы всадника, голова и ноги коня не сохранились⁴. В основной же части рисунок сохранился настолько хорошо, что можно рассмотреть тонкую и сильную шею коня, поджарый круп, тонкие ноги верховой лошади. Всадник держит в правой руке весьма длинное копьё, приподнятое кверху над головой коня. Всадник изображен скупыми линиями. На профильном изображении лица обозначен только нос в виде крупного треугольника. Правая рука, держащая копьё, передана двумя линиями, кисть руки не проработана. Левая рука, натянувшая повод коня, также изображена двумя линиями от плеча до локтя, а от локтя до запястья — одной короткой линией. Двумя линиями

обрисована правая нога, слегка согнутая в колене, от бедра выступающая из прорези одеяния. На всаднике надето длинное, едва ли не доходящее до щиколоток, расширяющееся от пояса одеяние, прочерченное сверху до низу горизонтальными линиями. По-видимому, всадник одет в длинную панцирную рубашку — катафракту. Катафракта процарапана обобщенно: изображены только 30 рядов пластин, сами же пластины не прорисованы. Не следует, естественно, ожидать, что граффито, сделанное жителями Илурата на стене своего жилища, обязательно должно содержать подробную разработку сюжета. Отметим мастерство, с которым художник лаконично и вместе с тем выразительно изобразил коня и катафрактария. Подобный рисунок был нанесен на стену илуратцем не в целях украшения, а как нередко делаются граффито — под влиянием минуты. Именно это и придает данному изображению документальную ценность: художник изобразил то, что было предметом его каждодневных впечатлений.

В составе боспорского войска катафрактарии появляются с начала нашей эры, приобретая наибольшее значение во II в. н. э. и позднее⁵. Катафрактарий мог быть сарматом, из числа живших на Боспоре, в особенности в его «азиатской» части, а также боспорским греком или эллинизованным скифом. Особо отметим, что в снаряжении тяжелой конницы катафрактариев важная роль отводилась верховой лошади, способной выдержать вес всадника с его тяжелым вооружением, а также броню, порою оборонявшую и коня. В. Д. Блаватский отмечал, что в связи с применением вооружения катафрактариев стали необходимыми «разведение и объездка рослых коней»⁶. Ю. М. Десятчиков высказал предположение об использовании для войска катафрактариев лошадей среднеазиатской породы, известных с глубокой древности⁷. Сделанный им анализ изображений лошадей на боспорских надгробных стелах, а также в росписи склепа Анфестерия убеждает в существовании на Боспоре особой породы лошадей — рослых, тонконогих с прямой линией спины и маленькой головой.

Изображения лошадей в Илурате, открытые на Центральном участке, исполненные городскими жителями, демонстрируют нам именно этот тип лошади — крепкого рослого скакуна с грациозным абрисом туловища и головы.

Бесспорно, что в Илурате изображения лошадей, терракотовые фигурки всадников и в особенности изображение катафрактария отражают реальный быт этого боспорского города в III в. н. э. В числе находок костей домашних животных кости лошади занимают одно из ведущих мест⁸. Однако порода лошади по костным материалам пока не изучена. Изображения верховых лошадей в Илурате показывают, что там были скаковые кони. В числе воинского контингента, состоявшего из жителей города, определенное подразделение составляли катафрактарии. В. Д. Блаватский отмечает, что обладать дорогим вооружением катафрактария было по средствам только состоятельным лицам⁹. К этому следует присоединить и очень высокую стоимость верхового коня. Таким образом, существование в Илурате катафрактария с дорогостоящим вооружением позволяет сделать вывод о наличии в этом городе состоятельной прослойки жителей. Это подтверждается также анализом жилых построек.

Дата изображения относится к тому времени, когда в Илурате, начиная с рубежа II—III вв. н. э. наблюдается процесс укрупнения домовладений в восточной части города. И вместе с тем в западных кварталах продолжают существовать небольшие дома, состоящие из одного жилого помещения и дворика. Здания в этих кварталах отличаются простотой планировки и однородностью, тогда как здания восточных кварталов — все двухэтажные и с несколькими помещениями, оштукатуренными красной штукатуркой, а в ряде случаев облицованы темно-зеленой каменной плиткой. Не останавливаясь подробнее на характеристике типов илуратских жилых домов, отметим, что в III в. мы наблюдаем нарастание социальной дифференциации среди илуратских жителей. В первые же полтора столетия

существования население города было однородным по составу, о чем свидетельствует реконструкция плана Илурата раннего периода.

В 1980 г. на Центральном участке было открыто большое хозяйственное помещение «ЭЧ» (7 × 6 м), в котором, помимо ямы-зернохранилища, двух больших ларей-загородок и печи, оказалась поилка, выдолбленная из крупного известнякового блока, а возле нее — каменная плита с отверстием-коновязью. Высота поилки 0,75 м. Использование этой поилки для крупного рогатого скота и даже для низкорослой рабочей лошади исключается. Подобной поилкой мог пользоваться только рослый верховой конь. Через все помещение от поилки проходил выложенный из камней сток, отводивший нечистоты за пределы помещения таким образом, чтобы они не проникли в яму-зернохранилище у северо-восточной стены помещения. Вместе с тем осмотр помещения убеждает в том, что пройти сквозь дверной проем в помещение со двора, расположенного на более высоком уровне, по ступеням лестницы могло только животное, хорошо владеющее своим телом. Из крупных домашних животных это мог быть только верховой конь. При этом следует учесть, что верховые лошади, в особенности породистые, поступающие, как полагают, в Северное Причерноморье из Средней Азии, представляли для их владельцев огромную ценность. Такие верховые лошади были предметом особых забот, весьма чувствительны к холоду и содержались в помещениях в пределах города ¹⁰.

Таким образом, большие хозяйственные помещения в илуратских домах, помимо их основной функции — хранение зерна, припасов, хозяйственного инвентаря, приготовление пищи (в таких помещениях всегда есть печь), — использовались для содержания в них верховых лошадей, если таковые имелись в хозяйстве домовладельцев. В этих помещениях в холодное время года укрывался молодой домашний скот. Вместе с тем большие хозяйственные помещения не использовались для жилья.

¹ Гайдукевич В. Ф. Илурат: Итоги археологических исследований 1948—1953 гг. — МИА, 1958, № 85, с. 9 сл.; *Surgaiia J. Iloraton, Zeitschrift für Archäologie*, 1974, 8, S. 109.

² Кобылина М. М. Терракотовые статуэтки Пантикапея и Фанагории. М., 1961, с. 169.

³ Инв. №№ И/53—111; И/76—23, 24; И/70—10 (*Шургая И. Г.* Раскопки в юго-западной части Илурата в 1966 и 1968 гг. — КСИА, 1970, вып. 124, с. 68, рис. 2; *Surgaiia J. Iloraton*, S.109, Abb. 7, 2.).

⁴ Инв. № И/80—108.

⁵ Блаватский В. Д. Очерки военного дела в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1954, с. 141; *Десятчиков Ю. М.* Катафрактарий на надгробии Афения. — СА, 1972, № 4, с. 71.

⁶ Блаватский В. Д. Очерки военного дела..., с. 115.

⁷ Десятчиков Ю. М. Катафрактарий..., с. 75—77.

⁸ Гайдукевич В. Ф. Илурат, с. 143.

⁹ Блаватский В. Д. Очерки военного дела..., с. 115.

¹⁰ Ковалевская В. Б. Всадник и конь. М., 1977, с. 138.

Т. М. АРСЕНЬЕВА

РАСКОПКИ ТАНАИСА В 1977—1980 ГГ.

Систематические исследования древнего Танаиса проводятся Нижне-Донской экспедицией Института археологии АН СССР и Ростовского областного музея краеведения с 1955 г. В 1977—1980 гг. работы производились на основном четырехугольнике городища и на курганном некрополе: последние работы были вызваны разрушением курганов в связи с постройкой дороги и домов к северо-западу и северо-востоку от городища ¹. Исследования на городище были сосредоточены на трех уже ранее раскапывавшихся участках IV, VI, и XIV ².

Основным участком работы был раскоп VI, вытянутый с запада на восток и переходящий на востоке в раскоп XIV. Работы на нем велись на двух участках — западном и восточном. Разделяла их траншея, про-

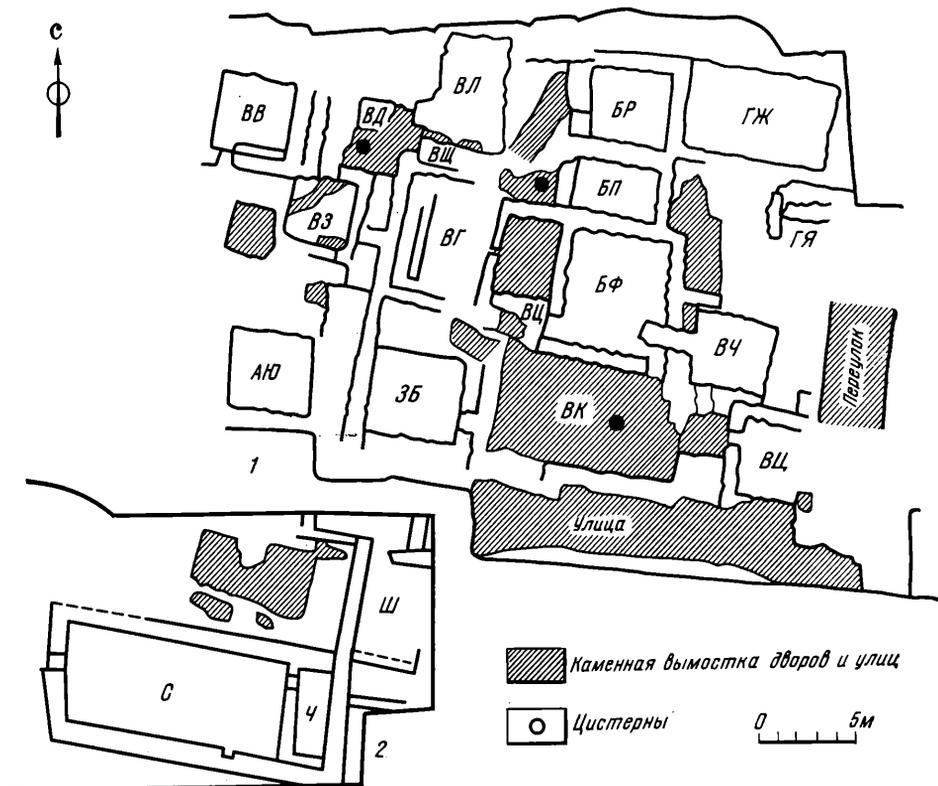

Рис.1. План раскопок

1 — раскоп VI, план сооружений III в. н. э., западную часть раскопа см.: КСИА, 1975, вып.143, с. 41, рис. 3; 2 — раскоп XIV, план сооружений III в. н. э., западную часть раскопа см.: КСИА 1978, вып. 156, с. 97, рис. 3

ложенная П. М. Леонтьевым еще в середине XIX в. и пересекавшая раскоп с северо-северо-запада на юго-юго-восток³. Траншея имела различную ширину и глубину и в пределах раскопа почти нигде не доходила до материка, поэтому ниже ее дна сохранился культурный слой и остатки строительных сооружений.

На западном участке раскопа раскрывались городские кварталы II—III вв. н. э., разрушенные во время разгрома города в середине III в. н. э. племенами гоцкого союза (рис. 1, 1). Только на отдельных участках расчищались строительные остатки и более раннего времени. Верхние постройки конца IV — начала V в. н. э. здесь были исследованы в предыдущие годы.

Вдоль южного борта западной части раскопа было выявлено и частично расчищено полотно широтной улицы II—III вв. н. э. (рис. 2, 6). Прослеженный участок улицы составляет в длину около 20 м, ширина улицы 2,5 м. При расчистке установлено, что существовало не менее трех подмостков полотна, образованных из глиняной трамбовки и мелких и средних камней. Нижняя подмостка лежит на эллинистическом слое с керамической подсыпкой. Поэтому можно думать, что и в раннее время на этом участке проходила улица. В IV в. н. э. на полотно улицы заходят отдельные строительные постройки, они значительно суживают улицу, но нигде целиком ее не перекрывают. Поэтому следует предполагать, что улица продолжала функционировать здесь и в IV в. Полотно улицы II—III вв. н. э. лежит на 1—1,2 м выше уровня вымосток дворов и полов наземных помещений того же времени, раскрытых на раскопе. С севера от жилых кварталов улицу ограждает монофасовая стена, пристроенная к

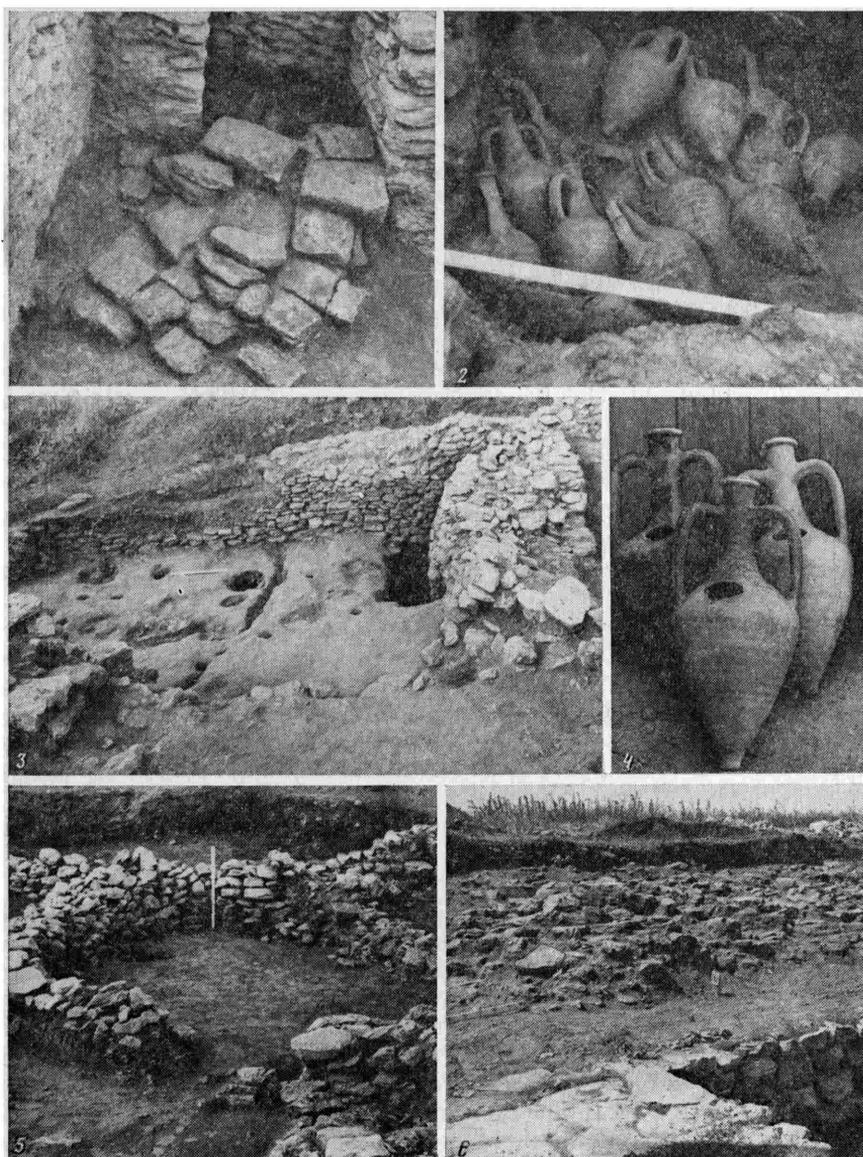

Рис. 2. Танаис

1 — юго-западный угол подвала ВЛ; 2 — амфоры в подвале ВЛ; 3 — помещение ГТ IV в. н. э.; 4 — амфоры II в. н. э.; 5 — помещение ВШ округлой в плане формы; 6 — улица

насыпи улицы (южного фаса стена не имеет). В восточной части улицы расширена мощенная плитами площадка с лестницей, ведущей вниз к жилым сооружениям. Лестница сложена из крупных хорошо подтесанных и подобранных каменных плит, ширина ее 2,5 м. Ступени выводили на небольшую площадку, с которой можно было выйти во двор ВК — на западе, в помещение ВЧ — на севере и в помещение ВЦ — на востоке.

В 1980 г. при расчистке траншеи П. М. Леонтьева был исследован проулок, отходивший от широтной улицы к северу. Направление его север — юг, длина расчищенной части проулка 7 м, ширина 1—2 м. Уровень поверхности его заметно опускается к северу. Проулок датируется первой половиной III в. н. э., вымостка его легла на основание стены эллинистического времени. К сожалению, южный участок проулка, так же как прилегающая к нему часть улицы, был срезан траншеей. На севере проулок доходит до помещения ГЯ первой половины III в. н. э., в значительной степени разрушенного раскопками П. М. Леонтьева.

На западном участке раскопа доследовались подвальные помещения, выявленные в предыдущие годы, и исследовались вновь открытые сооружения. Интересно помещение ВЗ усадьбы 6, выходящее на дворик ВД с цистерной в центре. Предполагалось, что помещение имеет земляной пол, но прокопка его показала, что под помещением находился неглубокий подвал, около 0,80 м глубины. В подвале был расчищен завал светоглиняных амфор первой половины III в. н. э., их было не менее 250 экз., среди них 11 целых. В нескольких амфорах сохранилось обгоревшее зерно. Здесь же находилась и другая керамика. Особенно интересны находки, связанные с производственными функциями. Найдено пять разной формы тиглей-лячек, со следами стеклянного и бронзового шлака на стенках (рис. 4, 5) и бронзовая полая трубочка (длина ее 8 см, диаметр 1 см) с многочисленными отверстиями в стенках, один конец трубочки расплюсчен. Назначение ее не очень ясно, но, возможно, и она была как-то связана с производством. На дне подвала в скальном грунте расчищен водосток, перекрытый каменными плитками и обложенный подтесанными камнями, длина его 2,70 м. Выходил он из западной стенки подвала и уходил под северную стенку. Русло водостока имеет небольшой наклон к северу. Водосток, видимо, доходил до цистерны во дворе ВД. Этот водосток, скорее всего, был предназначен для сбора подземных вод. Такая конструкция подземного водостока выявлена в Танаисе впервые.

К усадьбе 6 относится и раскрытый подвал ВЛ под помещением ВШ тоже с выходом во двор ВД (рис. 2, 1). В подвале в проеме входа было открыто 15 почти целых светлоглиняных амфор (рис. 2, 2). Амфоры, видимо, находились под деревянной лестницей, ведущей в подвал, и потому уцелели. От лестницы сохранились куски деревянных обгоревших плах и гвозди. Кроме амфор, тут же были найдены обломки стеклянных сосудов, жернов и высокохудожественная женская терракотовая головка, относящаяся к более раннему времени, чем все другие находки в подвале (рис. 3, 1). На остальной площади пола обнаружены только небольшие обломки керамики, целых сосудов не было.

Доследовался и подвал ВВ усадьбы 4. Среди находок из него особенно интересны каменная литейная форма для отливки украшений и дно стеклянного квадратного флакона со сложным орнаментом в виде меандра.

Исследовалось помещение ГЖ усадьбы 8, в значительной степени разрушенное траншеей П. М. Леонтьева. В подвале помещения в мощном горелом слое обнаружены самые разнообразные находки: две большие очажные плиты, амфоры, кухонная посуда, лутерий, обломки стеклянных сосудов, лепная курильница, светильники (рис. 4, 4), железный замок, конусовидной формы грузила, лежащие компактной группой, грузила из амфорных ручек, обрывки железной кольчуги, глиняное изделие с вмазанным оплавившимся стеклом (третья такая находка в Танаисе ⁴), большая округлой формы железная мотыга, похожая на мотыгу, найденную у д. Ново-Отрадное ⁵. Особый интерес представляют находки каменной литейной формы для отливки круглых зеркал с петелькой в центре, обломков тигельков-лячек и лепных удлиненной формы сосудов с небольшими ручками у края (рис. 4, 1, 2), явно связанных с какими-то производственными функциями. Продолжались работы по раскрытию большого комплекса сооружений, видимо, общественного назначения. Были исследованы помещения ВЧ с подвалом, помещение ВЦ и помещение ВБ с подвалом.

В подвале ВБ найдено огромное количество керамики. Особенно интересны открытые в нем многочисленные светлоглиняные амфоры с разнообразными надписями на горле и плечиках, нанесенными красной краской. Особо среди светлоглиняных амфор следует отметить семь крупных экземпляров, повторяющих по форме обычный меньший «стандартный» тип.

В помещениях ВЧ и ВЦ, как почти во всех других сооружениях этого комплекса, находок, связанных с хозяйственной деятельностью, было сделано сравнительно немного. Особо необходимо отметить только найден-

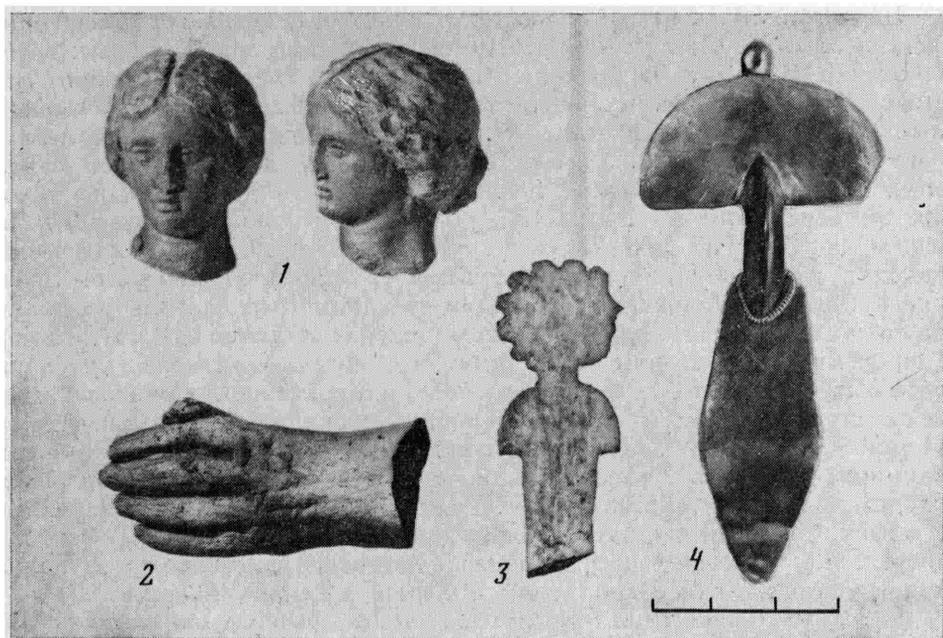

Рис. 3. Предметы из раскопов

1 — терракотовая головка; 2 — рука терракотовой статуэтки; 3 — костяная накладка; 4 — серебряная фибула

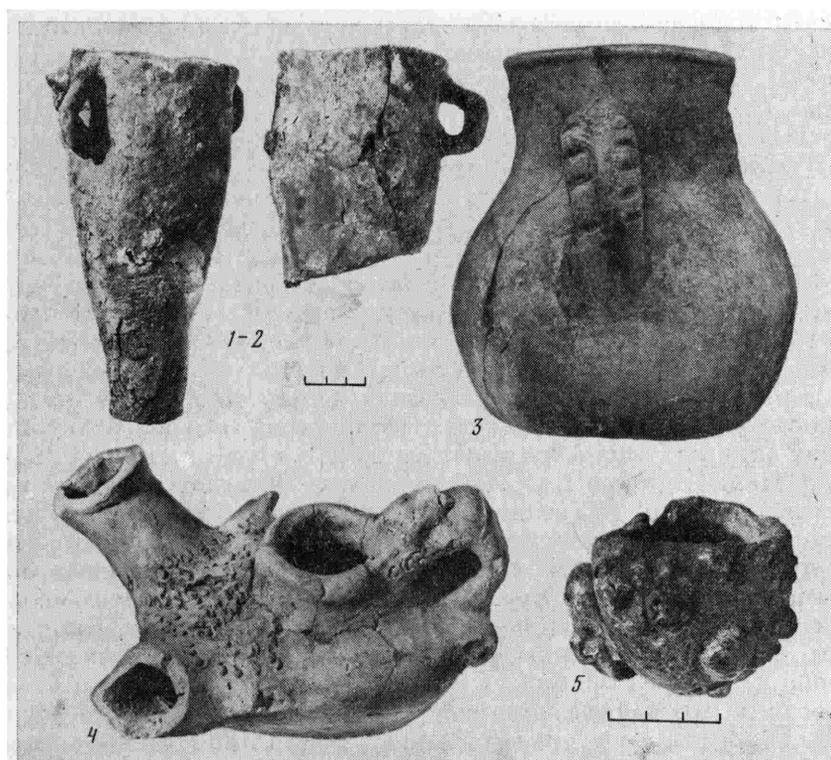

Рис. 4. Керамика (1—5)

ные на полу помещения ВЧ бронзовую тщательно моделированную статуэтку в виде сидящего на круглой подставке Силена (рис. 5) и бронзовую чашечку. Подвал помещения имел два входа, южный — на площадку перед лестницей и западный в помещение БФ, длина последнего входа состав-

ляла почти 2 м, стенки входа обрамляла регулярная кладка из подтесанных камней. В связи с расчисткой этого входа, исследовались и полы помещения БФ.

Помещение БФ имело не менее двух полов, подстилавшихся красной глиной, ниже находились полы более раннего сооружения, по площади превышавшего помещение БФ, так как его полы уходили под стены помещения. При зачистке южной стены помещения БФ были найдены тонкая костяная пластинка, вырезанная в форме человеческой фигурки, видимо служившая накладкой на шкатулку (рис. 3, 3), и обломок руки крупной терракотовой статуэтки (рис. 3, 2).

В восточной части раскопа VI исследовались только сооружения последнего хронологического отрезка жизни города, конца IV — начала V в. н. э. Сохранность сооружений этого времени плохая из-за многочисленных перекопок и ям от выборки камня. Залегают они в рыхлом золотистом слое до глубины 1,8—2,5 м от уровня современной поверхности. На исследуемой площади удалось выделить на отдельных участках до трех строительных периодов конца IV — начала V в. н. э., но особенно отчетливо выделяются верхние постройки, относящиеся к последним годам жизни города, и залегающие под ними более ранние сооружения, возникшие, видимо, сразу после восстановления города в последней четверти IV в. н. э. и в конце этого столетия. Общая система кладки IV—V вв. довольно небрежная, и отчасти поэтому, вероятно, наблюдаются частые перестройки сооружений и прослеживаются на протяжении небольшого хронологического отрезка разные строительные периоды. Но и в это время встречаются дома правильной планировки и большого размера, построенные из крупных плиточных хорошо подобранных камней. Глинобитные полы большинства помещений, как у построек верхнего горизонта, так и у нижнего, находятся ниже уровня дневной современной им поверхности, нижняя часть построек была заглублена в землю, и многие стены в своей нижней части имеют только один внутренний фас, как у подвальных сооружений. В постройках нижнего горизонта часто используются стены разрушенных помещений II—III вв. н. э. Интересно отметить, что все округлые в плане сооружения на исследуемом участке относились к верхнему горизонту (рис. 2, 5), хотя и в этот период было много прямоугольных жилищ; в нижнем горизонте все постройки имели прямоугольную форму.

Примером больших строительных перестроек, прослеживаемых на одной постройке IV—V вв., н. э. может служить помещение ГТ. Ранее помещение IV в. имело форму не совсем правильного прямоугольника площадью 28 кв. м, при его перестройке были частично использованы развалы стен помещения II—III вв. н. э. Одна из таких стен служила стеной нового помещения и одновременно отгораживала от него каменный завал III в. н. э., в IV в. не разбивавшийся. Помещение делилось на две части канавкой, служившей основанием для перегородки, расчищено два очага, вокруг одного из них располагались ямки от столбов, раскрыты и хозяйственные ямы (рис. 2, 3). Верхнее помещение, перестроенное, было впущено в более раннее. Продолжала использоваться южная стена раннего помещения, новая восточная стена получила округлую форму, остальные новые стены, очень небрежно построенные, сохранились в виде аморф-

Рис. 5. Бронзовая статуэтка Силена

ных развалов. Глинобитный пол верхнего помещения располагался на 0,40—0,50 м выше нижнего пола.

Среди находок слоя IV—V вв. н. э. очень много обломков лепной керамики (лепная керамика в слоях IV—V вв. по количеству находок часто занимает первое место), амфор, краснолаковой посуды. Особо следует отметить находки двух фибул хорошей сохранности, одна из них бронзовая, по классификации А. К. Амброза относится к двучленным «воинским» фибулам, вторая двупластинчатая серебряная со следами позолоты, с кнопкой на головке, украшенная зернью у дужки⁶ (рис. 3, 4).

На раскопе XIV продолжалось исследование помещения С, раскопки которого с некоторым перерывом велись с 1971 г., и смежного с ним помещения Ч (рис. 1, 2).

Раскопками установлено, что помещение С было построено во II в. н. э., в середине III в. н. э. оно было разрушено и вновь восстановлено в конце IV в. н. э. В IV—V вв. были использованы лишь верхние части стен раннего помещения, восточная стена была построена вновь и получила округлую форму. Дошедшие до нас остатки помещения II—III вв. н. э. являлись его подвальной или полуподвальной частью. Уровень его полов находится ниже уровня вымостки и полов наземных помещений, раскрытых западнее помещения С, но выше уровня полов соседних подвалов. Площадь помещения около 55 кв. м. На самом нижнем глинобитном полу II в. н. э., лежащем непосредственно на скальном грунте, находок немного. Следует только отметить обломок орнаментированной лепной курильницы. Значительно больше находок открыто в слое пожара середины III в. н. э. Обращает на себя внимание большое количество обугленных деревянных балок (ширина их от 2 до 19 см, длина до 110 см). Часть балок, возможно, относилась к остаткам перекрытия помещения, другая часть, видимо, могла быть остатками стены, перегородки говорят и некоторые другие строительные остатки, обнаруженные в помещении. У южной стены открыт вмазанный в пол вертикально стоящий каменный блок с небольшой выемкой на верхней поверхности, рядом, к северу от него, находилась плоская каменная плита, тоже вмазанная в пол, за нею были расчищены остатки деревянного столба, врытого в пол. Видимо, все эти конструкции являлись остатками дверного проема в перегородке: каменный блок с выемкой — подпятник для двери, плоская плита — порог, деревянный столб исполнял роль дверного косяка. Удалось проследить структуру обмазки стен помещения. Она состояла из трех слоев, общей толщиной 4,5 см: глиняного шероховатого, прилежавшего к каменной стене, промежуточного с большой примесью камыша и внешнего глиняного, хорошо заглаженного.

Наиболее интересные находки были обнаружены в восточной части помещения в слое пожара первой половины III в. н. э. В нем были найдены две небольшие бронзовые статуэтки на прямоугольных подставках, изображавшие Гермеса и Аполлона, светильники, сосуды целые и в обломках, пряслица, фрагмент столика из белого мрамора, железный замок и обломки сельскохозяйственных орудий.

Помещение С сообщалось через проход в восточной стене с небольшим помещением Ч. В помещении особенно отчетливо прослеживаются следы пожара III в. Камни стен оранжево-красного цвета, глина и сырец, заполнявшие помещение, прокалились, находки оплавилась. Интересной особенностью помещения является наличие в нем большого количества гвоздей, их найдено больше 60.

Севернее помещения С была раскрыта вымостка 110 первой половины III в. н. э. Под ее плитами в юго-восточном углу выявлены камни более ранней вымостки II в. н. э. и относящейся к ней цистерны. Глубина цистерны 5 м, стенки ее выложены камнем. В нижней части она вырублена в скале. В разрезе цистерна имеет конусообразную форму со значительным расширением книзу. В цистерне находилось не меньше 30 светлоглиняных узкогорлых амфор II в. н. э.⁷, среди них целых 7 экз. На верхней

части тулова целых сосудов имеется пробитое небольшое круглое отверстие видимо специально сделанное для более быстрого погружения сосуда в воду (рис. 2, 4). На двух горлах имелись клейма, на многих обломках сохранились остатки надписей, нанесенных красной краской. В засыпи цистерны было обнаружено также много обломков самой разнообразной керамики, особо следует отметить находку лепного кувшина с ручкой, украшенной ногтевым орнаментом (рис. 4, 3).

На новых площадках к северу и востоку от помещения С начали исследование еще нескольких помещений II — первой половины III в. н. э., но они до конца не расчищены и уходят под борта раскопа, так же как и находящиеся над ними сооружения последнего периода существования города конца IV — начала V в. н. э.

В 1977 г. после некоторого перерыва возобновились работы по исследованию оборонительных сооружений на юго-западном углу городища — на раскопе IV. Этот участок для раскопок очень труден. Здесь проходила траншея П. М. Леонтьева, кроме того, из-за близости к хутору этот участок был одним из главных мест добычи камня. Поэтому от стен сохранились лишь самые нижние ряды углей — их фундамент. Предпринята попытка расчистки юго-западной угловой оборонительной башни. Основание ее было заложено во II в. н. э., но затем на протяжении II и первой половины III в. н. э. она неоднократно перестраивалась и укреплялась. Начата работа по исследованию стен, примыкавших к башне, и по расчистке южной части западного рва города.

Основные работы на курганном некрополе проходили к северо-западу и северо-востоку от городища.

На «западном» участке раскопано несколько курганов с могилами первых веков нашей эры, раскрыты каменные надмогильные оградки, остатки тризн с большим количеством самой разнообразной керамики (амфорной, лепной, серолощенной и простой гончарной), костей животных, кострищ и очагов. В каждом кургане, кроме основной могилы, было несколько впускных погребений. Большинство захоронений совершено в ямах с заплечиками и в подбойных могилах. Погребенные чаще всего лежали головами на восток и северо-восток, в единичных случаях встречались северная и юго-западная ориентировка. Многие могилы оказались ограбленными в древности, хотя отдельные находки сохранились и в них. Наиболее богатый инвентарь II в. н. э. был открыт в могиле с заплечиками с захоронением ребенка. При погребенном находились три стеклянных сосуда, золотой и бронзовый браслеты, фибулы, одна из которых имеет фигурный щиток с эмалью в форме зайца, золотые пряжки и плоский золотой кружок, видимо служивший «оболом Харона».

На «восточном» участке курганы более однородной конструкции. Насыпи их сильно распаханы и в большинстве своем не сохранились. Почти все курганы были ооконтурены кольцевыми ровиками, иногда с небольшими перемычками. Именно в ровиках находились остатки тризн в виде развалов амфор, серолощенных, лепных и краснолаковых сосудов. Как правило, курганы содержали одиночные захоронения, относящиеся ко II — первой половине III в. н. э. Могилы небогатые, многие из них оказались разграбленными. Могильные сооружения представлены почти исключительно прямоугольными ямами, с заплечиками, с подбоями и катакомбами.

На этом же участке раскрыто и несколько могил, относящихся к средневековью.

¹ В работах экспедиции принимали участие Т. М. Арсеньева, Д. В. Деоник, Г. Г. Бандиленко, С. А. Науменко, Л. М. Казакова, Б. Бетгер, В. И. Козловская, Т. А. Николаенко, В. В. Чалый, В. К. Гугуев и др.

² Арсеньева Т. М. Раскопки Танаиса в 1973—1976 гг. — КСИА, 1978, 156.

³ Конфигурация траншеи см. на плане

городища: Шелов Д. Б. Танаис и Нижний Дон в III—I вв. до н. э. М., 1970, с. 101, 102.

⁴ Арсеньева Т. М., Шелов Д. Б. Работа Нижне-Донской экспедиции в 1970—1972 гг. — КСИА, 1975, вып. 143, с. 39, рис. 2, 6, 7.

⁵ Кругликова И. Т. Сельское хозяйство Боспора. М., 1975, с. 170, рис. 79.

⁶ Амброа А. К. Фибулы юга Европейской части СССР. — САИ, 1966, Д1—30, с. 70, 76.

⁷ См. такие амфоры: Шелов Д. Б. Узко-

горлые светлоглиняные амфоры первых веков нашей эры: Классификация и хронология. — КСИА, 1978, вып. 156, с. 18, рис. 6.

Н. Н. ГРАНДМЕЗОН

НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ МОНЕТЫ АНТИЧНОГО ХЕРСОНЕСА

Широко известен обильный выпуск херсонесских монет с изображением головы льва в профиль на аверсе, пяти или шестилучевой звезды на реверсе. Х. Х. Гиль¹ описал 14 разновидностей этих монет. Его список следует дополнить еще двумя ранее неизвестными разновидностями монет этого типа: 1) на аверсе голова льва с разинутой пастью вправо, на реверсе звезда, между лучами вверх буквы ПХЕР (буква П перевернута). Медь, диаметр 11 мм, вес — 1,13 г (рис. 1, 1); 2) на аверсе то же, на реверсе пятилучевая звезда, буквы ХЕРП между лучами вниз. Медь, диаметр 11 мм, вес — 1,08 г (рис. 1, 2).

Монеты эти выпускались в течение длительного периода, о чем свидетельствуют частые находки их и большое количество разновидностей: голова льва вправо или влево, разное количество лучей звезды, разное начертание и размещение букв, наличие или отсутствие точек.

В. А. Анохин² считает, что имеющаяся на ряде монет буква П является начальной буквой магистратского имени, и делает вывод о том, что, начиная с выпуска этих монет в Херсонесе, на монетах ставились магистратские имена. Однако встречающаяся на этих монетах буква П может быть первой буквой слова «полис», а не начальной буквой имени лица, ответственного за выпуск монет, которые выпускались не один десяток лет и, возможно, сопровождали в качестве мелкого номинала монеты с изображениями коленопреклоненного воина и квадриги, коленопреклоненной Девы с луком и скачущего грифона, Девы, поражающей оленя, и бодающего быка.

Публикуется изношенная монета (рис. 1, 3) с изображениями коленопреклоненной Девы на аверсе и скачущего грифона на реверсе, датированная концом IV в. до н. э. На монете имеются надчеканки: дельфин в кружке, накладывавшаяся во второй половине III в. до н. э. и ПАР в лигатуре, характерная для II в. до н. э. Это показывает, что подобные монеты находились в обращении длительное время.

Херсонесская чеканка III в. до н. э. изучена еще недостаточно. В. А. Анохин³ относит к III в. до н. э. медные монеты с изображениями Девы, поражающей оленя, на аверсе и бодающего быка на реверсе, датированные им 300—290 гг. до н. э., шесть серий серебряных монет 290—220 гг. до н. э., две серии, содержащие серебряные и медные монеты конца III в. до н. э. и медные монеты, датированные им концом III в. до н. э. Нам представляется маловероятным, чтобы на протяжении 70 лет, с 290 до 220 г. до н. э., в Херсонесе выпускалась только серебряная монета. Не мог местный рынок обходиться без медных монет, и вряд ли можно думать, что медные монеты, выпущенные в начале века, были в обращении столь длительное время.

Кроме того, в III в. до н. э. на Боспоре имел место денежный кризис, характеризовавшийся прекращением выпуска серебряных монет, снижением веса, надчеканками, перечеканками и деградацией медных монет. То же самое, правда в меньшей степени, происходило и в Ольвии. Этот кризис не мог не коснуться и Херсонеса. Причины кризиса обычно связывают с упадком внешней торговли городов Северного Причерноморья в связи с поступлением на рынки Средиземноморья дешевого египетского

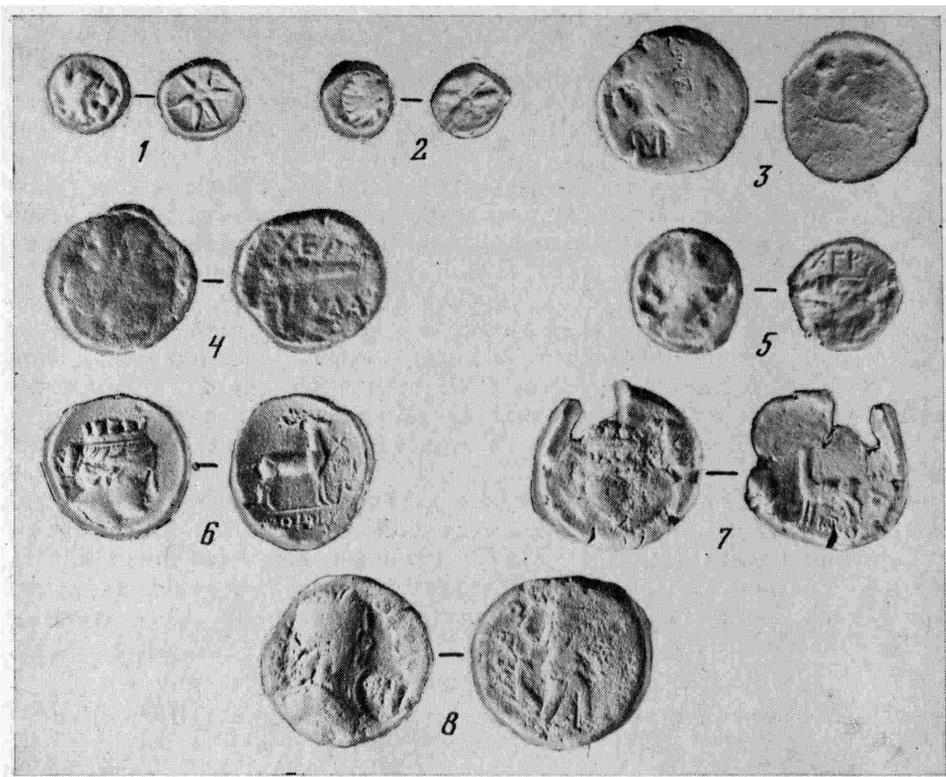

Рис. 1. Неопубликованные монеты Херсонеса (1—8)

хлеба, с войнами со скифами и внутренними междоусобицами. Нет сомнения, что подобные явления коснулись и Херсонеса, который в III в. до н. э. поддерживал значительные экономические связи с Боспором. Историк Херсонеса III в. до н. э. Сириск описал дружественные отношения херсонеситов с царями Боспора. Экономические связи Херсонеса с Боспором в III в. до н. э. подтверждаются и находками боспорских монет в Херсонесе А. М. Гилевич⁴ указывает, что наибольшее количество боспорских монет, найденных в Херсонесе, падает на III в. до н. э. и на вторую половину I в. до н. э.

А. Н. Щеглов⁵ обращает внимание на войны Херсонеса со скифами в III в. до н. э. и на разрушение в это время ряда херсонесских поселений в юго-западной части Крыма. О неустойчивом положении и военной опасности свидетельствует несколько больших кладов херсонесских монет первой половины III в. до н. э. с изображением Девы, поражающей оленя, на аверсе и бодающего быка на реверсе. Характерно, что в этих кладах не было серебряных монет. Таким образом, ряд соображений заставляет думать о наличии в III в. до н. э. в Херсонесе монетного кризиса; об этом говорит и массовая надчеканка монет. Поэтому нет оснований полагать, что в Херсонесе с 290 по 220 г. до н. э. выпускались только серебряные монеты, и не следует изменять датировки монет, данные А. Н. Зографом⁶, который относил монеты с изображениями Девы, поражающей оленя, на аверсе и бодающего быка на реверсе к первой половине III в. до н. э., а надчеканки (дельфин в кружке) на этих монетах и на более ранних монетах с изображением коленопреклоненной Девы на аверсе и скачущего грифона на реверсе ко второй половине III в. до н. э.

К концу III в. — началу II в. до н. э. следует отнести неизвестную ранее медную монету весом 5,28 г, на аверсе которой изображена голова Девы вправо, на реверсе — палица, обращенная влево, над ней сокращенное название города, под ней магистратское имя ΕΥΡΥΔΑ — как на ге-

мидрахмах, находящихся в ГМИИ (№ 28379) и относимых к началу II в. до н. э. (рис. 1, 4).

Надчеканка в виде дельфина, нанесенная на монету с изображениями головы Девы вправо на аверсе и бодающего быка на реверсе, показывает, что наложение таких надчеканок производилось и во II в. до н. э. Вес монеты 2,04 г (рис. 1, 5).

К концу II до н. э. относятся серебряные драхмы с головой Девы в башенной короне влево на аверсе и стоящим оленем вправо на реверсе. Справа от оленя сокращенное название города, под оленем магистратское имя МОΙΡΙΟΣ. Вес 3,98 г (рис. 1, 6). Публикуется ранее неизвестная медная монета такого типа весом 3,45 г с головой Девы на аверсе; на реверсе изображен стоящий олень влево (а не вправо, как на драхмах), справа от оленя — сокращенное название города, слева магистратское имя МОΙΡΙΟΣ, под оленем монограмма ΠΑΡ в лигатуре (рис. 1, 7). Вероятно, эта монета является мелким номиналом по отношению к драхме — тетрахаком. Известны и еще более мелкие монеты этой серии с изображением стоящего оленя — дихалки.

К. В. Голенко описал уникальную херсонесскую монету — тетрасарий 211—217 гг. н. э. с боспорской надчеканкой в виде головы императора Септимия Севера (Эрмитаж, № 522) ⁷. Найдена еще одна такая монета весом 6,09 г. (рис. 1, 8). То, что это надчеканка изображает голову Септимия Севера, подтверждается подобными надчеканками, приведенными К. В. Голенко ⁸ и Н. А. Фроловой ⁹.

¹ Гиль Х. Х. Описание монет, поступивших в мое собрание в 1892—1895 гг. СПб., 1896, табл. XVIII.

² Анохин В. А. Монетное дело Херсонеса. Киев, 1977, с. 21.

³ Анохин В. А. Монетное дело Херсонеса, с. 140—144.

⁴ Гилевич А. М. Античные иногородные монеты из раскопок Херсонеса. — НИС, 1968, 3, с. 11—18.

⁵ Щеглов А. Н. Полис и хора. Симферополь, 1976.

⁶ Зограф А. Н. Античные монеты. — МИА, 1951, вып. 16, с. 149.

⁷ Голенко К. В. Херсонесская монета с боспорской надчеканкой. — КСИИМК, 1956, 63, с. 156, рис. 72.

⁸ Голенко К. В. Надчеканки на медных боспорских монетах III в. н. э. В кн.: Нумизматический сборник, ч. 2 (Труды ГИМ, XXVI). М., 1957, с. 44.

⁹ Frolova N. A. The coinage of the Kingdom of Bosphorus. Oxford, 1979, p. 189, Табл. XXXVIII, XXXIX.

Э. Я. НИКОЛАЕВА

ПИФОСЫ ИЛЬЧЕВСКОГО ГОРОДИЩА (V—VI ВВ. Н. Э.)

В последнее время накоплено большое количество материалов, относящихся к эпохе после гуннского погрома. Это и поздние слои Танаиса, и слои V—VI вв. античных городов Азиатского Боспора (Фанагория, Гермонасса) и др. ¹ Большие работы по изучению раннесредневековых памятников ведутся на Кавказе и в Предкавказье ². К сожалению, большинство материалов еще не издано. Наиболее полно изучены могильники этого времени ³.

Ильчевское городище, пожалуй, единственный пока памятник, давший большой закрытый комплекс жилищ, погибших единовременно в сильном пожаре во второй половине VI в., возможно в 576 г., во время войны Турксанфа с Византией ⁴. Комплекс надежно датирован набором амфор V—VI вв. ⁵, краснолаковыми тарелками с клеймами ⁶, стеклянными сосудами ⁷ и бусами, изделиями из бронзы и, наконец, золотыми византийскими монетами — солидами императора Юстиниана.

В настоящей работе будет рассмотрена одна из многочисленных групп материала, добытого при раскопках этого комплекса, — пифосы.

Пифосы V—VI вв. изучены еще мало. Попытка систематизации ранне-средневековых пифосов была сделана лишь А. Л. Якобсоном в специальной статье и в монографии, посвященной средневековой керамике Таврики⁸. Однако, как указывает А. Л. Якобсон, пифосы именно V—VI вв. известны плохо. Крайняя недостаточность материала и привела автора указанных работ к недостаточно обоснованным выводам.

Ильичевское городище дает нам несколько десятков пифосов, относящихся к раннему средневековью. По крайней мере 70% из них датируются V—VI вв. Во избежание сомнений мы будем иметь дело лишь с целыми экземплярами, которые находились *in situ* внутри помещений или дворов. Все они были вкопаны в полы. Часть этих пифосов, безусловно, могла быть изготовлена еще в IV в., однако в V и даже в VI в. они все еще были в употреблении. Поражает необыкновенное разнообразие форм и размеров пифосов. Укажем, например, что внутри одного помещения размером в 11 кв. м были вкопаны в пол четыре пифоса и все они имели разную форму. А. Л. Якобсон выделяет как критерий развития типа пифосов форму венца. Однако нередко пифосы из одного помещения имеют абсолютные разные венцы.

Попытаемся свести в какую-то систему это разнообразие форм. Выделяются два основных типа пифосов: остродонные и плоскодонные. Следует, однако, оговориться, что при раскопках не все пифосы были вынуты из земли, поэтому форму дна иногда можно лишь предполагать по курватуре внутренней его стороны.

Тип I, а (2 экз.). Красноглиняный пифос яйцевидной формы с невысоким, почти цилиндрическим горлом, плавно переходящим в плечи и венец сосуда. Венец образован треугольной в сечении формы утолщением. На верхней его поверхности проведены по сырой глине две бороздки. Предназначались они, по-видимому, для того, чтобы не скользила крышка. Снаружи дна — сплошной цилиндрический выступ или ножка. Один такой пифос найден во дворе у помещения I в 1965 г. Размеры его: высота 115,2 см; диаметр горла * 40 см, диаметр тулова 78 см, длина выступа над дном 7 см. К этому типу можно отнести и пифос из боспорской глины, найденный в 1980 г. на верхнем дворе помещения XIII—XIV. Он сохранился в обломках. Высота его 120 см, диаметр горла 48 см, ширина венца 5,6 см, высота горла 12 см, диаметр тулова 90 см, длина ножки 7 см.

Тип I, б (4 экз.). Красноглиняный пифос более вытянутых пропорций. Выступ на донце сужается книзу. Нижняя часть сосуда и донца украшена несколькими полосами рифления. Один такой пифос, найденный в помещении III в 1965 г., имеет размеры: высота 108 см; диаметр горла 26 см, диаметр тулова 63,2 см, длина ножки 7 см (рис. 1, 2). К этому типу относятся еще два пифоса из помещения XVI 1978 г., не сохранившие венцов. Один из них был накрыт крышкой с отверстием. У пифоса из помещения I (с завалившейся внутрь крышкой) горловина также не сохранилась.

Тип II — плоскодонные пифосы. Они различаются по форме тулова.

Тип II, а (5 экз.). Пифос красноглиняный (черепок в изломе серый от обжига) с сильно раздутым туловом, довольно широким, резко очерченным плоским дном. Плечи сосуда плавно переходят в довольно сильно отогнутый венец. Горла почти нет.

Пифос из помещения III имеет следующие размеры: высота 100 см, диаметр горла 37,2 см, диаметр тулова 82,8 см, диаметр дна 24 см (рис. 2, 2). Третья часть в верхней части тулова сосуда схвачена тремя свинцовыми скрепами.

К этому типу можно отнести еще четыре пифоса неполной сохранности из помещений VIII и IX 1967 г. и из помещения XII (два пифоса) 1975 г.

Тип II, б (1 экз.). Красноглиняный (с белыми включениями) пифос яйцевидной формы с цилиндрическим горлом и плоским дном. Тулово сосуда украшено шестью ребрами-валиками. Венец горизонтально отог-

* Диаметр горла везде указывается по внешнему краю; диаметр тулова — наибольший.

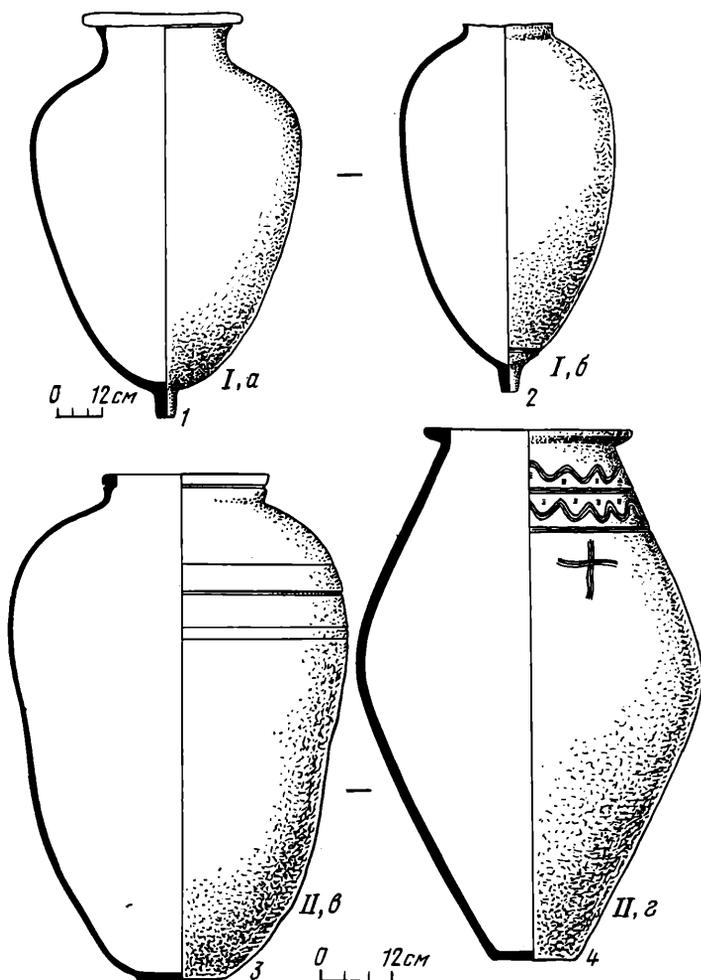

Рис. 1. Типы пифосов Ильичевского городища
1 — тип Iа; 2 — тип Iб; 3 — тип IIв; 4 — тип IIг

нут. Обнаружен в помещении II в 1965 г. Размеры: высота 108 см, диаметр горла 36 см, высота горла 8 см, диаметр тулова 76 см, диаметр дна 19,2 см (рис. 2, 4).

Тип II, в (1 экз.). Пифос из помещения II 1965 г. почти грушевидной формы. Тулово сосуда имеет волнистую поверхность даже при переходе к плоскому дну. У основания перехода плечей к тулову — глубоко прорезанная линия. Такая же резко очерченная линия ограничивает венеч сосуда, необычной, почти квадратной в сечении формы, в результате чего получился как бы «двухэтажный» венец. Глина оранжевого цвета с золотистыми включениями. Сочетание мягкой, волнистой линии тулова, резко очерченного, как бы вырубленного венца, прорезанной по тулову линии и плоского дна создает впечатление поиска новых форм. Этому сосуду, скорее, подошло бы острое дно, как у сосудов типа I. От относится, по-видимому, к какой-то переходной форме. Возможно, привозной. Размеры: высота 83,2 см, диаметр горла 28 см, диаметр тулова 56 см, диаметр дна 14 см (рис. 1, 3).

Тип II, г (2 экз.). Пифос из того же помещения II, рыхлой красно-оранжеватой местной глины. Тулово биконической формы переходит в плоское дно и сильно отогнутый венец. Верхняя часть тулова пифоса украшена двумя волнистыми и двумя прямыми концентрическими линиями, между которыми в изгибах «волны» поставлены точки. Под нижней прямой линией тем же инструментом поставлен прямой крест. Размеры: вы-

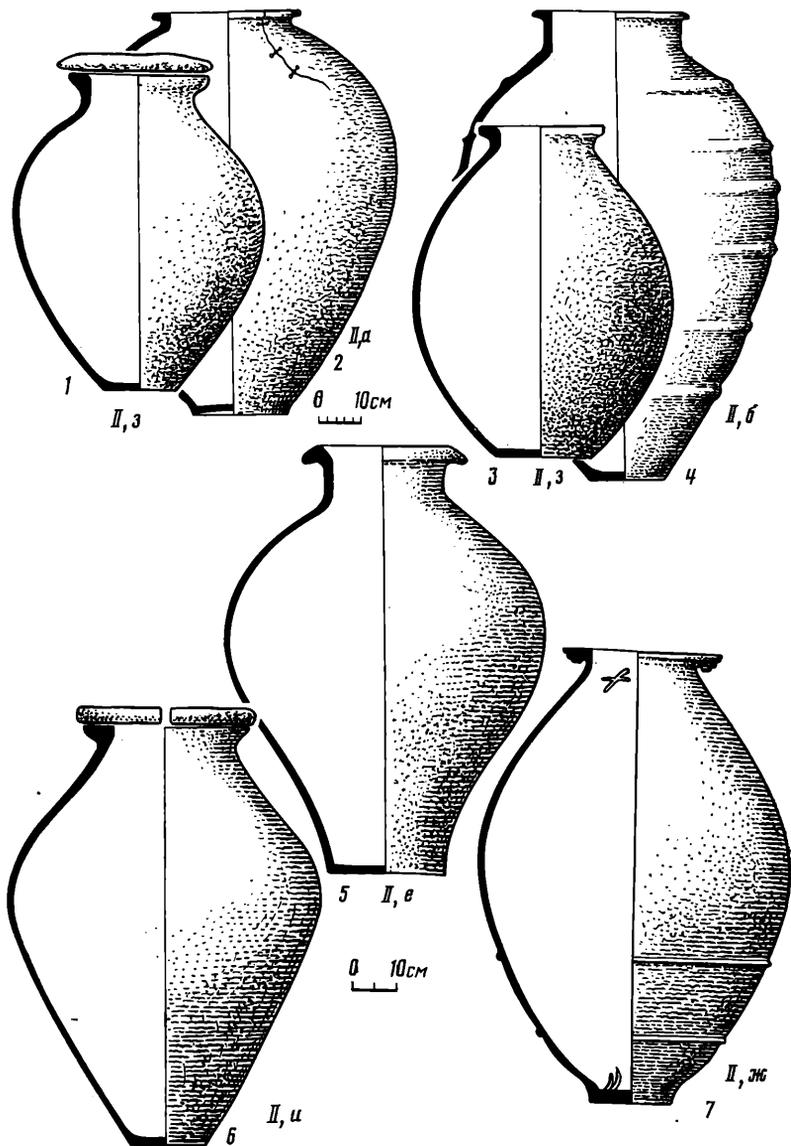

Рис. 2. Пифосы Ильичевского городища, тип II
1, 3 — з; 2 — а; 4 — б; 5 — е; 6 — и; 7 — ж

сота 89,6 см, диаметр горла 36 см, диаметр тулова 60 см, диаметр дна 14,4 см (рис. 1, 4). К этому типу можно отнести и пифос из помещения XI 1974 г. Его размеры: высота 100 см, диаметр горла и дна равны 40 см, диаметр тулова 80 см.

Тип II, д (2 экз.). Плоскодонный пифос яйцевидной формы, обнаруженный в помещении VII в 1966 г. Дно его подчеркнуто уступом, высота уступа 5 см. Высота сосуда 92 см, диаметр горла 28 см, диаметр тулова 72 см, диаметр дна 0,22 м. Венец не сохранился. Пифос был накрыт дисковидной каменной крышкой. К этому же типу можно отнести несколько более поздний пифос, обнаруженный на раскопе Г 1976 г. Сохранился он неполно — отсутствует верхняя часть. Пифос яйцевидной формы, но более вытянутых пропорций. Восстанавливаемая высота его равна 150 см; высота уступа у дна 3,5 см, диаметр тулова 90 см, дна 20 см.

Тип II, е (2 экз.). Пифос, происходящий из раскопок траншеи в 1974 г., имеет вазообразное тулово, сильно раздутое в центральной части и сужающееся к плоскому дну. Высота узкой нижней части сосуда, равная высо-

те горла, составляет 15—20 см; высота сосуда 116 см, диаметр горла 42 см, диаметр дна 30 см, диаметр тулова 90 см. Имеет плоскую каменную крышку с отверстием (рис. 2, 5). К этому же типу относится еще один сосуд отсюда же.

Тип II, ж (1 экз.). Красноглиняный ангобированный пифос имеет эллипсоидное тулово, плоское дно с уступом высотой 3 см и карнизообразный венец. По нижней части венца, в месте соединения с туловом, проходит довольно глубокая, четко очерченная бороздка. Две бороздки прорезают среднюю, выпуклую часть венца. Под венцом пальцем по сырой глине прочерчен крест. На высоте 20 см от дна тулово опоясывает небольшой валик. В трех местах по тулову начато, но не закончено сверление. На этих местах образовались неглубокие сколы. Размеры сосуда: высота 144 см, диаметр тулова 95 см, диаметр горла 52 см, диаметр дна 26 см, ширина венца 5 см. Пифос обнаружен при раскопках двора в кв. XIX в 1980 г. (рис. 2, 7).

Тип II, з (2 экз.). Два небольших пифоса с плавно очерченным эллипсоидным туловом. Дно плоское, венца отогнуты, с немного приподнятым внешним краем. Пифосы находились — в помещениях XI и XII, исследованных в 1974 и 1975 гг. Высота их 80 и 82,5 см, диаметр тулова 62,5 см, диаметр горла 30 и 36 см, диаметр дна 22,5 и 18,5 см (рис. 2, 1, 3).

Тип II, и (1 экз.). Красноглиняный пифос стройных очертаний с биконическим туловом, плоским дном и горизонтальным треугольным в сечении венцом. Размеры его: высота 110 см, диаметр тулова 80 см, диаметр горла 42,5 см, диаметр дна 20 см. В верхней части пифоса — свинцовые скрепы (рис. 2, 6). Пифос обнаружен в 1974 г., в южном борту траншеи. Он был заполнен рыбой и закрыт каменной крышкой с отверстием.

Таковы все сохранившиеся целыми пифосы V—VI вв. н. э. из Ильичевки. Среди них нет ни одного, точно повторяющего другой сосуд. Они различаются как формой тулова, венца, дна, так и размерами и украшениями. Однако судить о хронологической эволюции пифосов пока еще рано. Весьма предположительно можно сказать, судя по приведенным материалам, что остродонные пифосы — наиболее ранние, а пифосы с уступом у дна — самые поздние. Однако находки последующих лет могут и не подтвердить это предположение.

Очень близки к пифосам по назначению корчаги. Корчагами мы условно называем сосуды, которые по размерам гораздо больше горшков и значительно меньше пифосов. Иногда они имеют ручки.

Корчаги найдены в нескольких помещениях. Они, как и пифосы, обычно закапывались в полы помещений, иногда лишь нижней частью, как корчаги из помещения XI, иногда целиком, как лепная корчага из помещения I, иногда они не закапывались вовсе, как корчаги из помещения VII.

Как и остальные группы керамики Ильичевского городища, корчаги весьма разнообразны. Из целых 6 экз. лишь два почти одинаковы. Они стояли рядом в помещении XI. Таким образом, шесть сосудов представляют пять типов корчаг.

Тип I. Лепная красноглиняная корчага, плоскодонная, с яйцевидной формы туловом и вертикальными ручками-ушками на самой широкой части сосуда. Небольшое цилиндрическое горло, венец не сохранился. Вкопана в пол помещения I, открытого в 1964 г. Размеры: высота 78 см, диаметр 61,6 см, диаметр горла 26 см, диаметр дна 20 см (рис. 3, 1).

Тип II. Красноглиняная корчага, плоскодонная, с яйцевидным туловом и невысоким расширяющимся горлом. Венец аналогичен венцу пифоса типа Ia, т. е. представляет собою утолщение стенки сосуда, украшенное по верхнему краю двумя бороздками. Реберчатые ручки-ушки посажены горизонтально. Две небольшие бороздки прослеживаются и с внешней стороны венца. Размеры: высота 57 см, диаметр 48 см, диаметр горла 30 см, диаметр дна 20 см. Корчага открыта в помещении VII в 1966 г. (рис. 3, 2).

Тип III. В том же помещении найдена красноглиняная корчага, по форме напоминающая пифос типа IIa. Это плоскодонный сосуд с отогнутым утолщенным венцом. Очертания четкие, по плечам проходят две кон-

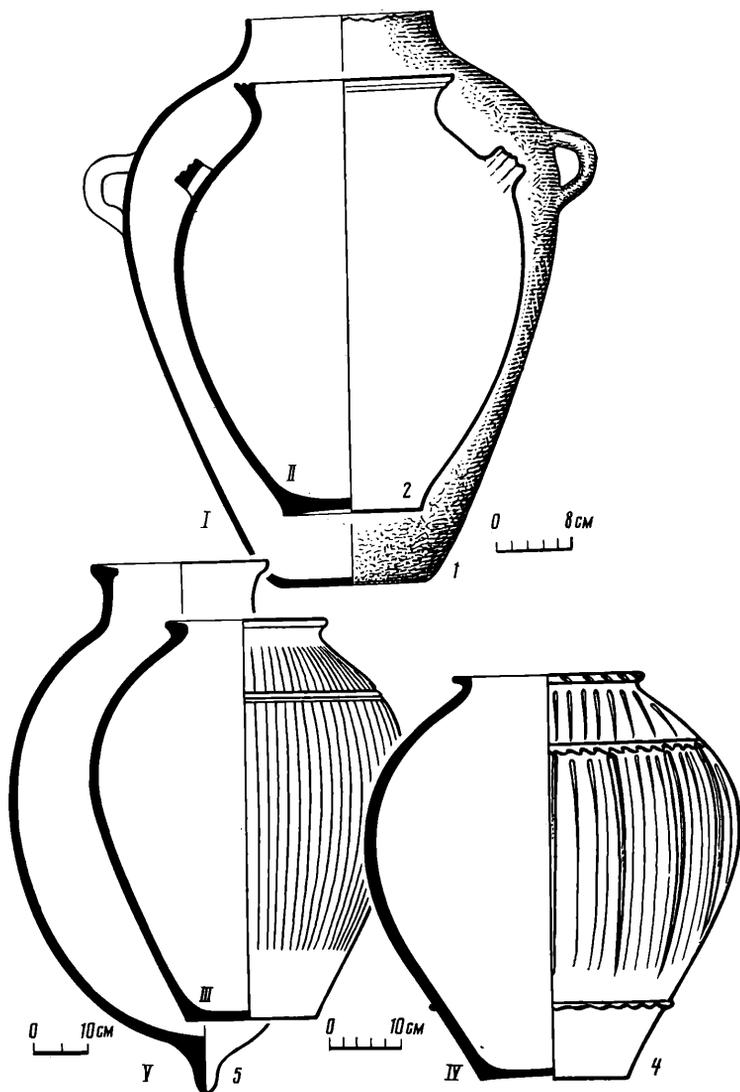

Рис. 3. Корчаги Ильичевского городища
типы: 1 — I; 2 — II; 3 — III; 4 — IV; 5 — V

центрические бороздки, тулово украшено вертикальными полосами лощения. Размеры: высота 57 см, диаметр 44 см, диаметр горла 20 см, диаметр дна 18 см (рис. 3, 3).

Тип IV. Корчага, по форме также близкая пифосу типа IIa, но с более раздутым туловом. Это также лощенный полосами сосуд, плоскодонный, с сильно отогнутым горизонтальным венцом, украшенным защипами по краю. Средняя часть тулова выделена двумя горизонтальными рельефными валиками, также орнаментированными. От верхнего валика отходят рельефные ребра, сужающиеся книзу. До нижнего валика они не доходят на 30 см. Размеры: высота 57 см, диаметр 52 см, диаметр горла 26 см, диаметр дна 20 см. Корчага найдена в том же помещении VII (рис. 3, 4).

Тип V. К этому типу относятся две корчаги из помещения XI 1974 г. Это сосуды из глины, очень напоминающей глину краснолаковых тарелок с клеймами, плотную, хорошо обожженную, звонкую. Они имеют овальное тулово, цилиндрическое горло, отогнутый треугольный венец, с небольшим выступом вовнутрь и округлое с острой ножкой донце. Боковина одной из корчаг имеет вмятины — брак производства. Размеры корчаг:

высота 90 см, диаметр тулова 65 см, высота горла 9 см, диаметр горла 22 см. Пожалуй, корчаги этого типа следует скорее считать тонкостенными пифосами типа Ia, но меньшего размера: объем корчаги — 105 л, а пифоса — 180 л. (рис. 3, 5).

Может быть, нелишне упомянуть и более поздние пифосы, датируемые, возможно, VII в. н. э. Целиком сохранился лишь один из них. Это пифос биконической формы, резких геометрических очертаний имеет плоское дно и треугольный в сечении венец. Высота его 120 см, диаметр горла 46 см, диаметр тулова 82 см, диаметр дна 22 см. Был открыт в 1975 г. на раскопе Г к югу от стены 5, вкопан в пол до горловины, был накрыт каменной крышкой. Рядом с ним обнаружены нижние части еще трех пифосов, но более мягких, округлых очертаний.

Чрезвычайное разнообразие пифосов свидетельствует о том, что они предназначались для хранения разнообразных продуктов. В самом крупном пифосе (тип. II, ж) и в пифосе типа II и засаливали рыбу. Оба этих пифоса стояли во дворах, в комнаты, по-видимому, их не помещали из-за специфического запаха рыбы. На стенках некоторых пифосов имеется белый налет, образовавшийся, может быть, от воздействия содержимого. Зерновых ям на Ильичевском городище мало. По-видимому, зерно хранилось главным образом в пифосах. Запасы воды, безусловно, были сосредоточены в пифосах с крышками. В пифосах же могли хранить чечевицу, горох и т. д.

К сожалению, мы не можем пока говорить об эволюции типов пифосов, так как все рассмотренные сосуды относятся к одному закрытому комплексу. Зато это же обстоятельство дает нам достаточно твердую дату этого огромного разнообразия форм.

Не подтвердились предположения об эволюции пифосов по степени отогнутости венца, по размерам (от меньших к большим). В одном комплексе у нас представлены сосуды объемом от 90 до 346 л.

Пифосы из Ильичевки заполняют пробел в хронологическом ряду этих сосудов. Достаточно хорошо известны пифосы позднеантичные и пифосы средневековые, датируемые временем после VII в. Ильичевские сосуды составляют связующее звено между ними, благодаря которому можно строить эволюционные ряды. Следует отметить, что почти все ильичевские пифосы изготовлены из так называемой боспорской или даже совсем местной глины Фонталовского полуострова. Значит, производились они где-то рядом.

¹ Шелов Д. Б. Сарматы и гунны в Нижнем Подонье. — *Acta antiqua Academiae scientiarum hungaricae*, t. XXVI. Budapest, 1978, с. 49—55; *Он же*. Волго-Донские степи в гуннское время. — В кн.: Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М., 1978, с. 81—88; *Он же*. Танаис и Нижний Дон в первые века н. э. М., 1972, и др.; *Арсеньева Т. М.* Отчеты о работах в Танаисе за 1978—1980 гг. — Архив ИА АН СССР; *Она же*. Исследования в Танаисе. — АО за 1978 г. М., 1979, с. 93—94; *Она же*. Раскопки Танаиса в 1973/1976 гг. — КСИА, 1978, вып. 156, с. 93 и след.; *Долгоруков В. С.* Исследования береговой части Фанагории в 1971—1972 гг. — КСИА, 1975, вып. 143, с. 54 и след.; *Кобылина М. М.* Разрушения гуннов в Фанагории. — В кн.: Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М., 1978, с. 30—35; *Десятчиков Ю. М.* Отчет о работе в Кучугурах в 1978 г. — Архив ИА АН СССР; *Коровина А. К.* Раскопки Тму-

таракани — Гермонассы. — АО за 1975 г. М., 1976, с. 128, 129 и др.

² *Анфимов Н. В.* Зикские памятники Черноморского побережья Кавказа. — В кн.: Северный Кавказ в древности и в средние века. М., 1980, с. 92—112 и др.; *Дмитриев А. В.* Могильник эпохи переселения народов на реке Дюрсо. — КСИА, 1979, вып. 158, с. 52—57; *Воронов Ю. Н.* Древности военно-сухумской дороги. Сухуми, 1977, с. 23 и след.; *Он же*. Диоскуриада — Себастополис — Цхум. М., 1980, с. 89 и след.; *Он же*. Древности Сочи и его окрестностей. Краснодар, 1979, с. 72 и след.; *Он же*. Тайна Цebelдинской долины. М., 1975, с. 143 и след.; *Афанасьев Г. Е.* Керамика Мокрой Балки. — В кн.: Средневековые древности евразийских степей. М., 1980, с. 57 и след.; и др.

³ *Айбабин А. И.* Погребения второй половины V — первой половины VI в. в Крыму. — КСИА, 1979, вып. 158, с. 22—34; *Афанасьев Г. Е.* Хронология могильника Мокрая Балка. — КСИА,

- 1979, вып. 158, с. 43—51 и др.; *Засецкая И. П.* Боспорские склепы гуннской эпохи как хронологический эталон для датировки памятников восточноевропейских степей. — КСИА, 1979, вып. 158, с. 5—17; *Кругликова И. Т.* Погребение IV—V вв. н. э. в дер. Айвазовское. — СА, 1957, № 2, с. 254, 255; *Покровский М. В.* Пашковский могильник № 1. — СА, 1936, № 1; *Саганев В. В.* Раскопки на Северном Кавказе в 1911—1912 гг. — ИАК, 1914, 56, с. 128 и след.; *Рыков П.* Суловский курганный могильник. Саратов, 1925, с. 10 и след.; *Шкорнилл В. В.* Отчет о раскопках в г. Керчи и на Таманском полуострове в 1907 г. — ИАК, 1910, с. 32 и след.; *Он же.* Отчет о раскопках в г. Керчи и окрестностях в 1909 г. — ИАК, 1913, 47, с. 19 и след.; и т. д.
- ⁴ *Фролова Н. А., Николаева Э. Я.* Ильичевский клад монет 1975 г. — ВВ, 1978, 39, с. 173—179.
- ⁵ *Кузманов Г.* Типология и хронология на ранновизантийские амфоры (IV—VI вв.). — Археология. София, 1973, кн. 1; *Wiseman J.* Excavations at Corith. The Gymnasium Area, 1966. — *Hesperia*, 1967, XXXVI, N 4; *Almagro M.* Das necropolis de Ampurias. Barcelona, 1955, p. 320; fig. 305; *Tudor D.* Sucidava. București, 1908, b. 30. *Якобсон А. Л.* Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. М., 1979, с. 7—17; *Isler H.* Heration von Samos. Eine frühbyzantische Zisterne. — AM, 84, 1969.
- ⁶ *Hayes W.* Late roman Pottery. London, 1972, p. 329—339; *Николаева Э. Я.* Краснолаковая керамика со штампами с Ильичевского городища. — КСИА, 1978, вып. 156, с. 110—113.
- ⁷ *Сорокина Н. П.* Стекланные сосуды IV—V вв. и хронология Цебельдинских могильников. — КСИА, 1979, вып. 158, с. 57 и след.; *Она же.* Позднеантичное и раннесредневековое стекло с Таманского городища. — В кн.: Керамика и стекло древней Тмутаракани. М., 1969, с. 153 и след.; *Она же.* Позднеантичное стекло из Ольвии. — В кн.: Художественная культура и археология античного мира. М., 1976, с. 199 след. и т. д.
- ⁸ *Якобсон А. Л.* Средневековые пифосы Северного Причерноморья. — СА, 1966, № 2; *Он же.* Керамика и керамическое производство средневековой Таврики, с. 17—19.

М. Ю. ТРЕЙСТЕР

РЕЗУЛЬТАТЫ СПЕКТРАЛЬНОГО АНАЛИЗА БРОНЗОВЫХ УКРАШЕНИЙ ИЗ ГОРГИППИИ

Автором было исследовано свыше 400 бронзовых изделий из коллекций Эрмитажа, Анапского музея, музея Харьковского университета, собранных при раскопках Горгиппии, ее некрополя и ближайших окрестностей.

В данной статье делается попытка систематизировать бронзовые пряжки, браслеты, гривны, серьги и подвески, составляющие около трети всего исследованного материала, показать рецепты сплавов на медной основе, выделить металлургические группы, рассмотреть их корреляцию с категориями изделий. В химико-технологической части основу работы составили 164 спектральных анализа металла бронзовых изделий VI в. до н. э. — IV в. н. э. Исследование химического состава металла проводилось в лаборатории спектрального анализа ИА АН СССР (№ анализы — 22984—22987, 23410—23490, 23500—23585 по шифру лаборатории).

Методика работы с металлургическими группами была разработана в трудах Е. Н. Черныха и Т. Б. Барцевой, посвященных исследованию металла Северного Кавказа эпохи раннего железа и черняховской культуры¹.

На основании гистограмм распределения концентраций основных примесей и парных корреляционных графиков, показывающих взаимозависимость ведущих легирующих компонентов (рис. 1), олова, свинца и цинка, определяются границы искусственного введения их в медь. Концентрацию в 1% олова, свинца и цинка принимаем за рубеж естественной и искусственной лигатуры.

Установление границы ввода основных легирующих элементов позволяет выделить девять металлургических групп (см. таблицу 1). I группа — сплавы меди с цинком (латунь), где содержание цинка выше упомянутой границы, а олова — ниже. II и III группы — многокомпонентные

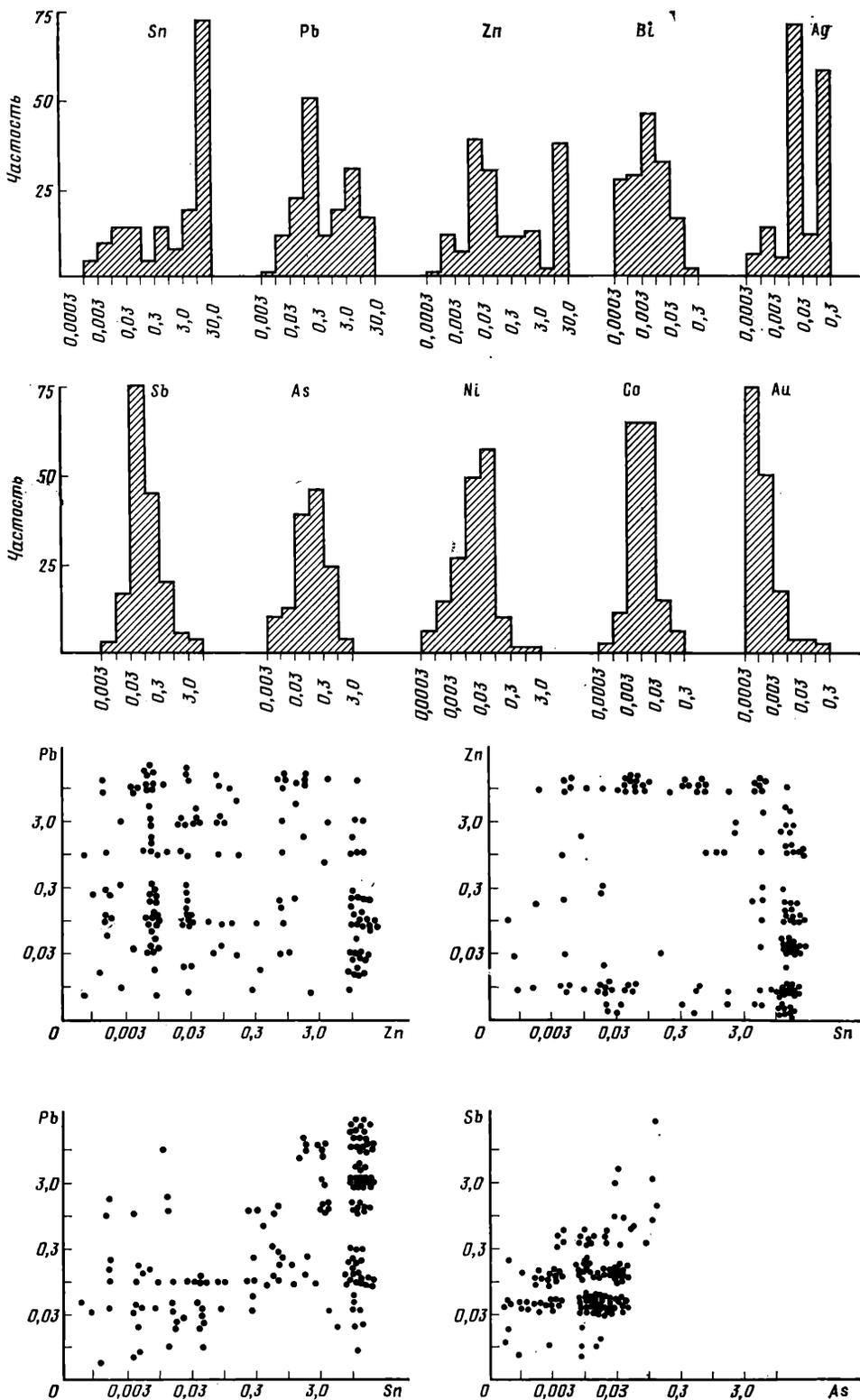

Рис. 1. Гистограммы распределения концентраций основных примесей и парные корреляционные графики, показывающие взаимозависимость ведущих легирующих компонентов в меди из Горгиппии

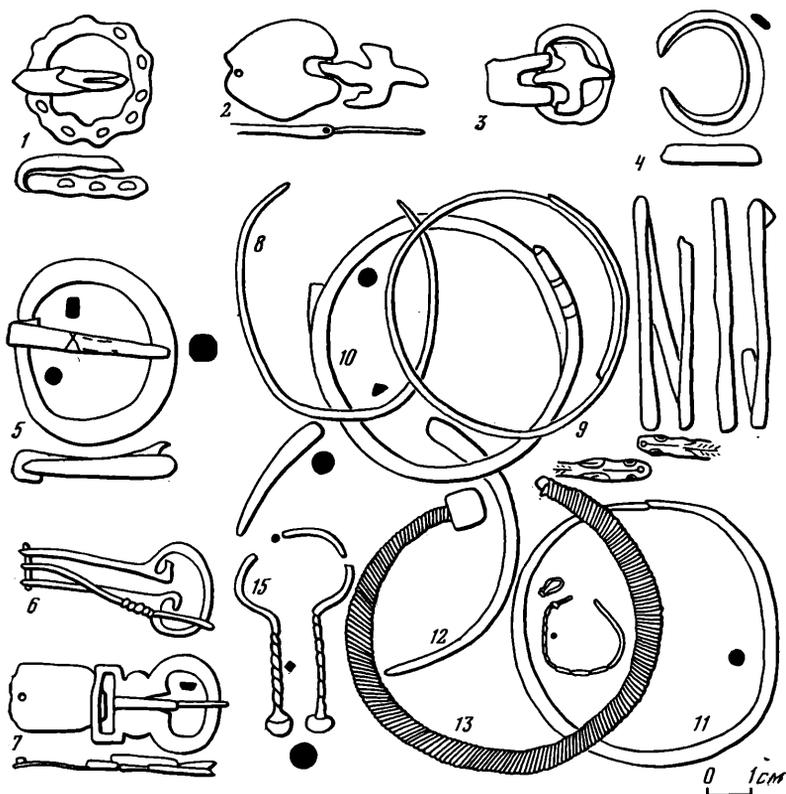

Рис. 2. Пряжки, браслеты и серьги из Горгишпии

1—2, 4—15 — бронза; 3 — серебро

сплавы, разделяемые соответственно соотношению олова и цинка: в металле II группы содержание цинка превышает содержание олова, в металле III группы — наоборот, содержание олова превышает содержание цинка. IV группа — оловянистые бронзы. В этом сплаве границу искусственного ввода превышает содержание олова. V группа — свинцовистые бронзы, в которых выше упомянутой границы будет содержание свинца. VI и VII группы — оловянисто-свинцовистые и свинцовисто-оловянистые бронзы — отличаются между собой по соотношению олова и свинца: в металле VI группы содержание олова превышает содержание свинца, в металле VII группы соотношение обратное. Выделяется группа так называемой металлургически «чистой» меди (VIII), явно не легированной никакими примесями. Особую металлургическую группу искусственных медно-серебряных сплавов — биллонов (IX) составляет сплав, характеризующийся концентрацией серебра до 50%.

Пряжки. Нами изучено свыше 70 бронзовых пряжек из Горгишпии и выделены шесть их типов (рис. 2, 1—7).

Тип 1. Пряжки первых веков нашей эры округлой формы с подвижным (откидным) язычком. Известны 35 экз. Есть основание считать, что пряжки без щитка характерны главным образом для I в., а пряжки со щитком — для II—III вв. Подобные пряжки широко распространены в Северном Причерноморье в римское время². Вариант этого типа — пряжка с дужкой, украшенной тремя рядами выступающих шишечек (рис. 2, 1). Вероятно, к этому же типу относится пряжка с язычком в виде летящей птицы (рис. 2, 2). Ее дужка утрачена. Аналогичная ей серебряная пряжка со щитком, округлой дужкой и язычком в виде летящей птицы найдена в Горгишпии в 1970 г. в погребении 27 второй половины II — начала III в. (рис. 2, 3).

Таблица 1
Металлургические группы Горгииппии

Тип сплава	Номенклатура	Формула	Элементы, %					Обязат. условие
			Cu	Sn	Pb	Zn	Ag	
I	Латунь	Cu + Zn + (Pb)	осн.	<1	безразлично	>1	безразлично	
II	Многокомпонентный сплав	Cu + Zn + Sn + (Pb)	«	≥1	«	≥1	«	Zn ≥ Sn
III	Многокомпонентный сплав	Cu + Sn + Zn + (Pb)	«	≥1	«	≥1	«	Sn > Zn
IV	Оловянистые бронзы	Cu + Sn	«	≥1	<1	<1	«	
V	Свинцовистые бронзы	Cu + Pb	«	<1	≥1	<1	«	
VI	Оловянисто-свинцовистые бронзы	Cu + Sn + Pb	«	≥1	≥1	<1	«	Sn > Pb
VII	Свинцовисто-оловянистые бронзы	Cu + Pb + Sn	«	≥1	≥1	≥1	«	Pb > Sn
VIII	«Чистая» медь	Cu	«	<1	<1	<1	<	—
IX	Биллон	Cu + Ag	≥50	безразлично			<50	—

Тип 2. Семь пряжек округлой формы с прямым основанием, образованным несомкнутыми концами (рис. 2, 4); из них две (II—III вв.) имеют округлое сечение; четыре пряжки, дужки которых сделаны из четырехгранного в сечении дрота (стержня) в передней части и круглого в задней, находят аналогии в боспорских комплексах I—III вв. н. э. ³

Тип 3. Пряжка овальной формы с откидным язычком. Круглый в сечении дрот в задней части рамки заузен (рис. 2, 5). На Боспоре подобный тип пряжек возникает, очевидно, во II в. н. э. и получает основное развитие в III—IV вв. н. э.

Тип 4. Пряжка конца I — первой половины II в. с полуовальной дужкой, надетой на прямое основание. Такие пряжки были широко распространены во II—I вв. до н. э., но встречались и в I в. до н. э.— I в. н. э. ⁴

Тип 5. Пять пряжек I—II вв. вытянутой формы, заканчивающиеся округлой головкой с завитками. Дужка надета на прямое основание (рис. 2, 6). Подобные пряжки найдены в Херсонесе, Ольвии, Пантикапее, Танаисе, на позднескифских и сарматских памятниках Украины, памятниках римского времени Польши, Венгрии, Чехословакии ⁵.

Тип 6. Две пряжки первой половины II в. с рамками сложной формы, представляющие комбинацию овальной и прямоугольной рамок. Откидной язычок имеет выступ (рис. 2, 7). Этим же временем датируются пряжки из Пантикапея, Кеп, Фанагории ⁶.

Сделаны анализы металла десяти пряжек; семь из них — латунные, по одной из многокомпонентного сплава-II, оловянисто-свинцовистой бронзы и «чистой» меди.

Аналогичную картину дает анализ пряжек из других городов Северного Причерноморья и из Прикубанья ⁷.

Браслеты. В Горгииппии найдено около 50 браслетов, разделяющихся на 11 типов (рис. 2, 8—13). В комплексах эллинистического времени преобладают пластинчатые браслеты и из проволоки треугольного сечения. Большинство браслетов этого времени состоят из двух и более витков. Распространены круглопроволочные браслеты с концами, оформленными в виде змеиных головок.

Тип 1. Браслет III—II вв. до н. э. из круглой в сечении проволоки, состоящей из двух полных спиральных витка, один из концов украшен насечками (рис. 2, 10), из раскопок В. Г. Тизенгаузена (курган 17 вблизи

г. Анапы). Аналогичные браслеты встречаются в Прикубанье в погребениях IV—III вв. до н. э.⁸

Тип 2. Четыре браслета из проволоки треугольного сечения с несомкнутыми концами, составляющие один (два) витка (рис. 2, 8), из погребений III в. до н. э. — I в. н. э. Двухвитковый браслет найден в 1955 г. в погребении 56 (II—I вв. до н. э.). Сходен с ним браслет из Танаиса (I в. н. э.)⁹.

Тип 3. Браслеты пластинчатые, составляющие четыре (три) спиральных витка (рис. 2, 9). Два браслета найдены в 1954 г. в погребении II в. до н. э. (один из браслетов трехвитковый); один — в 1955 г. в погребении I в. до н. э. — I в. н. э.

Тип 4. Браслет из круглой в сечении проволоки с расширенными концами был найден в могиле II—I вв. до н. э. (рис. 2, 12). Фрагмент аналогичного браслета происходит из раскопа «Город» 1976 г.

Тип 5. Три браслета из круглой в сечении проволоки с расплюснутыми и оформленными в виде змеиных головок концами, которые могут быть украшены гравированными насечками (рис. 2, 11). Из погребений II в. до н. э. — I в. н. э.

Браслеты 1—5 типов изготовлены из оловянисто-свинцовой бронзы, многокомпонентного сплава — III и из «чистой» меди. В металле браслетов типов 2—3 высоки примеси сурьмы (0,4—1,0%).

I в. н. э. — время необычайного разнообразия форм браслетов: еще находятся в употреблении модные в эпоху эллинизма многовитковые браслеты из проволоки пластинчатого и треугольного сечения, широко употребляются браслеты с шпешками и шариками на концах, появляются браслеты с «завязанными» концами. Эти типы браслетов, а также экземпляры из круглой в сечении проволоки в виде простого кольца получают наибольшее распространение в первые века нашей эры.

Тип 6. Три браслета из круглой в сечении проволоки с биконическими (коническими) шпешками на концах происходят из комплексов I в. до н. э. — I в. н. э. Т. М. Арсеньева датирует подобные браслеты из Танаиса и Ново-Отрадного I в. н. э. и находит им аналогии в сарматском погребении у с. Ново-Филиповка, могильнике у ст. Усть-Лабинской, Тахтамукаевском могильнике¹⁰.

Тип 7. Браслет из круглой в сечении проволоки с ребристыми заостренными шпешками на концах. Спектральный анализ показал, что браслет сделан из латуни, и это позволяет (см. с. 123) с большой вероятностью датировать его первыми веками нашей эры. Аналогичный браслет был найден в погребении I в. н. э. могильника у д. Ново-Отрадное¹¹.

Тип 8. Браслет из круглой в сечении проволоки, обмотанный проволокой меньшего диаметра, с шариками на концах (рис. 2, 13) был найден в погребении I в. н. э. Аналогичные браслеты найдены в комплексах этого же времени при раскопках некрополей Тирамбы и Фанагории. Подобный же браслет находится в экспозиции Керченского музея (инв. № К—1317, Км—661).

Тип 9. Браслет из круглой в сечении проволоки с замочком на концах в виде петли и крючка из могилы I в. н. э. Аналогичные браслеты найдены в могильнике у д. Ново-Отрадное (I в. н. э.) и в некрополе Тиритаки¹²

Тип 10. Браслеты из круглой в сечении проволоки с концами, привязанными к дужке спиральными оборотами проволоки. Т. М. Арсеньева отмечает, что эти браслеты существовали в Северном Причерноморье с I в. до н. э., и находит им аналогии в Танаисе, Неаполе Скифском, в Заветнинском и Ново-Отраденском могильниках¹³. В Западном Причерноморье браслеты этого типа, вероятно, появились раньше. Два подобных серебряных браслета происходят из погребения 750, некрополя Аполлонии Фракийской, относящегося к III в. до н. э.¹⁴ Ж. Дешелетт считал этот тип браслетов латенским¹⁵. Судя по комплексам, из которых происходят 15 горгипнийских браслетов, они не могут датироваться временем ранее середины I в. н. э. Браслеты с «завязанными» концами за редким исключением очень небольшие, возможно это детское украшение.

Тип 11. Браслеты из круглой в сечении проволоки в виде простого кольца с несомкнутыми концами. Найдено 11 экз. первых веков нашей эры.

Как показал спектральный анализ, браслеты первых веков нашей эры изготовлены из различных сплавов, но предпочтение отдавалось латуни.

Гривны. При раскопках некрополя первых веков нашей эры найдены четыре гривны, разделяющиеся на два типа.

Тип 1. Три гривны из крученой или круглой в сечении проволоки с одним концом, загнутым и украшенным шишечкой, и другим, заканчивающимся петлей.

Тип 2. Гривна из крученой проволоки с шишечками на концах. Найдена в 1963 г. в погребении 9.

Гривны подобных типов известны в Северном Причерноморье в первые века нашей эры¹⁶. Обе проанализированные гривны из Горгии — латунные. Из латуни изготовлены гривны, найденные в Тирамбе и Фанагории.

Серьги и подвески (рис. 2, 14—15). В Горгии найдено семь серег, в Фанагории, Кепях, Тирамбе их находили гораздо чаще.

Тип 1. Серьги округлой формы из круглой в сечении проволоки с несомкнутыми концами. Найдены 2 экз., в том числе один в погребении II в.

Тип 2. Серьги округлой формы из круглой в сечении или крученой проволоки. Замочек в виде петли и крючка (рис. 2, 14). Три экземпляра происходят из могил первых веков нашей эры и из культурного слоя некрополя. Серьги этого типа часто встречаются в некрополях Северного Причерноморья первых веков нашей эры¹⁷, особенно I в., а самые ранние происходят из могил II—I вв. до н. э. некрополя Кеп¹⁸.

Тип 3. Серьги в виде вопросительного знака из крученой проволоки с гладкой дужкой и полусферическим завершением внизу (рис. 2, 15) были найдены в 1975 г. в погребении 19 первых веков нашей эры. Серьги сделаны из латуни.

В некрополе Горгии найдены четыре литые подвески в виде мужских фаллических фигурок. Аналогичные подвески известны в городах и на поселениях Боспора, в Неаполе Скифском, Прикубанье. Е. М. Алексеева отмечает, что подвески происходят из комплексов конца I в. до н. э. — II в. н. э. в основном из погребений I в. н. э.¹⁹

На таблице 3 показано хронологическое распределение бронзовых изделий из Горгии и ее окрестностей по металлургическим группам. Выделяется два периода, различающиеся по употреблению типов сплавов: 1—IV—I вв. до н. э.; 2 — I—III вв. н. э.

Для первого периода характерны оловянистые сплавы, оловянисто-свинцовистые бронзы, «чистая» медь. В III—I вв. до н. э. встречаются изделия из многокомпонентного сплава с цинком — III (браслеты типов 2—3, перстень с изображением головы Афины на щитке). Хотя сплавы меди с цинком (латуни) начали широко применяться приблизительно со второй половины I в. до н. э., прежде всего для чеканки некоторых номиналов римских монет, есть определенные данные, свидетельствующие об изготовлении сплавов с цинком и в более раннее время²⁰. В металле изделий IV—I вв. до н. э. примесей мышьяка, как правило, больше (концентрации выше 0,03—0,1%), чем в изделиях первых веков нашей эры. Аналогичные концентрации мышьяка характерны для металла синдских могильников окрестностей Горгии, бронзовых изделий из Фанагории и Тирамбы VI—I вв. до н. э.²¹ Это позволяет предположить наличие общего рудного источника для центров Азиатского Боспора в VI—I вв. до н. э. Таким источником был, вероятнее всего, Кавказ²². Материала эллинистического времени из Горгии значительно меньше, чем материала римского времени. Это объясняется худшей изученностью грунтового эллинистического некрополя, тем, что не сохранились многие бронзовые изделия из эллинистического курганного некрополя города, раскопывавшегося в конце XIX в., и тем, что эллинистический слой Горгии

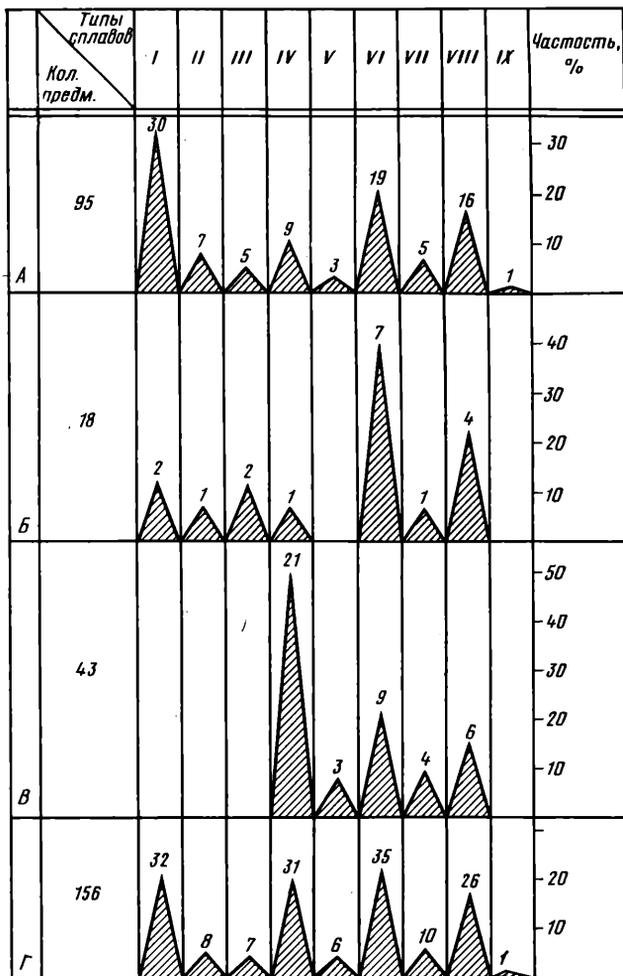

Рис. 3. Схема распределения бронзовых изделий из Горгиппии и памятников ее хоры по типам сплавов

А — материал из Горгиппии I—III вв. н. э.; Б — материал из Горгиппии IV—I вв. до н. э.; В — материал из памятников хоры Горгиппии; Г — итоговые показатели

пии сильно испорчен перекопами. Ввиду малого количества анализов выводы о взаимосвязи металлургических групп с типами вещей преждевременны.

Второй период (I—III вв. н. э.) характеризуется сменой рудных источников, появлением латуней и многокомпонентного сплава с цинком-II (рис. 3, а), одним из кардинальных новшеств металлообработки раннежелезной эпохи²³. Эта принадлежность к I—II металлургическим группам позволяет установить примерную дату вещей из Горгиппии, не датируемых типологически, стратиграфически или по погребальным комплексам. Продолжают существовать старые типы сплавов, но начинают также применять свинцовисто-оловянистые бронзы (пять образцов), которые в окрестностях Горгиппии (рис. 3, в) в Фанагории, Тирамбе и других центрах Боспора были известны и в более раннее время, а также биллон (один образец). Появляются серии вещей, плохо или почти совсем не представленные в I период: фибулы, пряжки, гривны, зеркала-подвески и т. д. Набор вещей первых веков нашей эры говорит о сильном сарматском влиянии. Проведенный анализ показал, что строгой взаимосвязи между типом вещи и металлургической группы нет. Но вместе с тем можно назвать определенные вещественные категории, тяготеющие к той или иной металлур-

гической группе. Так, фибулы предпочитали изготавливать из сплавов I и II типов, что характерно для их северопричерноморских типов; для браслетов рецепты сплавов разнообразны, что для Прикубанья отмечено Т. Б. Барцевой; пряжки изготавливались в основном из латуни и многокомпонентного сплава-II, как и прикубанские²⁴, а гривны — из латуни.

Хотя при раскопках Горгиппии не были найдены остатки бронзолитейных мастерских, как при исследовании Пантикапея, Фанагории, Танаиса²⁵, но есть данные, позволяющие предполагать существование местного горгиппийского бронзолитейного ремесла. Так, в 1980 г. на раскопе «Заповедник» (продолжение раскопа «Город») в яме 211 с материалом от IV в. до н. э. до первых веков нашей эры были найдены капли металла, «сплески». Спектральный анализ их показал, что их металл — оловянисто-свинцовистая и свинцовисто-оловянистая бронза. Отсутствие в сплаве мышьяка позволяет предположительно датировать его первыми веками нашей эры.

- ¹ Черных Е. Н., Барцева Т. Б. Сплавы цветных металлов. — В кн.: Барцева Т. Б., Вознесенская Г. А., Черных Е. Н. Металл черняховской культуры. — МИА, 1972, № 187; Барцева Т. Б. Цветная металлообработка на Северном Кавказе в раннем железном веке: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1974. — Архив ИА, д. № Р-2, 2130.
- ² Арсеньева Т. М. Некрополь Танаиса. М., 1977, с. 117, табл. XXXV, 2; с. 120, XXXVI, 2; Гайдукевич В. Ф. Некрополи некоторых боспорских городов. — МИА, 1959, № 69, с. 218, рис. 85, 4; с. 221, рис. 91, 4; Шелов Д. Б. Некрополь Танаиса. — МИА, 1961, № 98, табл. XXXVIII, 12.
- ³ Арсеньева Т. М. Могильник у дер. Ново-Отрадное. — МИА, 1970, № 155, табл. 13, 6; Сокольский Н. И., Стручалкина Р. А., Голенко К. В. Третий патристский клад. — В кн.: Античный мир и археология. Саратов, 1974, вып. 2, с. 97, рис. 5, 4.
- ⁴ Погребова Н. Н. Погребения в мавзолее Неаполя Скифского. — МИА, 1961, № 96, с. 127.
- ⁵ Вязьмитина М. И. Золотобалковский могильник. Киев, 1972, с. 133 и примеч.
- ⁶ Кунина Н. З., Сорокина Н. П. Стекланные бальзамарии Боспора. — ТГЭ, 1972, XIII, рис. 8, 19, 40; 10, 35.
- ⁷ Барцева Т. Б. Цветная металлообработка..., с. 90.
- ⁸ Галанина Л. К. Курджипский курган. Л., 1980, с. 90, № 39.
- ⁹ Шелов Д. Б. Некрополь Танаиса, с. 75, табл. XXXVII, 5.
- ¹⁰ Арсеньева Т. М. Некрополь Танаиса, с. 140, табл. XXXIII, 4 и примеч. 92; Она же. Могильник..., с. 138, табл. 6, 9, 11, 13.
- ¹¹ Арсеньева Т. М. Могильник..., с. 138, табл. 12, 1.
- ¹² Арсеньева Т. М. Могильник..., с. 139, табл. 8, 6; Гайдукевич В. Ф. Некрополи..., с. 215—216, рис. 82, 2.
- ¹³ Арсеньева Т. М. Некрополь Танаиса, с. 141, примеч. 95, 96; Д. Б. Шелов (Некрополь Танаиса, с. 75) датировал такие браслеты первыми веками нашей эры, Ф. Маршалл — II—III вв. (Marshall F. Catalogue of jewellery in the British Museum, N 2809).
- ¹⁴ Венедиков Ив. Металлически и костяни предметы от некрополя на Аполлония. — В кн.: Аполлония. София, 1963, с. 298, № 942, 943, обр. 106.
- ¹⁵ Dèchellete J. Manuel d'archéologie pré-historique celtique et gallo-romaine. Paris, 1914, vol. II, III, p. 1227.
- ¹⁶ Гайдукевич В. Ф. Некрополи..., с. 224, рис. 95, 1.
- ¹⁷ Кругликова И. Т. Некрополь поселения у дер. Семеновки. — СА, 1969, № 1, с. 105, рис. 5, 17, 22; Арсеньева Т. М. Могильник..., с. 140.
- ¹⁸ Кепы, 1960 г., погребение 43; 1978 г., курган 18, погребение 4. Благодарим Н. П. Сорокину за возможность ознакомиться с материалом.
- ¹⁹ Алексеева Е. М. Массовые украшения населения античных государств Северного Причерноморья: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1972. Архив ИА, д. № Р-2, 2112—2114, с. 565, 566.
- ²⁰ Caley E. R., Richards J. F. C. Theophrastus on stones. Columbus, 1956, p. 164, 165; Caley E. R. Analysis of ancient metals. N. Y., 1964, p. 138. Зеркало из раскопок Тирамбы, браслет из некрополя Фанагория сделаны из многокомпонентного сплава — III.
- ²¹ Изучение металла из Фанагории и Тирамбы позволило нам выделить три периода, различающиеся по употреблению типов сплавов: I период: VI—IV вв. до н. э.; II период: III—I вв. до н. э.; III период — I в. до н. э. — IV в. н. э.
- ²² Черных Е. Н. История древнейшей металлургии Восточной Европы. М., 1966, с. 46.
- ²³ Черных Е. Н., Барцева Т. Б. Сплавы цветных металлов, с. 91.
- ²⁴ Барцева Т. Б. Цветная металлообработка..., с. 87, 89—90, 92.
- ²⁵ Марченко Н. Д. Материалы по металлообработке и металлургии Пантикапея. — МИА, 1957, № 56, с. 162; Она же. Позднеархаическая мастерская оружейника из Пантикапея. — СА, 1971, № 2; Арсеньева Т. М. Двадцать пять лет работы Нижнедонской экспедиции. — АО 1979 г. М., 1980, с. 93, 94.

ПАМЯТИ В. Д. БЛАВАТСКОГО

В. Д. БЛАВАТСКИЙ
(1899—1980 гг.)

Советская историческая наука понесла большую утрату. 10 ноября 1980 г. после продолжительной болезни скончался крупнейший антиковед, старший научный сотрудник, консультант Института археологии АН СССР, доктор искусствоведения, профессор Владимир Дмитриевич Блаватский.

Владимир Дмитриевич родился 12 сентября 1899 г. в г. Петербурге в семье таможенного чиновника. Окончив в 1917 г. 3-ю московскую гимназию, он поступил в Московский университет, обучение в котором было прервано службой в Красной Армии в 1919—1922 гг. После окончания университета В. Д. Блаватский в 1924 г. был зачислен научным сотрудником отдела античного искусства Государственного музея изящных искусств.

В 1929 г. им была защищена кандидатская диссертация «Чернофигурные лекивы V в. до н. э. из эллинских городов Северного Причерноморья». С середины 20-х годов В. Д. Блаватский принимает участие в археологических экспедициях. Особенно важными были работы в 1925—1926 гг. в Ольвии под руководством Б. В. Фармаковского, которого Владимир Дмитриевич всегда высоко ценил и считал своим учителем в античной археологии. С 1931 г. он самостоятельно ведет раскопки сначала в Хараксе, затем в Фанагории и на Керченском полуострове.

В эти же годы начинается его преподавательская деятельность. С 1937 г. он старший научный сотрудник ИИМК АН СССР, а с 1939 г. доцент исторического и филологического факультетов Московского университета. В это же время выходят в свет его первые монографии.

В 30-е годы происходит окончательное формирование научных взглядов В. Д. Блаватского, становление его как исследователя-антиковеда.

Работа ученого была прервана Великой Отечественной войной. С июля 1941 г. по январь 1942 г. Владимир Дмитриевич сначала в народном ополчении, затем в регулярных частях Красной Армии. Уволенный в запас, в трудных военных условиях он продолжает научную работу и преподавание в университете. Итогом ее явилась докторская диссертация «Опыт изучения техники античной скульптуры», защищенная им в 1943 г. С 1944 по 1970 г. В. Д. Блаватский — заведующий созданного им сектора античной археологии ИИМК, а затем Института археологии АН СССР.

Вторая половина сороковых годов и пятидесятые годы — время наиболее плодотворной деятельности В. Д. Блаватского. Он организует большую Пантикапейскую экспедицию, ведет исследования на Таманском полуострове, в 1958—1960 гг. руководит Советско-Албанской экспедицией, проводит первые в нашей стране подводные исследования. Владимир Дмитриевич участвовал в 11 экспедициях и руководил 44 археологическими экспедициями, в которых выросли кадры археологов, продолжающих трудиться в различных районах Северного Причерноморья. В 40—60-е годы выходят монографии и наиболее известные и значительные статьи Владимира Дмитриевича.

Огромная эрудиция известного ученого позволяла ему разрабатывать самые разные вопросы экономики, истории и культуры античного Средиземноморья и Причерноморья, многие из которых им были поставлены впервые. Обобщив опыт свой и других исследователей, он создал научную методику раскопок разнообразных античных памятников. При жизни и посмертно В. Д. Блаватскому принадлежит 207 статей и книг объемом более 400 п. л.

Признанный руководитель отечественных антиковедов, В. Д. Блаватский был участником девяти международных конгрессов и конференций. Его яркие выступления всегда вызывали большой интерес.

В. Д. Блаватский был избран почетным членом научных обществ, советов и институтов ФРГ, США, Югославии, Венгрии. За границей им опубликованы около 40 научных работ. Его заслуги перед советской наукой отмечены орденом Трудового Красного Знамени, орденом Ленина и орденом Знак почета, несколькими медалями.

Владимир Дмитриевич воспитал целое поколение антиковедов. Он был требовательным, но удивительно внимательным и щедрым учителем, подлинным патриотом и беззаветным тружеником науки, которой он отдал все свои силы до последнего часа.

Светлую память о дорогом Владимире Дмитриевиче навсегда сохранят его товарищи, коллеги и ученики, все знавшие его археологи и историки.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АИЗ — Археологические известия и заметки
АИКСП — Археология и культура Средиземноморья и Причерноморья. Л., 1968
АИУ — Археологические исследования на Украине
АО — Археологические открытия
ВВ — Византийский временник
ВДИ — Вестник древней истории
ГАХ — Граффити античного Херсонеса
ГМИИ — Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина
ДБК — Древности Босфора Киммерийского. СПб., 1854
ДГС — Древности Геродотовой Скифии. СПб., 1872, вып. II
ЗООИД — Записки Одесского общества истории и древностей
ИАДК — История и археология древнего Крыма
ИАК — Известия Императорской археологической комиссии
ИИМК — Ин-т истории материальной культуры
ИКОГО — Известия Крымского отдела Географического общества СССР
ИРАИМК — Известия Российской Академии истории материальной культуры
ИТУАК — Известия Таврической ученой археологической комиссии
КБН — Корпус боспорских надписей
КСИА — АН СССР — Краткие сообщения Института археологии АН СССР
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры
МГУ — Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
НиС — Нумизматика и сфрагистика
НЭ — Нумизматика и эпиграфика
НЭПХ — Новые эпиграфические памятники Херсонеса
ОАК — Отчет Археологической комиссии
СА — Советская археология
САИ — Свод археологических источников
Тр. ГИМ — Труды Государственного исторического музея
ТГЭ — Труды Государственного Эрмитажа
ХС — Херсонесский сборник
ХМ — Херсонесский музей
AJA — American Journal of Archaeologia
BMC — A Catalogue of the Greek Coins in the British Museum W. Wroth, Pontus, Paphlagonia, Bithynia and the Kingdom of Bosphorus. London, 1889
IOSPE — Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

<i>Б. Н. Федоров.</i> Дорическая архитектура Херсонеса Таврического IV—III вв. до н. э.	3
<i>[И. Б. Брашинский].</i> К проблеме локализации группы амфор с так называемыми стаканообразными доньями	8
<i>Т. В. Мирошина.</i> Греческие головные украшения Северного Причерноморья	10
<i>И. В. Яценко.</i> Винодельня на поселении Чайка	18
<i>Н. А. Фролова.</i> Монеты Савромата IV (275 г. н. э.)	26

Публикации

<i>Г. К. Шамба.</i> Погребение VI в. до н. э. близ Сухуми	33
<i>К. К. Марченко, Я. В. Доманский.</i> Культовый зольник на поселении Куцуруб I	37
<i>Т. И. Костромичева, Н. А. Алексеенко.</i> Клад херсонесских монет IV—II вв. до н. э.	40
<i>И. Т. Кругликова.</i> Херсонесская усадьба на наделе 10	43
<i>А. Г. Авдеев, Б. Г. Петерс.</i> Клейма на амфорах из поселения у с. Мысовое	51
<i>А. С. Голенцов.</i> Граффити из Керкинитиды	56
<i>С. Ю. Сапрыкин.</i> Граффити и метки на сосудах из херсонесских усадеб	63
<i>В. А. Горончаровский.</i> Сосуд из сельской усадьбы близ Мирмекия	66
<i>Т. Г. Шавырина.</i> Раскопки некрополя Фанагории в 1978 г.	69
<i>Б. С. Мосейчук.</i> Аккосов вал	74
<i>О. Н. Усачева.</i> Терракотовые статуэтки из кургана вблизи Кеп	77
<i>Н. А. Онайко.</i> Погребение воина у поселка Мысхако	82
<i>В. С. Щербакова.</i> Геммы с изображением Гермеса из херсонесских находок	86
<i>А. А. Масленников, О. Д. Чевелев.</i> Охранные раскопки на Ново-Николаевском городище	91
<i>[И. Г. Шургая].</i> Изображения всадника и коня из Илурата	96
<i>Т. М. Арсеньева.</i> Раскопки Танаиса в 1977—1980 гг.	100
<i>Н. Н. Грандмезон.</i> Неопубликованные монеты античного Херсонеса	108
<i>Э. Я. Николаева.</i> Пифосы Ильичевского городища (V—VI вв. н. э.)	110
<i>М. Ю. Трейстер.</i> Результаты спектрального анализа бронзовых украшений из Горгиппии	117
Памяти В. Д. Блаватского	125
Список сокращений	127

Античная археология]

КСИА, вып. 174]

Утверждено к печати ордена Трудового Красного Знамени Институтом археологии АН СССР

Редактор издательства Г. Н. Улунян. Художественный редактор Н. Н. Власик
Технический редактор З. Б. Павлюк. [Корректор А. Б. Васильев

ИБ № 26854

Сдано в набор 13.04.83. Подписано к печати 28.06.83. Т-0397. Формат 70×108^{1/16}
Бумага книжно-журнальная. Гарнитура обыкновенная новая. Печать высокая
Усл. печ. л. 11,2. Уч.-изд. л. 12,1. Усл. кр. отг. 11,55. Тираж 2900 экз. Тип. зак. 2749.
Цена 1 р. 30 к.

Издательство «Наука» 117864 ГСП-7, Москва В-485, Профсоюзная ул., 90.

2-я типография издательства «Наука» 121089, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10